

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

5

БАКУ . 1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я **ТЮРКОЛОГИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

IFEAS

Inventaire n°.....

date :.....

№ 5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1990

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТУРКОЛОГИЯ

LA TURCOLOGIE SOVIETIQUE

SOVIET TURKOLOGY

SOWJETISCHE TORKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердябаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdiyayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhlyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdzanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow, Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ф. А. ГАНИЕВ

КОНВЕРСИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Конверсия, т. е. лексико-грамматический способ словообразования, присуща многим языкам мира [1. С. 120; 2; 3. С. 243; 4. С. 84; 5. С. 362; 6—13], в том числе тюркским.

В татарском языке Ш. А. Рамазанов, В. Н. Хангильдин, Ф. С. Фасеев отмечают в основном нерегулярный переход слов в другие части речи (типа *ак* 'белый' и *ак* 'бельмо, белок') [14. С. 121—122; 15. С. 99; 16. С. 128—129].

Мы же считаем, что в тюркских языках существует и регулярный переход слов и словоформ в другие лексико-грамматические классы. Отрицание этого явления большинством тюркологов привело к тому, что данная проблема в настоящее время приобрела дискуссионный характер.

Например, Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Ф. Р. Зейналов и некоторые другие считают, что существительные и прилагательные в регулярном плане не переходят соответственно в прилагательные и наречия [17. С. 69—70; 18. С. 80; 19. С. 66].

Представители второй концепции (О. Бетлингк, авторы «Грамматики алтайского языка», Джамал Валиди, И. А. Батманов, Н. П. Дыренкова, В. М. Жирмунский, Л. Н. Харитонов, С. К. Кенесбаев, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян и другие) указанное явление объясняют слабой дифференцированностью многих тюркских слов с точки зрения их лексико-грамматического класса и в то же время допускают наличие как особых частей речи существительных, прилагательных, наречий и т. д. [20. С. 119; 21. С. 19; 22. С. 32; 23. С. 20; 24. С. 118—119; 25. С. 41—47, 96; 26. С. 96—97; 27. С. 13—14; 28. С. 205; 29. С. 191; 30. С. 59; 31. С. 186].

Сторонники третьей точки зрения (И. Гиганов, П. М. Мелиоранский, Н. И. Ашмарин, Н. Ф. Катанов) подобный способ словообразования рассматривают как употребление существительных и прилагательных соответственно в функции (значении) прилагательных и наречий [32. С. 176; 33. С. 29—45; 34. С. 227; 35. С. 809].

Лишь отдельные языковеды-тюркологи указанное явление рассматривали как регулярный переход слов из одной части речи в другую (А. Казем-Бек, Т. М. Гарипов) [36. С. 317—320, 359; 10. С. 204]. С конца 60-х годов такой переход слов в тюркологии стали называть конверсией [37; 38. С. 112; 39. С. 70—81; 40. С. 141—143; 41. С. 46—52; 42—43].

Возникновению четвертой точки зрения, по-видимому, способствовало исследование типологии языков. Так, в частности, в английском языке образование значительной части прилагательных происходит по тем же законам, что и в тюркских;

Английский язык	Татарский язык
<i>gold</i> { 'золото' 'золотой'	<i>алтын</i> { 'золото' 'золотой'
<i>stone</i> { 'камень' 'каменный'	<i>таш</i> { 'камень' 'каменный'
<i>silver</i> { 'серебро' 'серебряный'	<i>көмеш</i> { 'серебро' 'серебряный'

Например: *a gold watch* — *алтын сәгать* 'золотые часы';
a stone bridge — *таш күпер* 'каменный мост';
a silver spoon — *көмеш кашык* 'серебряная ложка'.

Как видно из сравнения, существительные в обоих языках, не изменяя своей материальной структуры, выступают как прилагательные. В германистике это явление принято считать словообразованием по способу конверсии. Подобный языковой феномен в английском и тюркских языках, имея одну и ту же языковую сущность, не может интерпретироваться в науке о языке по-разному, т. е. получить в германистике одно истолкование, а в тюркологии — другое. С нашей точки зрения, это явление и в тюркских языках есть не что иное, как обычная конверсия.

Переход слов одной части речи в другую наблюдается и в русском языке, правда, не так уж часто. Например: *заведующий, суточные, больной, операционная* и т. п.

Переход основ или словоформ в другую часть речи сопровождается определенными лексико-грамматическими изменениями.

Во-первых, между производным словом и исходной основой возникает отношение внутренней семантической производности, т. е. материально-семантическая связь.

Во-вторых, иной становится в сравнении с исходной основой семантика производного слова. Так, существительное, перейдя в прилагательное, обозначает уже не предмет, а его признак.

В-третьих, в другом виде предстает и сочетаемость производных слов. Например, существительное, которое в предложении употребляется в любой позиции, при переходе в класс прилагательных может находиться только перед существительным; в других позициях оно теряет свою производность или становится бессмысленным.

В-четвертых, изменяется парадигма слова, т. е. оно воспринимает все грамматические признаки той части речи, в которую переходит. Так, существительное в татарском языке, перейдя в класс прилагательных, перестает изменяться по падежам, числам и притяжательности. Прилагательное же, конверсируясь в существительное, приобретает все морфолого-синтаксические признаки существительного, т. е. начинает изменяться по падежам, числам и притяжательности. При переходе слов в неизменяемые части речи, например, в наречия, парадигма не играет особой роли. Критерием различения перехода в таких случаях являются позиция (сочетаемость), лексико-грамматическая семантика и синтаксическая функция изучаемых слов,

В татарском языке посредством конверсии образуются существительные, прилагательные, наречия, послелоги, междометия, частицы и союзы, причем наиболее продуктивным является образование прилагательных, наречий, существительных и послелогов.

I. Основные типы образования существительных способом конверсии:

1. *Прилагательное*→*существительное*: кара 'черный'→кара 'чернила' (кара кара 'черные чернила'); күк 'голубой'→күк 'небо' (төпсез күк 'бездонное небо'); ялагай 'льстивый'→ялагай 'подхалим' (вөждансыз ялагай 'бессовестный подхалим'); бай 'богатый'→бай 'богач', 'богатый' (комсыз бай 'жадный богатый'); карт 'старый'→карт 'старик' (олы яшьтәге карт 'старик преклонного возраста'); суык 'холодный'→суык 'холод' (бүгенге суык 'сегодняшний холод'); ярлы 'бедный'→ярлы 'бедняк' (ярлы хужалыгы 'хозяйство бедняка'); телсез 'немой'→телсез 'немой' (телсезләр мәктәбе 'школа для немых').

2. *Глагольные формы*→*существительное*: жиңу 'победить'→жиңу 'победа' (безнең жиңу 'наша победа'); белдерү 'объявить'→белдерү 'объявление' (белдерү эләргә 'повесить объявление'); буяу 'красить'→буяу 'краска' (яшел буяу 'зеленая краска', кызыл буяу 'красная краска'); язучы 'пишущий'→язучы 'писатель' (талантлы язучы 'талантливый писатель'); укучы 'читающий'→укучы 'ученик' (тырыш укучы 'старательный ученик'); сатучы 'продающий'→сатучы 'продавец' (сатучылар курсы 'курсы продавцов').

В татарском языке изредка встречается и переход числительных, местоимений и подражательных слов в существительные.

II. Основные типы образования прилагательных способом конверсии:

1. *Существительное*→*прилагательное*: ефәк 'шелк'→ефәк 'шелковый' (ефәк күлмәк 'шелковое платье'); китән 'холст'→китән 'холщовый' (китән букча 'холщовая сумка'); поплин 'поплин'→поплин 'поплиновый' (поплин күлмәк 'поплиновая сорочка'); мәрмәр 'мрамор'→мәрмәр 'мраморный' (мәрмәр һэйкәл 'мраморная статуя'); бакыр 'медь'→бакыр 'медный' (бакыр таз 'медный таз'); корыч 'сталь'→корыч 'стальной' (корыч пычак 'стальной нож', корыч ат 'стальной конь'); агач 'дерево'→→агач 'деревянный' (агач кашык 'деревянная ложка'); туз 'береста'→туз 'берестяной' (туз савыт 'берестяная посуда'); күн 'кожа'→→күн 'кожаный' (күн пальто 'кожаное пальто'); лавсан 'лавсан'→лавсан 'лавсановый' (лавсан тукыма 'лавсановая ткань'); көньяк 'юг'→→көньяк 'южный' (көньяк өлкәләр 'южные области'); төньяк 'север'→→төньяк 'северный' (төньяк районнар 'северные районы'); батыр 'герой'→батыр 'смелый' (батыр кешеләр 'смелые люди'); хата 'ошибка'→→хата 'ошибочный' (хата фикер 'ошибочное мнение'); баш 'голова'→→баш 'главный' (баш инженер 'главный инженер'); чирәм 'целина'→→чирәм 'целинный' (чирәм җирләр 'целинные земли').

В прилагательные переходят также существительные, образованные с помощью суффиксов.

Существительные с суффиксом -чы→*прилагательное*: эшче 'рабочий'→эшче 'рабочий' (эшче көчләр 'рабочие силы'); ярдәмче 'помощник'→ярдәмче 'вспомогательный' (ярдәмче көчләр 'вспомогательные силы').

Существительные с суффиксом -ма→*прилагательное*: чагыштырма 'сравнение'→чагыштырма 'удельный, сравнительный' (чагыштырма авырлык 'удельный вес'); кыскартма 'сокращение'→кыскартма 'сокращенный' (кыскартма сүз 'сокращенное слово'); өйрәнчек 'ученик'→→өйрәнчек 'ученический' (өйрәнчек эш 'ученическая работа').

Существительные с суффиксом *-ым(ем)*→прилагательное: *өем* 'куча'→*өем* 'кучевой' (*өем болытлар* 'кучевые облака'); *явым* 'ненастная погода'→*явым* 'ненастный, дождливый' (*явым көннәр* 'ненастные дни').

2. Глагольные формы→прилагательное: *булган* (причастная форма от *бул* 'быть')→*булган* 'деловой, проворный' (*булган егет* 'проворный парень'); *житү* (имя действия от глагола *житәргә* 'достигать')→*житү* 'совершеннолетний' (*житү кызлар* 'девушки на выданье'); *жебегән* (причастная форма от глагола *жебе* 'намочнуть')→*жебегән* 'безвольный, неделовой' (*жебегән кеше* 'неделовой человек').

3. Наречие→прилагательное: *кыңгыр* 'набок, набекрень'→*кыңгыр* 'кривой' (*кыңгыр юл* 'кривая дорога'); *күп* 'много'→*күп* 'многие' (*күп кешеләр* 'многие люди').

4. Предикативные слова→прилагательное: *кирәк* 'надо'→*кирәк* 'нужный' (*кирәк материал* 'нужный материал'); *мөмкин* 'можно, возможно'→*мөмкин* 'возможный' (*мөмкин хәл* 'возможный случай').

III. Основные типы образования наречий способом конверсии:

1. *Существительное*→*наречие*. Существительные даже в своей основной форме могут переходить в наречия: *кич* 'вечер'→*кич* 'вечером' (*кич кайтырга* 'вернуться вечером'), *иртә* 'утро'→*иртә* 'рано' (*иртә килде* 'пришел рано'). В татарском языке адвербиализуются в основном косвенные формы существительных: *алга* — форма направительного падежа сущ. *ал*→*алга* 'вперед' (*алга китте* 'ушел вперед'), *өстән* — форма исходного падежа сущ. *өс(т)*²→*өстән* 'сверху' (*өстән сикерде* 'он прыгнул сверху'). При этом если у наречий с падежными суффиксами производящие основы относятся к склоняемым частям речи, то естественнее и правильнее полагать, что эти наречия были образованы от соотносительных падежных форм слов склоняемых частей речи.

2. *Прилагательное*→*наречие*: *тирән* 'глубокий'→*тирән* 'глубоко' (*тирән сөрә* 'глубоко пашет'), *начар* 'плохой'→*начар* 'плохо' (*начар күрә* 'плохо видит'), *анык* 'точный'→*анык* 'точно' (*анык белми* 'не знает точно').

3. *Глагольные формы*→*наречие*: *йотылып* (деепричастная форма от глагола *йотылырга* 'быть проглоченным')→*йотылып* 'очень внимательно' (*йотылып тыңлый* 'слушает очень внимательно'), *бетереп* (деепричастная форма от глагола *бетерергә* 'закончить')→*бетереп* 'повсюду' (*бетереп эзләргә* 'искать повсюду').

Если глагольные формы, образующие прилагательные и наречия, не будут иметь новое значение в сравнении с исходной формой глагола, то такие формы не могут рассматриваться как слова, образованные конверсией. Основным условием перехода глагольных форм в слова других частей речи является возникновение нового значения, отсутствующего в содержании исходного глагола. Новая семантика является и условием, и признаком перехода глагольных форм в слова других частей речи.

4. *Числительное*→*наречие*: *өчәү* 'трое'→*өчәү* 'втроем' (*өчәү килделәр* 'втроем пришли'), *икәү* 'двое'→*икәү* 'вдвоем' (*икәү яздык* 'вдвоем мы писали').

IV. Основные типы образования послелогов способом конверсии:

1. *Формы существительных*→*послелого*: а) форма направительного падежа существительных с суффиксом притяжательности→послелого: *янына*→*янына* 'к' (*дус янына* 'к другу'), *астына*→*астына* 'под' (*өстәл астына* 'под стол'); б) форма исходного падежа существительных с притяжательным суффиксом→послелого: *астыннан*→*астыннан* 'из-под'

(*урындык астыннан* 'из-под стула'), *алдыннан* 'вперед' (от *алдыннан* 'вперед лошади'); в) форма местно-временного падежа существительных с притяжательным суффиксом → послелого: *өстендә* → *өстендә* 'над' (*шәһәр өстендә* 'над городом'), *алдында* → *алдында* 'перед' (*өй алдында* 'перед домом').

2. *Прилагательное* → послелого: *башка* 'другой' → *башка* 'кроме' (*синнән башка* 'кроме тебя'); *бүтән* 'иной' → *бүтән* 'кроме, сверх' (*аннан бүтән* 'кроме него').

3. *Глагольные формы* → послелого: *аш* + *а* (деепричастие от глагола *аш* 'перевалить') → *аша* 'через' (*урам аша* 'через улицу'); *күр* + *ә* (деепричастие от глагола *күр* 'видеть') → *күрә* 'по, по причине' (*шуңа күрә* 'по этой причине').

4. *Наречие* → послелого: *элек* 'раньше' → *элек* 'до, назад' (*аннан элек* 'до того'); *соң* 'поздно' → *соң* 'после' (*дәрестән соң* 'после урока').

V. Основные типы образования междометий способом конверсии:

1. *Существительное* → *междометие*: *пәрәмәч* 'пирожок с мясом' → *пәрәмәч!* 'ой' (*пәрәмәч, син икәнсен* 'ой, оказывается, это ты'); *бәләш* 'пирог' → *бәләш!* 'ой' (*бәләш, нишлисең?* 'ой, что ты делаешь?').

2. *Глагольные формы* → *междометие*: *ташла* 'бросать' → *ташла* 'брось' (*ташла, юкны сөйләмә* 'брось, не говори пустое'); *кара* 'смотреть' → *кара* 'смотри-ка' (*кара, ничек зур үскән* 'смотри-ка, как он вырос').

Путем конверсии могут образовываться также частицы и союзы, правда, таких образований в языке мало.

Как показывают факты, конверсия в татарском языке осуществляется по тридцати типам словообразования; в другой лексико-грамматический класс могут переходить не только основы, но и формы слов.

При исследовании конверсии очень важно и в то же время довольно трудно определить исходную основу производного слова. В этом случае следует исходить из общей теории словообразования, согласно которой объем семантики (спектр семантики) производного слова всегда меньше (уже) семантики производящей основы. Научный анализ семантики производных слов, образованных путем конверсии, показывает, что у них семантика уже конкретнее и по объему меньше, чем семантика исходных основ. В отдельных случаях грамматические форманты или словообразовательные дериваты исходных основ в какой-то степени также помогают прояснить их изначальный лексико-грамматический класс. Раскрытию первоначального лексического содержания исследуемых слов помогают также анализ их лексического значения, частотности употребления и установление доминантной семантики.

Вышеперечисленные критерии в абсолютном большинстве случаев позволяют безошибочно определить исходные основы (направление движения) при конверсии. Существительные, прилагательные, наречия и слова других частей речи, образованные способом конверсии, предлагаются называть функциональными существительными, функциональными прилагательными, функциональными наречиями и т. д.

Итак, в настоящей статье предложен один из возможных подходов к решению рассматриваемой проблемы. Изучение данного сложного и спорного языкового явления имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976.
2. Bise M. Origin and development of conversion in English. Helsinki, 1941.

3. Костецкая Е. О. и Кардашевский В. И. Грамматика французского языка. М., 1954.
4. Корляту Е. Г. Конверсия в современном молдавском языке // Вопр. языкознания. 1956. № 3.
5. Азян Э. Б. Введение в языкознание. Ереван, 1960.
6. Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1955.
7. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
8. Садвакасов Г. Х. Словообразование имен существительных в современном уйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1956.
9. Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках // Исследование тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Ч. 2: Морфология.
10. Гарипов Т. М. Башкирское именное словообразование. Уфа: Башгосиздат, 1959.
11. Джафаров С. Лексика современного азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1959.
12. Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М.: Изд-во вост. лит., 1961.
13. Орузбаева Б. О. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе: Илим, 1964.
14. Рамазанов Ш. А. Татар теле буенчя очерклар. Казан, 1954.
15. Хангилдин В. Н. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959.
16. Фасеев Ф. С. Татар телендә терминология. Казан, 1969.
17. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.: Л., 1940.
18. Зейналов Ф. Р. Принципы классификации именных частей речи. Баку, 1959.
19. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.: Л., 1960.
20. Böhling O. Über die Sprache der Jakuten. Sp., 1851.
21. Грамматика алтайского языка. Казань, 1969.
22. Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936.
23. Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
24. Жирмунский В. М. Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1946. Т. 4, вып. 3—4.
25. Кенесбаев С. К. Грамматика казахского языка. Алма-Ата, 1947.
26. Харитонов А. Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
27. Боровков А. К. Изучение языков Средней Азии и Казахстана в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания // Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке. Ташкент, 1952.
28. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1952. Т. 2.
29. Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
30. Грунин Т. И. Имя прилагательное в тюркских языках // Вопр. языкознания. 1955. № 4.
31. Мусаев К. Грамматика караимского языка. М., 1964.
32. Гиганов И. Грамматика татарского языка. Спб., 1801.
33. Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Спб., 1894.
34. Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.
35. Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.
36. Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
37. Ганиев Ф. А. Конверсия как один из способов словообразования в татарском литературном языке // Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. яз. и лит. Баку, 1969.
38. Он же. Конверсия в татарском языке. Казань: Таткиноиздат, 1985.
39. Юлдишев А. А. Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях // Сов. тюркология. 1970. № 1.
40. Павлов И. П. Словообразование по конверсии в современном чувашском языке // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: Тез. докл. и со-общ. Алма-Ата, 1976.
41. Узбек тили грамматикасы. Тошкент, 1975. 1 т.
42. Ахундов Агамуса. Азербайжан дилинде конверсия // Азербайжан дили ве эдабијјаты тәдриси. 1977. № 1 (93).
43. Беглярова С. А. Адвербиализация в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1979.

О. Т. МОЛЧАНОВА

ТИПОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

Тюркские географические имена (ГИ) — это в значительной своей массе определенным образом организованные номинативные единицы с открытой семантикой, что позволяет выявить их типологическую конвергентность в нескольких направлениях: лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом.

Основу топонимической лексики, ее ядро, составляет некоторое открытое количество лексем с высокой, средней и низкой частотностью. Высокочастотными условно названы лексемы, встретившиеся в топонимиконе 10 и более раз, среднечастотными — от 2 до 9 раз и низкочастотными — 1 раз. Соотношение перечисленных элементов в алтайском топонимическом тезаурусе оценивается 4,66% для высокочастотных, 30,06% для среднечастотных и 65,28% для низкочастотных лексем. Думается, примерно то же самое наблюдается и в топонимии других тюркских языков. Организующая роль лексики в данном случае заключается в том, что она представляет собой основу семантических и словообразовательных классов топонимов. Наименее подвержены изменениям лексемы с высокой и средней частотностью. Их внутренняя динамика определяет постепенное развитие топонимического словаря и обеспечивает преемственность развития топонимикона в различные периоды.

В топонимике частотность лексем нередко регулирует такой экстралингвистический фактор, как рельеф местности, с которой собраны и подсчитаны данные, наряду с лингвистическими.

Системная организация тюркской лексики, участвующей в образовании ГИ, подтверждается наличием лексико-семантических групп (ЛСГ) сравнительно несложного построения. Конечно, ЛСГ — это семантика не топонимов, а апеллятивных лексем в топонимических образованиях, независимо от того, в каком из компонентов находится лексема. Можно выделить до 70 ЛСГ, цель которых — доказательство заданности топонимического тезауруса, детерминированной частотности его составляющих, показ того, какие разряды лексики участвовали в образовании имен и как они отразили соотношение человека и природы в период имятворчества. Для тюркских регионов с их сложным и часто не зафиксированным в письменных источниках древним этносом ЛСГ помогают смоделировать ГИ адстрата или субстрата.

Вследствие того, что для моделирования ЛСГ берется вполне определенное число топонимов, в которых присутствует определенное же количество тополексем, объем топонимического тезауруса оказывается конечным, хотя в общем плане количество тополексем всегда открыто и может увеличиваться по мере роста числа ГИ, но с сохранением при этом хотя бы приближенно общей пропорции своего соотношения — 17:10 (17 топонимов в среднем образуются 10 тополексемами).

Апеллятивный и топонимический тезаурусы различаются степенью терминологизации. На наш взгляд, цифры, приведенные для тюркской топонимии Горного Алтая, характерны и для других регионов страны. Здесь 54,43% топонимов имеют географический номен (ГН) в качестве стержневого элемента и 49,44% — атрибутива сложных имен, что можно сопоставить лишь со специальным языком науки и техники, но никак не с общеупотребительной лексикой. Самых ГН в составе топонимов — 126.

Топонимический тезаурус складывается из двух сфер — «Человек» и «Природа», куда входят соответствующие ЛСГ, и отличается сбалансированностью: большее количество семем и меньшая их частотность в сфере «Человек», меньшее число семем и более высокая их частотность — в сфере «Природа».

Семантизация в топонимическом тезаурусе состоит во включении некоторых основ не в одну, а в две и даже три (редко) группы. Отсюда вытекает понятие глубины семантизации, под которой понимается число вхождений слова в семантические группы. Взятая на топонимическом уровне семантизация даже в идеале не может приблизиться к максимальной глубине, когда число вхождений равняется числу значений данной основы. При расширении количества групп и открытии тем самым больших возможностей для полисемии она оказывается избыточной для ограниченного своей спецификой топонимического словаря, а потому глубина семантизации здесь гораздо меньше, чем в ЛСГ, не ограниченных рамками ГИ. Элементы ЛСГ в высокой степени предсказуемы.

В акте номинации имеют место две логические операции: 1) подведение обозначаемого под известный класс явлений, т. е. его категоризация и отождествление; 2) сравнение с другим предметом и явлением действительности [1. С. 100], прежде всего потому, что «дача имен местам и знакомому окружению посредством обращения к их особенностям, а также ассоциации есть старая и глубоко укоренившаяся привычка» [2. С. 7]. Через первую операцию, как нам кажется, мысленно выбирается ономаσιологический базис реалии (для значительного количества тюркских имен-комполит — ее вид или тип), через вторую — ономаσιологический признак. Первая — это акт классификации, вторая — установление ассоциативных связей. Ономаσιологический признак и базис вступают в определенные отношения друг с другом, что приводит к появлению у деривата значения, отражающего наличие этого отношения или его характер. Выбор ономаσιологического базиса и признака у ГИ поддается наблюдению: у форм с ГН тюркских топонимов-комполит в качестве определяемых выступают только обозначения рельефа и водоемов, а в качестве определений — обозначения рельефа (первое место), цвета (второе), формы (третье), количества (четвертое), протяженности: длины, ширины, высоты (пятое), духовной культуры (шестое), водоемов (седьмое), характеристики объекта с точки зрения его заполненности (восьмое), личных имен (девятое), домашних животных (десятое), диких животных (одиннадцатое), исторического прошлого (двенадцатое), размера (тринадцатое), этнонимов (четырнадцатое) и т. д., у форм без финального ГН тюркских топонимов-комполит в качестве определяемых употребляются: части тела человека (первое место), деревья, лес (второе), рельеф (третье), домашние животные (четвертое), кустарники (пятое), дикие животные (шестое), жилище (седьмое), цвет (восьмое), этнонимы (девятое), духовная культура (десятое), одежда, украшения, снаряжение (одиннадцатое), растения (двенадцатое), форма (тринадцатое), хозяйственные постройки (четырнадцатое) и т. д.; определениями здесь становятся следующие обозначения: количество (первое место), цвет (второе), форма

(третье), этнонимы (четвертое), размер (пятое), общее физическое состояние (шестое), духовная культура (седьмое) и т. д.

Все перечисленное демонстрирует как определенную лексемную организацию, так и отчасти лексемную сочетаемость и дистрибуцию. Последние могут быть зафиксированы более детально, например, в композите «имя прилагательное качественное безаффиксальное + имя существительное нарицательное безаффиксальное» (ИПК₀ + ИН₀) большее число лексем в определяемом, меньшее — в определении (1,47:1); больше раритетных лексем в группе определяемых (59,46%), меньше — в группе определений (50%); большее количество среднечастотных единиц в группе определений (42,85%), меньше — в группе определяемых (34,59%); большее число высокочастотных лексем в группе определений (7,15%), меньше — в группе определяемых (5,95%). В композите «имя существительное нарицательное безаффиксальное + имя существительное нарицательное безаффиксальное» (ИН₀ + ИН₀) все выглядит иначе: большее количество лексем в группе определений, меньше — определяемых (2,34:1); большее число раритетных лексем в группе определений (66,66%), меньше — у определяемых (48,63%); больше среднечастотных единиц в группе определяемых (42,2%), меньше — у определений (33,34%); отсутствие высокочастотных лексем в группе определений, наличие таковых — у определяемых (9,17%). Композита «имя прилагательное относительное аффиксальное + имя существительное нарицательное безаффиксальное» (ИПО_{афф.} + ИН₀) тоже характеризуется своей собственной лексемной дистрибуцией и сочетаемостью: большее количество лексем в группе определений, меньше — у определяемых (2,1:1); больше раритетных лексем в группе определений (64,96%), меньше — у определяемых (47,06%); большее число среднечастотных единиц в группе определяемых (44,11%), меньше — у определений (33,57%); больше высокочастотных единиц в группе определяемых (8,83%), меньше — у определений (1,47%).

Горизонтальное сравнение топонимических композитов ИПК₀ + ИН₀, ИН₀ + ИН₀, ИПО_{афф.} + ИН₀ показывает одинаковую сбалансированность в каждой низко-, средне- и высокочастотных элементов. Вертикальное сравнение тех же топонимических композитов обнаруживает следующее: 1) по соотношению количества лексем в определении и определяемом сближаются группы топонимов, построенных по моделям ИН₀ + ИН₀ и ИПО_{афф.} + ИН₀; 2) количество раритетных определений превышает число раритетных определяемых у ИН₀ + ИН₀ и ИПО_{афф.} + ИН₀; 3) количество среднечастотных определяемых превышает количество среднечастотных определений у ИН₀ + ИН₀ и ИПО_{афф.} + ИН₀. Таким образом, лексемная частотность единиц сближает модели ИН₀ + ИН₀ и ИПО_{афф.} + ИН₀ и противопоставляет их композиту ИПК₀ + ИН₀.

Лексемно-определяемые в пределах высоко- и среднечастотных единиц распределились следующим образом: алтайская модель ИПК₀ + ИН₀ — туу₂₅, таш₂₃, кбл₂₁, суу₁₉, кобы₁₄, айры₁₃, коол₁₃, кайа₁₂, угаш₁₁, ойык₁₁, бут₁₀, озбк₉, тайга₈, жарык₇, кем₇, төбө₇, тыт₇, боом₆, кат₆, кујур₆, кыр₆, арт₅, баш₅, боочы₅, булак₅, јар₅, кан₅, карасу₅, меес₅, мөш₅, ой₅, озөн₅, бел₄, јул₄, јыраа₄, тал₄, тала₄, тура₄, арка₃, ат₃, јазы₃, јан₃, јјрек₃, јыду₃, кабак₃, сас₃, сеер₃, суугаш₃, тас₃, тобрак₃, төргүн₃, чибиз₃, ичык₂, јол₂, каан₂, как₂, карагай₂, корум₂, көчкө₂, кулак₂, кыйу₂, орык₂, сай₂, саныскан₂, сойок₂, сугат₂, таган₂, төң₂, төш₂, үзјүк₂, үнкүр₂, чат₂, чет₂, чобра₂, чоку₂; модель ИН₀ + ИН₀ — туу₂₉, кбл₂₈, таш₂₂, суу₂₁,

*баш*₁₃, *кайа*₁₁, *кобы*₁₁, *тайга*₁₁, *коол*₁₀, *ойык*₁₀, *кыр*₉, *төбө*₉, *карасу*₈, *агач*₇, *айры*₇, *тура*₇, *каш*₆, *өзөк*₆, *тыт*₆, *ажу*₅, *ачык*₅, *боом*₅, *кем*₅, *кечү*₅, *кужур*₅, *ой*₅, *арка*₄, *боочы*₄, *жол*₄, *каан*₄, *арт*₃, *бел*₃, *бут*₃, *жайлу*₃, *жарык*₃, *жул*₃, *кулак*₃, *кышту*₃, *меес*₃, *ойдык*₃, *өзөн*₃, *тала*₃, *чадыр*₃, *жар*₂, *кайын*₂, *карагай*₂, *кат*₂, *конуш*₂, *мойын*₂, *мөш*₂, *орой*₂, *сай*₂, *төш*₂, *үзүк*₂, *чагал*₂, *чет*₂; модель ИПО_{афф.} + ИН₀ — *көл*₃₀, *кобы*₂₉, *айры*₁₆, *жарык*₁₄, *ойык*₁₂, *карасу*₁₁, *коол*₉, *ой*₉, *кем*₈, *суу*₈, *туу*₈, *арт*₇, *боочы*₇, *кыр*₇, *боом*₆, *меес*₆, *өзөк*₆, *таш*₆, *кат*₅, *булак*₄, *жул*₄, *төбө*₄, *кайа*₃, *айан*₂, *арка*₂, *ат*₂, *бел*₂, *бут*₂, *дөргүн*₂, *жар*₂, *ойбок*₂, *ойдык*₂, *өзөн*₂, *сору*₂, *тайга*₂, *чоку*₂. Как видно из перечня, определяемые в модели ИПО_{афф.} + ИН₀ обладают особой организацией, отличающей ее от модели ИПК₀ + ИН₀, а также от ИН₀ + ИН₀. Думается, что композита ИПО_{афф.} + ИН₀ стала именем объектов, постоянно находящихся в сфере хозяйственной человеческой деятельности, а потому разграничительный признак, положенный в основу номинации, должен был содержать указание на присутствие таких предметов, с которыми человек непрерывно соприкасался или о наличии которых только знал. Кроме того, для модели ИПО_{афф.} + ИН₀ характерно название довольно протяженных (в длину, ширину или высоту) географических объектов, на которых или около которых могла бы разместиться группа предметов или лиц, представленных элементом ИПО_{афф.} +, здесь не присутствует ГН *баш*, значительно снижена частотность *таш*, *төбө*, *кайа*, *тайга* и др.: *Агашту-Боочы* 'имеющий деревья, лес перевал', *Азалу-Ойык* 'со злым духом углубление', *Айулу-Суу* 'где есть медведи река', *Агырлу-Көл* 'с варнаками озеро', *Балыкту-Суу* 'с рыбой река', *Мөштү-Айры* 'с кедрами развилка' и др.

Итак, каждая из представленных в тюркской топонимии моделей отличается определенной лексемной организацией, истоки которой — в заданности и детерминированности топонимического тезауруса, и имеет свою лексическую сочетаемость и дистрибуцию лексем; все вместе это и составляет лексико-семантическую специфику топонимов-комполит. При создании апеллативных комполит, когда в деривате оказывается невыраженным или выступает скрытой семей какой-то из элементов значений опорных составляющих, особенно атрибутивов, имеют место семантические пропуски. В связи со статусом имен собственных (ИС), их закрепленностью за одним объектом, стремлением разгрузиться понятийно семантическая компрессия в топонимических комполитах проявляется явственнее.

Тюркские языки имеют свою словообразовательную систему в топонимии, свою иерархию топонимических моделей. Последние мобильны, зависят как от конкретной языковой ситуации, так и от того, в каком знаковом качестве предстает топоним (актуализированном или виртуальном).

Сам механизм прямой номинации (возникновение примарных, т. е. апеллатив→топоним, ГИ) — это лексико-семантическое, лексико-синтаксическое, лексико-морфологическое словообразование, выражающееся в топонимизации простых и сложных нарицательных слов и ИС аффиксальным и безаффиксальным способами.

Топонимия втягивает в свои словообразовательные модели далеко не все способы словообразования, имеющиеся в языке. Например, аффиксация не является ведущей в тюркском топонимизации; незначительно и количество аффиксов, присутствующих в топонимах, причем вопрос об их топонимизации можно ставить лишь для простых форм, типа алт. *Агашту* '(река, где находится столб; привязь для лошадей)', *Балтырганду* '(лог, где растет борщевик', *Букалу* '(река, где имеются

быки', а также для двусосновых — типа *Беш-Иирдү* '(гора), пять остриев имеющая' и др. При этом обязательным условием топонимизации аффикса (приобретение им значения места, т. е. реки, лога, ручья, горы и т. п., что является фактической функциональной субституцией ГН) становится его финальная позиция. В таких сложных формах, как *Урлу-Аспак*, *Таарлу-Ат* и другие, указанная морфема выступает в своем основном значении, не подвергаясь процессу топонимизации. При топонимизации, которая сопровождается субстантивацией всей аффиксальной словоформы, возрастает функциональная нагрузка аффикса: из словообразующего он превращается в морфологическое средство субстантивации и топонимизации, функционально равное ГН сложных форм. Подобную же мысль находим в монографии Х. Шайнхардта «Типы тюркских названий мест» [З. С. 145], где подчеркивается, что «атрибутивное или апеллятивное содержание таких суффиксов относительно мало... В топонимии речь идет не только об описании данного объекта, но и о том, чтобы дать о месте наиболее ясную и короткую справку, которая может служить точкой сравнения (*tertium comparationis*) для языковой, т. е. описательной, области и для знакового, идентификационного характера какого-то топонима. Это значит для суффиксов, что они только тогда могут считаться топонимически активными, когда они, безотносительно к апеллятивной связи основного слова, подчеркивают свою связь, свое отношение к какому-то вполне определенному географическому месту и таким образом подчеркивают свою именную сущность (*Namenhaftigkeit*). Топонимически активный суффикс служит не для того, чтобы расширять, ограничивать или как-то иначе нюансировать значение своего основного слова, он подчеркивает топонимическую функцию слова». Интересной и продуктивной является также мысль Х. Шайнхардта о возможных вариантах толкования ГИ с аффиксами.

Аффиксальный способ образования ГИ для одноосновных форм является лексико-морфологическим, а для дву-, трех- и четырехосновных — лексико-синтаксическим. В случае одноосновных форм путем прибавления специальных слово-топообразовательных аффиксов к именным и глагольным основам образуются новые производные топоосновы с категориально-грамматическим значением субстантивности и иным функциональным назначением. То же, но в значительно меньшей степени, повторяется в сложных формах.

Наиболее представленными в тюркской топонимии являются именные аффиксы. Из них группа $-л^0(к)$ выступает в топонимах со значением «место наличия или изобилия чего-то» — алт. *Кайыңду-Кыр* 'гора с березами', *Коңыралу-Ойык* 'выемка с колокольчиками, звенящая, как колокольчик'. Группа $-о^0к$ имеет значение «малый + топоним» — алт. *Абачак* → *Малая Аба* > название реки, *Кубанак* → *Малая Кубан* > название реки, *Сулачак* → *Малая Сула* > название горы. Группа $-лар$ в ГИ означает «место с неопределенным совокупным числом предметов» — алт. *Ак-Таштар* '(гора), где белые камни', *Саңдар* '(река), где есть треножники в качестве опознавательного знака'. Группа падежных аффиксов получает в наименованиях осмысление «место + какое-то падежное значение аффикса» — алт. *Аңыстаң* '(река) из залежной земли', *Туудаң* '(ключ) из горы'. Группа аффиксов принадлежности присутствует в финале эллиптированных форм, поэтому о топонимическом значении формантов сказать что-либо трудно — алт. *Мойыңдың* 'горла', *Отпудуның* 'полюны', *Тайдың* 'жеребенка'. Группа аффикса $-ч^0$ имеет сравнительно-уподобительное значение, а также значение ослабления степени

качества; в ГИ данный формант не получил прямой топонимизации, топонимизируется сравнительно-уподобительное значение аффиксальной основы в целом — алт. *Бараанчы* 'темноватый' > название реки, *Караджа* 'черноватый' > название реки.

Аффиксы группы $-л^0(к)$ при топонимизации становятся субститутами ГН, аффиксы группы $-^0к$ — аффиксы 'малый'. Следует при этом учитывать и то, что топонимизация апеллятивов посредством нейтральных аффиксов группы $-л^0(к)$ характеризуется прямой и непосредственной соотносительностью с объектами проприальной номинации, а для топонимизации стилистически маркированными аффиксами группы $-^0к$ закономерна опосредованная двойная соотносительность с денотатами через уже имеющиеся имена. В этой вторичности форм с диминутивными аффиксами заложены определенные качественные различия с точки зрения принципов номинации между нейтральными и стилистически маркированными аффиксами.

Во всех перечисленных группах полная или частичная топонимизация аффикса сопровождается топонимизацией прямых значений лексем.

В стороне оказываются основы, имеющие глагольные аффиксы. Безусловно, топонимизация здесь начинается с полного перевода глагольной формы в категориально-грамматическое значение субстантивности, часто за счет метафорических переносов: *Көдүйрген* 'поднял; поднявший → как будто поднятая или поднявшаяся' > название горы, *Ойор* 'выдолбит, пробьет → как будто пробивает себе путь' > название реки, *Пазың* 'стоптаный → выглядиг стоптанной' > название горы, *Талбар* 'полетит, вспорхнет, взлетит, летящая' > название горы и др.

Некоторые аффиксы довольно продуктивны, например, $-л^0(к)$, другие — нет, одни полностью топонимизировались ($-^0к$), другие обладают известным синкретизмом.

В большинстве своем тюркские ГИ двусоставны (от 55 до 70%). Трех- и более составность наблюдается по преимуществу у вторичных (секундарных) имен, образованных от топонимов же, или неоформленных конструкций, находящихся между апеллятивами и топонимами. ГИ обладают маркерами, не допускающими установления семантических связей в контексте; ими в тюркских языках являются ГН, отчасти аффиксы. Во всех исследованиях по тюркской топонимике анализ ведется на наименованиях с открытой семантической структурой, древнетюркские формы присутствуют сравнительно редко. Гибридные образования с тюркскими элементами возникают по преимуществу из взаимодействия с языком адстрата, реже субстрата. Число лексем по отношению к общему количеству одно-, дву-, многокомпонентных топонимов наибольшее в одноосновных моделях, а частотность каждой лексемы возрастает от одноосновных к двусловным и далее.

Количество тюркских топонимов и соотносимых с ними объектов не совпадает, что свидетельствует о существовании перенесенных и повторяющихся топонимов. Сам процесс перенесения имени с одного объекта на другие является опосредованной номинацией. Образование новых имен через перенесение готового имени на другие объекты возмещает недостаточность в языке словообразовательных средств и является проявлением принципа языковой экономии. При этом происходит естественный процесс сдвигов в семантической структуре опорного имени и максимальное погашение его коннотаций. Возможность переосмысления имеющейся языковой формы и отбора ее как вторичного имени создается смежностью географических объектов, при которой объемы понятий вновь именуемого объекта и уже носящего имя в каких-то частях совпадают. Вторичное использование топонима для назы-

вания других объектов всегда опосредованно и мотивировано его словообразовательными и семантическими признаками. При опосредованной номинации соотношение вторичного имени и именуемого объекта складывается из взаимосвязи нескольких компонентов: географический объект (внеязыковая сфера) — понятийно-языковая форма его отражения — имя с его значением, обусловленным чем-то, связанным с данным географическим объектом, — другой географический объект — его понятийно-языковое отражение через опосредующее, опорное наименование, сигнификат которого расходится с новым денотатом. Спецификой такого рода номинации, следовательно, является ее опосредованность по отношению как к переосмысливаемой языковой форме (= опорному имени), так и к другой связи, складывающейся между сигнификатом и денотатом в новом акте номинации. Думается, что возможность такого опосредованного отражения действительности кроется в способности словесных знаков перенести свою форму и функциональное назначение на смежные объекты окружающего мира, расширяя тем самым для человека пределы его картирования. В свете сказанного получает частичное объяснение и выявленная для одноосновных форм наивысшая среди других моделей способность к образованию перенесенных топонимов. Более, чем у других форм, у них наблюдается тенденция к выветриванию смысловой структуры. В основе данного явления лежит метонимия, а потому весь процесс происходит на лексическом уровне с вовлечением в него как аффиксальных, так и безаффиксальных образований одно- и многокомпонентных. Это один из ведущих способов топонимизации. Если в апеллятивной лексике на базе разных значений слов появляются разные слова-омонимы, то при перенесении ИС на другой предмет его смысловая структура и звуковой облик, не нарушаясь формально, геряют через метонимию свою прежнюю объектную отнесенность, а потому лишаются прежних семантических и словообразовательных характеристик. Само имя, соотносясь с иным объектом, превращается в асемантический оттопонимический дериват, который даже не является одноименным со своим опорным топонимом. Здесь нельзя говорить об омонимии; это только перенесенное имя. Пути образования перенесенных и повторяющихся топонимов следующие: а) появление повторяющихся имен обусловлено идентичными условиями, породившими одинаковые ассоциации, б) перенесенные имена явились результатом дистантной метонимии, имеющей место при миграции населения.

Каждый тип географических объектов обладает еще и своей спецификой названия. Основная модель построения наименований у рек и речек, гор, логов, озер, перевалов, мест стоянок, хребтов, водопадов, ущелий, ледников, степей — двуосновная. У ручьев, долин, ключей, т. е. микрообъектов, преобладают одноосновные формы. У урочищ, населенных пунктов, мысов количество одно- и двуосновных образований одинаково. В названиях озер, ледников двуосновная модель с ГН является максимально преобладающей (в пределах 80—81%); у рек и речек, гор, логов, перевалов, мест стоянок, хребтов, водопадов, ущелий, степей модель «адъектив + ГН» оказывается ведущей (в пределах 33—63%); в наименованиях урочищ, населенных пунктов, ручьев, долин, ключей, мысов ведущими становятся одноосновные формы без ГН.

Представленность отдельных частей речи в ГИ, их грамматическая оформленность, внешний и внутренний синтаксис являются также случаями типологической конвергентности в тюркской топонимии.

Собственный грамматический признак ИС складывается как из специфичной для определенной группы языков грамматической оформ-

ленности указанных единиц, так и набора грамматических классов слов, который составляет онимию языка.

Совершенно естественно ожидать, что наиболее функционально приспособленными в качестве единиц номинации являются именные части речи: существительные, прилагательные, числительные. Кроме именных частей речи, обладающих абсолютной номинативной значимостью, в тюркском топонимиконе встречаются глагольные формы, наречия, изобразительные слова, местоимения. Так, 3 143 тюркских топонима Горного Алтая (без учета повторяющихся и перенесенных названий) образованы 1 846 тополексемами, среди которых именных — 1 646, глагольных — 166, имитативных — 29, наречных — 5.

Среди именных частей речи доминантную позицию с точки зрения их номинативной значимости занимают существительные: они в большей степени, чем другие части речи, могут приобретать функцию собственно наименования, имея в своей основе значение предметности. Существительные преобладают в однокомпонентных именах; наиболее представленными здесь оказываются ЛСГ «Личные имена», «Обозначения рельефа», «Обозначения водоемов», «Деревья, лес», «Этнонимы», «Различные наименования людей по возрасту, роду занятий, общественному положению», «Растения» и др. (группы даны в порядке убывания количества лексических единиц, их представляющих). В одноосновных алтайских ГИ существительных — 618, прилагательных — 351, глагольных форм — 87, числительных — 2 (общее количество 1 058).

Среди качественных прилагательных, участвующих в оформлении тюркских ГИ, выделяются те, что обозначают признаки, которые приущи географическим реалиям и предметам, с ними связанным: цвет (р. *Аламык*, р. г. *Кара*, р. *Кобдш*), вес (р. *Иңил-Сал-Юк*), вкус (р. *Тус-Көл*), запах (три речки *Ытту-Булуң*), размер (перевал *Улу-Арт*), температура (р. *Изү-Суу*, лог *Тоңмок-Суу*), форма (оз. *Тегерик-Көл*, г. *Сербек*) и др. Особое место принадлежит здесь качественным прилагательным со значением цвета. В топонимии Горного Алтая их фиксируется 37 (*ак, ала, бараан, боро, булан, буурыл, јажыл, јеерен, калтар, кара, караңуј, кер, коңыр, кор, көк, көрнөд, куба, кугу, кугул, куйкул, куу, күрең, кызарык, кызыл, өлө, өшке, сара/сары, сур, теңери, улан, чаган/сагаан, чал, чаңкыр/шаңыр, чаптар, чибит, чоокыр, шалтыр*), а общее присутствие таких элементов в ГИ (в основном в композитах) составляет 14%.

Существует мнение, что в тюркских языках грамматический класс относительных прилагательных не получил значительного развития. Тюркские ГИ показывают несколько иную картину. На долю относительных прилагательных в них обычно приходится более 20% однокомпонентных (ср. мизерное число качественных прилагательных в одноосновных ГИ), около 20% двухкомпонентных и более 15% трех- и четырехкомпонентных образований. Видимо, само назначение ИС, а также выбор денотативного признака в качестве основы наименования связаны с необходимостью закрепления в топониме определенных отношений и свойств. Относительные прилагательные обладают известной однозначностью и семантической связанностью с производящей основой, тогда как для качественных прилагательных, наоборот, характерны многозначность и участие в многокомпонентных ГИ (*Балыкту-Суу, Би-чендј, Кайалу-Чоку, Көмүрлү, Сайлу-Іарык, Ташту-Көл, Тошту-Токой*).

Более 4% в тюркской топонимии составляют единицы, имеющие тот или иной квантитатив в своем составе. Если из всех квантитативов, участвующих в ГИ, взять только числительные, то можно увидеть

прежде всего преобладание нечета, а также 3, 5, 2, 7 из первой десятки, что подтверждается топонимическими материалами и монгольских языков. Что касается выражения в топонимах количества вообще, то значительное предпочтение в них отдается понятию «два, пара» (*кос/кош*₂₀, *эки*₁₄). Частотность и выбор числительных имеют этнографическую и психологическую мотивацию.

Глагольные формы в тюркской топонимии составляют более 6%. По сравнению с европейскими языками это внушительная цифра. В топонимии Англии, например, глаголы чрезвычайно редки, наличие их обнаруживают лишь кропотливые изыскания: *Swift* из древнеангл. *swifte* 'двигаться стремительно', *Welland* из кельт. *vesu* 'хороший' + древнеангл. *luaid* 'двигаться' [2. С. 71]. Глагольные формы в ГИ сообщают о действии, состоянии, событии, указывая на денотат как на субъект, объект или место совершения действия. Преобладают причастные формы перфекта. Образование одноосновных моделей шло в большинстве случаев через опущение определяемого (=ГН) в образце «причастие + ГН», глагольные формы в финальной позиции избегали эллипсиса. Больше всего глагольных форм в названиях рек (*Аң-Чыгар*, *Ат-Тудар*, *Кум-Калар*); гор (*Саадак-Буулар*, *Тиш-Учаар*), логов (*Кап-Калар*, *Он-Конор*). Глагольные основы, взятые для обозначения географических объектов, в статусе ИС приобретают абсолютную номинативную значимость: словоизменительную парадигму существительных, их синтаксическую валентность.

Базой ряда топонимов стали существительные-звукоимитативы, прилагательные-звукоимитативы, глаголы-звукоимитативы. Звук, издаваемый естественным объектом и взятый в качестве его отличительного признака, имел самые различные физические характеристики: завывание, свист, звон колокольчика, скрип, пронзительный крик, визг, журчание, грохот, кудахтанье, шипение, бурление, гремяние, хруст, рев, треск, бряцание, стук, топот, дребезжание: алт. *Бортултаг*, *Буунак*, *Каңырап*, *Коркыра*, *Күзүре*, *Кыжвар*, *Тигиреген*, *Улушту*, *Чадылдаган*, *Чыкырады-Кобы*, *Шыкыра-Ой*, *Шангыш*. Топонимия индоевропейских языков такого значительного пласта звукоподражательных лексем не знает.

Синтаксис имен слагается из нескольких компонентов, одним из которых является широкое участие словосочетаний в образовании ГИ. Аппеллятивное словосочетание создается в пределах предложения и для его нужд, топоним-композица, как и слово, вводится в контекст в готовом виде. Способ построения аппеллятивного словосочетания обуславливается его функциональным назначением в предложении, когда синтаксическая функция диктует лексический выбор компонентов. Топоним-композица, по-видимому, оформляется в пределах предложения в момент генезиса; при этом неизвестно, как влиял и влиял ли вообще на нес окружающий контекст. Синтаксическая организация двухкомпонентной модели тюркского ГИ предусматривает: 1) контактное расположение элементов; 2) невозможность расширения синтагмы словом, оказавшись рядом в речевом контексте. Фонематически топоним-композица характеризуется одним основным ударением второго элемента и вспомогательным первого, а также ассимилятивными и диссимилятивными изменениями на стыке морф.

Простые синтагмы представлены в ГИ атрибутивными и предикативными разновидностями, из которых первая составляется непряжательной атрибутивной синтагмой и притяжательной атрибутивной синтагмой с их многочисленными подразновидностями. Непряжательная атрибутивная синтагма может иметь в качестве определяемого имя су-

ществительное нарицательное (= ГН в ряде случаев), а также ИС лица или места, имя нарицательное аффиксальное, имя прилагательное качественное безаффиксальное, имя числительное. Определяющим могут выступать имена прилагательные качественные безаффиксальные, имена существительные нарицательные, имена прилагательные относительные аффиксальные, глагольные формы, ИС лиц, имена нарицательные аффиксальные. Это наиболее многочисленная группа синтаксических единиц в тюркской топонимии. Из всех простых синтагм на долю непритяжательных атрибутивных приходится более 80%. Следует заметить, что непритяжательная атрибутивная синтагма с определяемым + ИН₀ является ведущей, а в ней наиболее представленными оказываются ИПК₀ + ИН₀, ИН₀ + ИН₀, ИПО_{афф.} + ИН₀. Между собой последние распределяются следующим образом: ИПК₀ + ИН₀ — 43%, ИН₀ + ИН₀ — 34%, ИПО_{афф.} + ИН₀ — 23%.

ИПК₀ + ИН₀ представляют собой номинативные единицы с высокой частотностью элементов и широкой возможностью служить ГИ, подтверждением чему может стать коэффициент соотношенности имен и объектов, который в данной группе равен 1:2,08, т. е. одно имя указанного типа приходится более чем на два объекта, что значительно выше среднего коэффициента сопоставления тюркских имен и объектов (1:1,69). В пределах обозначенной синтагмы качественные прилагательные указывают на цвет, протяженность (длина, ширина, высота), размер, форму, характеристику течения, физическое состояние: проходимый—непроходимый, характеристику отрицательную, характеристику положительную, характеристику объекта с точки зрения его заполненности, температуру, вкусовые качества, возраст, запах, поверхность: наружная сторона, расстояние от поверхности до дна. Определяемыми в этих образованиях в подавляющем большинстве случаев служат ГН (более 75%), затем названия деревьев, кустарников, предметы быта, домашние животные, части тела, явления природы, птицы, почва, хозяйственные постройки, растения, дикие животные (группы даны в порядке убывания): алт. *Ак-Белек*, *Ак-Көчкө*, *Кайыр-Бут*, *Кара-Боом*, *Кугу-Өзөк* и др. Компоненты в таких синтагмах связаны примыканием.

Соположение основ ИН₀ + ИН₀ большинством тюркологов называется изафетом I типа. Он организуется способом примыкания, близок к аналитическому словосложению ряда языков, например германских. В определениях модели ИН₀ + ИН₀ наибольшее число лексем входит в ЛСГ «рельеф», «духовная культура», «водосмы»; «дикие животные», «домашние животные», «историческое прошлое», «этнонимы», «грунт: земля, почва», «различные именованя людей: по возрасту, роду занятий, общественному положению», «расположение в пространстве», «явления природы», «деревья, лес», «характеристика объекта с точки зрения его заполненности», «кустарники», «форма» и др. Распределение определяемых по ЛСГ другое, подавляющее большинство единиц приходится на ЛСГ «рельеф», затем «водоемы», «деревья, лес», «жилище», «грунт: земля, почва», «историческое прошлое», «местожительство человека», «части тела человека», «места обитания животных», «топь» и др. Коэффициент соотношенности имен и объектов для ИН₀ + ИН₀ — 1:1,39 (100 ГИ называют 139 объектов), что ниже среднего коэффициента (1:1,69). Видимо, типы ИПК₀ + ИН₀ и ИН₀ + ИН₀ значительно разнятся по степени референции, более широкой для первого случая и узкой для второго. По всей вероятности, в именах ИН₀ + ИН₀ в качестве выделительного (дифференцирующего) признака, обладающего наибольшей различительной силой, берется самый част-

ный признак объекта, который может быть и несущественным (но выделительным — узкая область референции) признаком класса. $ИН_0 + + ИН_0$ становится ГИ через топонимизацию как прямых, так и переносных значений, возникших в целых синтагмах: алт. *Айу-Манаг* 'медвежья охота' > название лога, *Аң-Чеден* 'маральник' > название реки, *Ат-Чалма* 'аркан для ловли лошадей → как аркан' > название реки, *Баатыр-Каан* 'богатырь-хан → почтительное обращение' > название горы и др.

Синтагма $ИПО_{\text{афр.}} + ИН_0$ имеет в качестве определений производные прилагательные с аффиксами группы $-л^0(к)$. Главное назначение данного аффикса в аппеллятивных лексемах — образование относительных прилагательных со значением обладания предметом, свойством, качеством. В одноосновных ГИ указанная морфема топонимизируется, т. е. приобретает значение места (реки, лога, ручья, горы и т. п.), и тем самым функционально заменяет ГН. В сложных формах ГИ $-л^0(к)$ не подвергается топонимизации, а потому не имеет иных, кроме указанных, характеристик. Элементы синтагмы связаны примыканием. Коэффициент соотношенности имен и объектов данной группы равен 1:1,42, что ниже среднего (1:1,69), но выше последнего для формулы $ИН_0 + ИН_0$ (1:1,39); вместе с тем он не только ниже среднего коэффициента, но значительно ниже подобного показателя для синтагмы $ИПК_0 + ИН_0$ (1:2,08). В элементе $ИПО_{\text{афр.}} +$ наиболее представленными оказываются ЛСГ «рельеф», «деревья, лес», «водосмы», «растения», «явления природы», «духовная культура», «кустарники», «грунт: земля, почва», «дикие животные», «характеристика объекта с точки зрения его заповедности», «историческое прошлое», «части тела человека», «пресмыкающиеся», «рыбы» и др. Распределение определяемых по ЛСГ иное по сравнению с определениями. Подавляющее большинство лексем приходится на ЛСГ «рельеф», затем «водосмы», остальные ЛСГ содержат совсем незначительное число единиц.

Разница в определениях всех трех номинативных единиц совершенно ясна: $ИПК_0 +$ выражает качество, $ИН_0 +$, $ИПО_{\text{афр.}} +$ — отношение. Единственное, на что следует обратить внимание, — это формы $ИН_0 +$ и $ИПО_{\text{афр.}} +$ с совпадающими корневыми морфемами: алт. *Адалу-Кем*, *Адалу-Ой* → *Ада-Каан*, *Ада-Көл*; *Айулу-Јол*, *Айулу-Карасу*, *Айулу-Кобы*, *Айулу-Кыр*, *Айулу-Озк*, *Айулу-Суу* → *Айу-Балтырган*, *Айу-Манаг*, *Айу-Тарткы*, *Айу-Көл*, *Айу-Кыр* и др. Таких параллелей достаточно. Предположить одновременность их появления нет оснований, значит, различие между ними следует искать в семантике основы с аффиксом и без него. Определения на $-л^0(к)$ в топонимах сигнализируют наличие тех предметов, на которые указывает корневая морфема. Интерпретация ГИ с указанным аффиксом в общем однозначна, здесь исключены какие-либо метафорические переносы: алт. *Адалу-Кем* 'имеющая предка или отца река > отцовская река', *Айулу-Кобы* 'имеющий медведей лог > медвежий лог', в то время как эта корневая морфема-определение предполагает в ряде случаев наличие метафоры, если при ней нет аффикса: *Ада-Каан* 'хан-отец → почтительное обращение' > имя горы, *Айу-Көл* 'медведь-озеро' > 1) 'большое озеро', 2) 'медвежье озеро'. Кроме того, в некоторых топонимах возникают в непрямой форме обстоятельственные отношения: *Јол-Суғат* — 1) 'водопой при дороге', 2) 'дорожный водопой', а *Јолду-Суугаш* — только 'имеющая дорогу река'.

Похоже на то, что часть топонимов типа $ИН_0 + ИН_0$, а также $ИПК_0 + ИН_0$ возникла из культурных обращений к объектам при-

роды, о чем свидетельствуют многочисленные параллели из эпоса: алт. *Ала-Каан* 'пестрый поведитель → почтительное обращение' > название горы, *Алтын-Таган* 'золотой таган → почтительное обращение' > название горы, *Баатыр-Каан* 'богатырь-хан → почтительное обращение' > название горы, *Кадын-Суу* 'ханша-река → почтительное обращение' > название реки, *Чапты-Каан* 'хан-поведитель племени чапты → почтительное обращение' > название горы и др.

Единицы группы ИПО_{афф.} + ИН₀, вероятно, были когда-то частью номинальных фраз описательного характера.

Топонимия фиксирует девять подтипов непритяжательной атрибутивной синтагмы с определяемым + ИН₀. В статье кратко рассмотрены три (самые многочисленные). Как видим, выбор лексем для построения топонимов, их частотность определяются не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, среди которых немаловажное место занимает тип хозяйственной деятельности этноса, давшего имена, а также флора и фауна, окружавшие этот этнос и использованные для удовлетворения потребностей населения; и т. д.

Картирование реального мира, отраженное в ЛСГ и их составляющих, дает довольно полную этноисторическую картину прошлого, включая духовную культуру, исторические события, этническое размещение населения, принадлежность людей к различным социальным группам, бытовые условия, типы жилищ, построек и сооружений, одежду, оружие и т. п. В этом смысле возможности топонимики кажутся огромными, ибо она снабжает исследователя такими же надежными и важными фактами, как археологические и этнографические коллекции.

ЛСГ и порядок их следования показывают, что прежде всего закрепилось в именах — этой памяти человеческой, отражении мышления их создателей, природных и общественных условий жизни времени своего возникновения. Можно ли через содержание имен спроектировать время их создания? Думается, что да. Именно поэтому топонимы *Ада-Каан* 'отец-хан', *Иалама-Боом* 'утес в виде мыса с ленточками дьялама', *Иеңе-Туу* 'невестка-гора', *Кам-Ойык* 'шаман-котловина', *Курман-Төбө* 'жертвенное возвышение', *Обоо-Туу* 'гора с грудой жертвенных камней', *Саң-Каш* 'опушка, холм как жертвенный треножник', *Теле-Тыт* 'лиственница рода или племени теле', *Теле-Чибі* 'ель рода или племени теле', *Темир-Тайга* 'железное высокогорье', *Чолобу-Боочы* 'перевал с кусочками жертвенного мяса', *Ыйык-Көл* 'священное озеро' и другие можно считать одними из древних на Алтае, а имена типа *Тайзаң-Тайлу* 'летовка зайсана', *Казак-Тайга* 'русская тайга', *Калха-Кышту* 'зимовье калха', *Күрек-Туу* 'лопата-гора', *Кындак-Туу* 'ложе у ружья-горы', *Орус-Тол* 'дорога русских', *Солдат-Туу* 'солдат-гора' и т. п. — более молодыми.

Количество лексем в ЛСГ, а также их частотность неоспоримо доказали, что такие признаки, как цвет, размер, конфигурация, сопоставляемая с частями тела, издаваемый звук, расположение в пространстве, приобретали у тюркских народов наибольшую различительную силу, а потому прежде всего были взяты для номинации объектов.

Коснемся времени появления различных номинативных единиц. Можно полагать, что подтип ИН₀ + ИН₀ был продуктивным всегда, о чем говорит следующее: 1) его многочисленность в топонимической и апеллятивной лексике; 2) апелляция к содержанию синтагм указанного типа показала, что топонимические образования ИН₀ + ИН₀ могли возникать и в не столь отдаленное время; 3) он представляет собой универсальнейшую модель ГИ с самым простым способом связи между компонентами — примыканием и широкой возможностью метафориче-

ских переносов, занимающих столь важное место в ГИ. Содержательная структура подтипов ИПК₀ + ИН₀, ИПО_{аф.ф.} + ИН₀, их значительное число, существование подобных в апеллятивной лексике также свидетельствуют о том, что они довольно древни и продуктивны. То же подтверждают и древнетюркские источники. Подтипы ИН₀ + ИН₀ и ИПО_{аф.ф.} + ИН₀ нельзя считать разновременными, они имеют много точек соприкосновения, хотя группа ИН₀ + ИН₀ и кажется богаче и разнообразнее. Основной вид связи — примыкание. И здесь появляется необходимость рассмотреть существенный и древний спор в топонимике — влияет ли «возраст» топонима на его знаковые характеристики, какие топонимы быстрее всего «изнашиваются» каждодневным употреблением, т. е. теряют свою семантическую, грамматическую связь с апеллятивами, от которых они образованы. Думается, что это довольно продолжительный процесс, растянувшийся для многих имен на ряд столетий. В этой связи хочется еще раз вернуться к построенной Г. Е. Корниловым [4. С. 200—206] на материале чувашского языка классификации ГИ. В ее основу было положено свойство топонима быть «собственным именем». Что же понимается автором под этим свойством? Это противопоставленность апеллятивам в том, что топоним соотносится с отдельным объектом, а не с классом «однородных» объектов. Все топонимы подразделяются, исходя из изложенного критерия, на три типа: 1 — отвечающий реалиям ГИ без дифференцирующих определений и других элементов; 2 — атрибутивная синтагма; 3 — слово, атрибутивная или предикативная синтагма любого происхождения, где ГИ в той или иной степени предполагается или допускается ситуацией, но непосредственно не представлен. Как же отвечают эти три типа свойству «быть ИС»? В 1-м типе это свойство проявляется минимально, во 2-м — больше, в 3-м — максимально. Каждый тип имеет ряд подтипов, для которых также устанавливаются различные степени свойства «быть ИС». Определяется и время возникновения типа: 1 — древнейшая эпоха (возможно, наследство от праязыка); 2 — более поздняя эпоха; 3 — позже, чем эпоха возникновения предыдущего типа. Для 1-го типа продуктивность в современных условиях наименьшая и перспективность отсутствует, для 2-го типа продуктивность значительная, перспективность незначительная, для 3-го типа продуктивность и перспективность наибольшие.

Уже в своей кандидатской диссертации [5] мы обратили внимание на выдвинутую классификацию, которая, по мнению Х. Шайнхардта [3. С. 22], заслуживает пристального изучения и развития. Думается, что абсолютно верной знаковой характеристикой ИС является его уникальность, т. е. возможность соотнесения только с одним денотатом. В этом случае количество имен и денотатов совпадает. Таким образом, коэффициент их соотнесенности выражается как 1:1. Это имена самой узкой референции. Ими оказываются синтагмы «имя собственное места аффиксальное + ИН₀», «имя нарицательное аффиксальное + ИН₀»; близко к ним стоит «имя собственное личное безаффиксальное + ИН₀» (1:1,08), затем следуют «глагольная форма аффиксальная + ИН₀» (1:1,26), «имя прилагательное относительное безаффиксальное + ИН₀» (1:1,28), ИН₀ + ИН₀ (1:1,39), ИПО_{аф.ф.} + ИН₀ (1:1,42), «имя числительное безаффиксальное + ИН₀» (1:1,5), ИПК₀ + ИН₀ (1:2,08). Как видно, в простой непротивительной атрибутивной синтагме более всего манифестирует свойство «быть ИС» группы ИСМ_{аф.ф.} + ИН₀, ИН_{аф.ф.} + ИН₀, менее всего — ИПК₀ + ИН₀, где область референции самая широкая.

Взяв за основу подобным образом выводимый коэффициент, подключим сюда топонимы 1-го, 2-го, 3-го типов, которые, согласно Г. Е. Корнилову, представляют одиночные ГН, двусоставные образования с ГН и без ГН. Наши подсчеты показывают, что у 1-го типа (одиночные ГН) коэффициент соотнесенности имен и объектов — 1:2,93, у двусоставных с ГН — 1:1,63, у двусоставных без ГН — 1:1,21. Итак, эта мысль Г. Е. Корнилова подтвердилась полностью и на алтайском материале.

Что касается времени появления указанных типов, то у нас нет такого определенного ответа, какой дается в работе Г. Е. Корнилова. На наш взгляд, все три типа имен могли возникать одновременно; более же перспективной и сохранившейся в языке, по нашим наблюдениям, оказалась двухкомпонентная модель ГИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.
2. Bourne J. Place-Names of Leicestershire and Rutland. Leicestershire Libraries and Information Service, 1981.
3. Scheinhardt H. Typen türkischer Ortsnamen. Heidelberg, 1979.
4. Корнилов Г. Е. Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике: Дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1964.
5. Молчанова О. Т. Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области: Дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1968.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА**К. Н. ВЕЛНЕР****ЭПИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ПОЭТИКИ**

Сотрудничество лингвистики с другими науками, характерное для последних лет, позволяет по-новому подойти к решению многих традиционных проблем. В этом смысле наибольшего внимания заслуживает интенсификация связей современного языкознания с мифологией, фольклористикой, поэтикой, теорией художественного перевода, приведшая к появлению таких новых дисциплин, как лингвистическая поэтика и лингвофольклористика. Каждая из этих дисциплин, рассматривая текст со своих позиций, способствовала выявлению множества новых аспектов, прежде ускользавших из поля зрения исследователей, созданию ряда фундаментальных концепций в области поэтического языка, языка художественной литературы, литературного языка и языка фольклора, определению направления новых исследований [1].

Современная лингвистическая поэтика возникла на стыке стилистики художественной речи и традиционной поэтики литературоведческого направления. Именно поэтому ее предмет должен определяться в сравнении и в оппозиции объектам этих наук. Традиционная стилистика считает поэтический язык фактически одним из литературных стилей (т. е. художественным), но в то же время не признает его самостоятельности. «Художественный стиль», понимаемый как особая (ограниченная) форма проявления литературного языка, так и не сумев превратиться в основную область ни языкознания, ни поэтики, по-прежнему остался на периферии большой науки. В. П. Григорьев, отмечая отсутствие точных границ в стилистике, выделяет в ней несколько направлений (стилистику литературного языка, стилистику функциональных типов речи, идиостилистику), каждое из которых освещает поэтический язык, язык художественной литературы, стиль и другие проблемы в присущей им форме, зачастую с теми или иными противоречиями [3]. Следует отметить, что хотя позиция авторов, работающих в этих направлениях (Р. А. Будагов, О. С. Ахманова, Ю. С. Степанов, М. Н. Кожина, М. П. Брандес и др.), по своей сути не очень близка к лингвистической поэтике, тем не менее ряд их идей может успешно применяться в этой области.

С точки зрения комплексной разработки проблем стилистики, поэтического языка и поэтики, а также теоретико-методологической полноты, наибольшего внимания заслуживает концепция В. В. Виноградова [12—16].

Отводя большое место изучению языка при решении проблем

поэтики, В. В. Виноградов, не абсолютизируя, однако, эту позицию, считает весьма важной тесную связь лингвистики с литературоведением и поэтикой: «Отправляясь от лингвистической стилистики и теории поэтической речи, поэтика в своем собственном становлении насыщается понятиями и обобщениями теории литературы и искусствознания» [14].

Нам кажется, что с точки зрения сближения двух отраслей науки ученый сумел указать наиболее удачный из возможных в контексте науки того времени путей, ибо избавление от определенной односторонности стилистики художественной речи и успешное применение в поэтике методов лингвистики стали возможны только после создания ряда новых лингвистических дисциплин, в том числе лингвистики текста.

В то же время проявление ряда ошибочных и поверхностных суждений, господствующих в области изучения поэтического языка на современном этапе, также связано с ограниченностью традиционной стилистики. Понимание поэтического языка в узком смысле, подчинение его в полном смысле гегемонии литературного языка, квалификация его специфических особенностей как фактов отклонения от определенной нормы и подобные им взгляды широко распространены в научной литературе и в настоящее время [17; 18]. Получив отражение в различных учебниках, монографиях и статьях, они препятствуют верному пониманию и адекватному описанию художественного языка как специфического средства познания и моделирования мира, присущих только ему внутренних структурных закономерностей, семантического потенциала и других проблем.

На наш взгляд, на современном этапе развития филологии самым верным путем является непротивопоставление стилистики и лингвистической поэтики. Напротив, для того, чтобы лингвистическая поэтика как дисциплина стала полностью самостоятельной и успешно изучала свой объект, она, как и другие области филологии (а может, и более), должна применять самые ценные тезисы, продуктивные идеи стилистики и литературоведческой поэтики. Вообще, установление резкой границы между лингвистической поэтикой и «стилистическим» анализом отдельно взятого художественного текста не считается целесообразным [3].

В область исследования, определяемого завоевавшим гражданское право в советской филологии примерно с начала 70-х годов термином «лингвистическая поэтика», входит изучение сложного и в то же время в достаточной степени конкретного круга проблем, например, анализ художественного текста как особым образом организованной системы знаков, изучение структуры поэтического языка как одной из функций языковой системы, принятие лингвистики в качестве отсчета при изучении поэтики художественных текстов и т. д. В. П. Григорьев принимает термин «лингвистическая поэтика» «в качестве условного обозначения языковедческой доли в развитии теории и истории поэтического языка» [3].

Каждое из определений, независимо от формулировки, верно выражает главную особенность лингвистической поэтики — выдвигание на передний план при изучении поэтики художественного текста лингвистического аспекта. В исследованиях, ведущихся в этом направлении, поэтический язык рассматривается на основе научных принципов языкознания, на базе его методов и категориально-терминологического аппарата. Изучение поэтического языка в этом случае предполагается по всем уровням: в плане выражения, в плане содержания, в синхронном и диахроническом аспектах. Понимаемая подобным образом поэтика в корне отличается как от исследований по стилистике, так и от литературоведческой поэтики. Кроме того, различны также объект и

предмет исследования, принципы, порядок исследования, получаемые результаты и т. д. Используемые методы в основном общие [19].

В рамках лингвистической поэтики можно выделить несколько относительно самостоятельных сфер исследования. В. П. Григорьев затрагивает и этот вопрос: «Поэтика слова предполагает постановку таких тем, как „поэтика предложения” (или „поэтика синтаксиса”), „поэтика фонемы” (или „поэтика фонологии”). „Поэзия грамматики” не может быть выявлена без лингвистического исследования в рамках „поэтики грамматических категорий» [3]. Помимо этого, для лингвистической поэтики актуально изучение художественных определений, фразеологических единиц, ритма, интонации и других вопросов.

Рассмотрение азербайджанских текстов в лингвистическом аспекте началось фактически в последние годы. Поэтому не всегда правильное разделение сфер стилистики и лингвистической поэтики, характерное для общесоветской науки, присуще и азербайджанской филологии. В большинстве статей, монографий и учебников по стилистике и поэтике преобладают ограниченные представления о поэтическом языке. Основной недостаток исследований по стилистике А. Демирчизаде [20], докторской диссертации Ш. Юсифли [21], частично работы А. Багирова, посвященных особенностям стиля простых и сложных предложений [22; 23], книги «Художественная стилистика азербайджанского языка», а также учебного пособия «Стилистика и система стилей» К. Алиева [24] состоит в том, что авторы остались в жестких рамках нормативной грамматики и за пределами достижений современной научно-теоретической мысли. Известно, что обнаружение в художественных текстах, например, вариантов сложноподчиненного предложения, известных из нормативной грамматики, и анализ их на основе одних и тех же принципов не привносят ничего нового в стилистико-поэтический синтаксис. Подобный подход не способствует выяснению специфики смыслообразовательного механизма поэтического языка, хотя «синтаксис — чрезвычайно интересная и перспективная область лингвистического (добавим, еще и лингвопоэтического. — К. В.) исследования. И удивительно, что в такой области менее всего проявляется творческое начало» [25. С. 6].

В результате такой ограниченности и ориентации на нормализованный литературный язык в азербайджанской стилистике все еще не изучены не только поэтическая система азербайджанского языка, но и его специфические закономерности, реализующиеся в художественных текстах, стилистико-поэтический характер отдельных жанров, возможности взаимодействия языкового материала с поэтическими формами и другие подобные проблемы. Между тем серьезные успехи, достигнутые азербайджанским языкознанием, давно уже создали надежную базу для проведения исследований в этом направлении [26].

Как видно, в азербайджанском языкознании в первую очередь развивались синтаксические исследования; поэтический же язык несправедливо оставался в стороне от основного пути развития науки.

В настоящее время мы располагаем рядом фундаментальных трудов в области изучения лингвистической поэтики азербайджанского языка, особенно поэтического синтаксиса. Большого внимания заслуживают исследования А. А. Ахундова, М. И. Адилова, Т. И. Гаджиева, К. М. Абдуллаева, С. А. Абдуллаева [27—31].

Как и другие области лингвистической поэтики, опирающейся на лингвистические разыскания, поэтический синтаксис также опирается на свою естественную основу — чисто синтаксические исследования.

Посвященные различным проблемам синтаксиса работы языковедов М. Ш. Ширалиева, М. Гусейнзаде, А. З. Абдуллаева, Н. З. Гаджиевой, М. И. Адилова, Ю. М. Сеидова, З. И. Будаговой, А. Г. Гасанова, А. М. Джавадова, К. М. Абдуллаева, М. М. Джафарзаде, Ф. М. Агаевой, Н. Абдуллаевой, Ш. В. Юсифли, Э. Дж. Гасановой, А. Халилова дают достаточно ясное представление о круге тем, об идеях и успехах азербайджанской синтаксической школы.

Нами поэтический синтаксис азербайджанского языка изучается на основе фольклорного материала — героического эпоса. И. И. Ковтунова, разграничивая поэтический и нормативный синтаксисы, следующим образом определяет специфику первого как феномена художественного языка: «Если в поле зрения вводится только формальная сторона синтаксиса словосочетания и предложения, то нет оснований — с лингвистической точки зрения — говорить об особой системе поэтического синтаксиса...»

При формальном подходе правомерной оказывается точка зрения, согласно которой при описании поэтического языка грамматика отступает на второй план по сравнению с лексикой» [6. С. 3].

Однако такой традиционный «формальный подход» не отвечает сегодняшним требованиям науки. Лингвопоэтическое исследование, поднимая синтаксис с уровня предложения, требует изучать его на уровне синтагмы и текста в целом, что расширяет возможности изучения поэтического языка. По словам И. И. Ковтуновой, «функциональный и текстовый подходы открывают в поэтической речи зону самостоятельного и чрезвычайно активного языкового творчества, целенаправленно вырабатывающего на основе средств национального языка такие формы и изображения, которые соответствуют задачам поэзии как искусства... Это творчество осуществляется главным образом за счет семантических функциональных преобразований языковых средств, а не за счет нарушений формальных грамматических правил. ...В поэтической речи обогащается семантика языковых средств и с предельной полнотой воплощаются смысловые потенции языка» [6. С. 3—4].

Указанные особенности поэтического языка заметнее всего проявляются в области синтаксиса, ибо именно синтаксис по сравнению с лексикой охватывает наиболее широкий круг языковых изменений (порождение новых смыслов, новые выразительные возможности, семантические сдвиги и т. д.). И потому мы считаем, что исследование поэтического языка, особенно характеризующегося рядом специфических черт языка фольклора, целесообразнее начинать с изучения поэтического синтаксиса. Синтаксису принадлежит решающая роль при передаче художественной информации и создании художественной модели мира. Поэтический синтаксис, кроме того, обуславливает структуру фонетических, морфологических и лексических элементов точно так же, как природа художественной информатики определяет сложную структуру и трансформацию синтаксических конструкций.

Исследование поэтического синтаксиса на материале фольклора интересно с нескольких точек зрения. О лингвистической стороне проблемы (значении синтаксических структур для художественного текста) в определенной степени уже говорилось. Вторая же сторона связана с природой собственно языка фольклора. Фольклору принадлежит особая роль в истории развития каждого национального языка. Исследователи по-разному определяют его значение и статус. Одни из них считают язык фольклора формой общенародного языка, предшествующей литературному языку, наддиалектным явлением, устным литературным языком и т. д. Безусловно, определенное значение здесь имеет и влия-

ние конкретного национального языка, особенностей его развития, роли, которую играл фольклор в этом развитии. Например, М. Н. Славянинская наддиалектной формой считает язык гомеровского эпоса, М. А. Кумахов и З. Ю. Кумахова — язык абхазо-адыгейского, а В. Асланов — язык всего азербайджанского фольклора — начиная с «Книги моего деда Коркуда» [32. С. 19—78]. З. Н. Волкова высказывается о близости языка французского эпоса с литературным и считает возможным называть его «раннелитературным языком». На наш взгляд, перечисленные исследователи определили сущность проблемы — общенародный характер языка фольклора. Вместе с тем полностью принять предложенные термины невозможно. Так, термины «наддиалект», «наддиалектное образование», как нам кажется, не могут использоваться применительно ко всем языкам. Если говорить о языке азербайджанского фольклора, то его правильнее считать не наддиалектным, или интердиалектным, явлением, а одной из функциональных форм устного литературного языка [33].

Фольклор относится к числу ведущих областей художественной культуры каждого народа. Поэтому изучение его языка является довольно важной проблемой, стоящей и перед фольклористикой, и перед языкознанием, и перед лингвистической поэтикой.

За последние годы появился ряд серьезных работ по поэтике фольклора, его художественной системе, средствам художественного изображения и многим другим вопросам. Определенный интерес представляют статьи по поэтике фольклора, опубликованные в коллективных сборниках Института мировой литературы имени М. Горького [34—41]. Хотя в них и не решаются проблемы, непосредственно связанные с лингвистической поэтикой, значение их для науки бесспорно. В большинстве работ самое пристальное внимание уделяется вопросам языка, стиля и поэтики эпоса тюркских народов (в том числе азербайджанского).

Успешное изучение языка фольклора невозможно без использования работ славистов и русистов. Их исследования преследуют две цели: во-первых, реконструкцию архаической структуры, семантики и символики фольклора на материале языка и лингвистическими методами (работы В. Н. Топорова, В. В. Иванова, Т. В. Цивьян, Л. Г. Невской и др.) [42]; во-вторых, изучение функциональных особенностей языка фольклора в рамках лингвопоэтической проблематики (работы Е. Б. Артеменко, Б. П. Кирдан, В. М. Гацака, Б. Н. Путилова, К. В. Чистова и др.) [48—51].

Ценным подспорьем для понимания художественной системы фольклора, верной оценки функциональных отношений между отдельными его ветвями является вышедшее недавно учебное пособие Ю. Г. Круглова [53].

Вопросы, связанные с нашей темой, наиболее подробно затрагиваются в работах по поэтике фольклора В. М. Жирмунского, Х. Г. Короглы, П. Г. Богатырева, Е. М. Мелетинского, И. С. Брагинского, С. Ю. Неклюдова и ряда специалистов, работающих в национальных республиках.

Интерес к вопросам языка и поэтики эпического фольклора в азербайджанской филологии в последнее время усилился. Проблемам языка эпоса, эпического синтаксиса посвящен ряд монографий и статей [8; 7; 29; 54].

Следует отметить, что азербайджанские филологи неслучайно уделяют особое внимание героическому эпосу. Удельный вес эпоса по сравнению с другими жанрами фольклора тюркоязычных народов наиболее высок. Более половины мирового эпического фонда составляет эпос

тюркских народов. Такие известные памятники, как «Книга Коркуда», «Кероглу», «Манас», «Кобланды-батыр», «Алпамыш», «Маадай-Кара» и другие составляют золотой фонд мирового фольклора.

Выбор в качестве объекта исследования именно языка эпоса объясняется двумя причинами. Во-первых, как уже отмечалось, эпос является ведущим жанром фольклора тюркских народов; во-вторых, с точки зрения формальной организации текста, эпос тюркских народов существенно отличается как от эпоса других народов, так и от остальных жанров тюркоязычного фольклора. Для эпических текстов характерна организация материала художественного языка в двух формах — прозе и поэзии. Чередование прозы и поэзии для тюркоязычных эпических текстов — это не формальный показатель, а лингвопоэтическое явление, определяющее полисемию поэтической структуры, создающее сложные смысловые переходы и обладающее высокой информативностью. Поэтическая информация, содержащаяся в прозаических и стихотворных отрывках, специфична в плане не только выражения, но и содержания. Различия между этими отрывками, с точки зрения структуры, выступают как значимые единицы на всех уровнях и во всех аспектах. Эти типы речи, формально независимые друг от друга, вступая в оппозиционную в семиотическом плане связь, подвергаются интенсивному взаимовлиянию на различных уровнях поэтического языка. Таким образом, чередование стиха и прозы можно считать своеобразным (генеративным) механизмом тюркоязычного эпоса. Мы не ошибемся, если назовем эти взаимоотношения «языковой полифонией». В семиотическом плане это явление можно понимать как сплетение различных кодовых систем. Частичное совпадение двух кодов в единой семантической области текста создает почву для избыточной информации, другими словами, повышает устойчивость поэтической структуры эпоса.

Чередование прозы и стиха в тюркоязычном эпосе в определенном смысле поднимает его над другими жанрами. Эпос превращается в своего рода эталон, универсальную модель языка фольклора. Приняв во внимание эти суждения, можно ясно понять крайнюю актуальность эпоса для лингвопоэтических разысканий тюркологов.

При постановке и решении некоторых проблем необходимо опираться, в частности, на работы ряда зарубежных исследователей, и в первую очередь — представителей Пражской лингвистической школы. Мы считаем, что в современных лингвопоэтических исследованиях невозможно обойтись без работ такого известного ученого, как Р. Якобсон, который сумел поднять исследование поэтического языка на новый уровень [57].

Р. Якобсон, изучая поэтический язык, выделяет прежде всего следующие основные компоненты акта речи: адресант — передающий информацию, сведения; адресат — принимающий их; контекст — реальность, о которой идет речь (референт); код — общая для адресанта и адресата система знаков (язык); контакт — физический канал, или психологическая связь, делающая коммуникативными адресанта и адресата. Каждому из этих шести факторов соответствует одна из функций языка: коммуникативная (референтивная), апеллятивная, поэтическая, экспрессивная, фактическая, метаязыковая [58. С. 203]. Подробно останавливаясь на сущности поэтической функции, Р. Якобсон указывает, что «направленность на сообщение ради него самого — это поэтическая функция языка. Эту функцию нельзя успешно изучать в отрыве от общих проблем языка, и, с другой стороны, анализ языка требует тщательного рассмотрения его поэтической функции» [58. С. 202].

Р. Якобсон выступает против ограничения поэтической функции только поэзией и добавляет, что и поэзия, в свою очередь, не ограничивается только реализацией поэтической функции. В художественном тексте поэтическая функция выступает вместе с другими функциями. Однако в зависимости от конкретных особенностей эти функции в тех или иных жанрах проявляются по-разному. Например, «эпическая поэзия, сосредоточенная на третьем лице, в большей степени опирается на коммуникативную функцию языка» [58. С. 203].

Какова же конкретная картина, которую принимает предложенная Р. Якобсоном схема акта речи (коммуникации) в процессе эпического исполнения? Ашуг (адресант) своими специфическими средствами (кодом) передаст слушателям (адресатам) на определенном собрании (физическом канале — контакте) конкретный эпический текст (сведения, информация), являющийся носителем определенной модели мира (контекста). Этот процесс отличается от других актов речи рядом особенностей: адресант, передающий эпическую информацию, как указывает Р. Якобсон, говорит о третьем лице, и то, о чем он говорит (информация), в основном известно аудитории. Контекст же известен обеим сторонам в равной степени. Следовательно:

а) референтивная функция здесь очень слаба;

б) эпическая информация передается одновременно не по одному, а по нескольким кодам (синхронное функционирование нескольких кодовых систем);

в) адресат оказывает серьезное воздействие на степень активности в акте речи различных кодовых систем (слова, музыки, танца, жеста и т. д.) и на определение его структурно-семантических особенностей;

г) адресант (ашуг), таким образом, попадает в зависимое от адресата (слушателя) положение.

Характеристика адресата (половозрастная структура аудитории, ее настроение) как участника акта коммуникации меняет, в первую очередь, модель поведения адресанта и тем самым вмешивается в эпическую информацию. Характерологические показатели аудитории обуславливают и то, какой код в какие моменты и в какой степени используется.

При исполнении азербайджанского эпоса доминирует не коммуникативная (референтивная) функция, а поэтическая: предмет, о котором идет речь (здесь «эпический мир»), известен слушателю так же хорошо, как и ашугу; ашуг не может добавить к тому, что он знает, ничего принципиально нового. Экспрессивная функция в этом случае, как и все остальные, не играет ведущей роли: ашуг выражает не себя, поэт не то, что хочет, а то, что ждет адресат. Поэтому на передний план выходят способы передачи поэтической информации, т. е. основное внимание концентрируется на этих элементах, и участники оценивают акты речи именно с такой точки зрения. Иными словами, основной признак эпического процесса — это выдвижение поэтической функции на передний план.

Перечисленные особенности эпического текста до сих пор сохраняются в традиционных диалогах ашуга со слушателями, прибаутках, в ряде традиционных клише эпического процесса и вообще в отношениях обеих сторон во время исполнения азербайджанских дастанов. Например: такие высказывания, как «ашуг, расскажи о Кероглу, разведали нас», «ашуг, расскажи, послушаем, как Гизироглу повалил Кероглу», «ашуг, ну-ка оставь под снегом Керема, заставь его наставника заплакать», а также другие, выступая как знаки соответствующих эпич-

ческих текстов, ясно показывают, что адресат знает текст и его фактически интересует не то, о чем будет рассказываться, а то, как оно будет рассказываться. Причем в зависимости от состава аудитории одни эпизоды сокращают, другие, наоборот, расширяют; иногда, импровизируя, они создают новые эпизоды.

Исследуя поэтические особенности эпического текста, механизм его деятельности, организующую роль и значение языка в этом процессе, необходимо руководствоваться идеями системности, определяющими облик современного языкознания. Системность языка проявляется и в межуровневых связях, и в отношении каждого уровня к предыдущему (и последующему). При таком подходе выявляется следующее иерархическое взаимоотношение отдельных единиц языка: Ф→М→→Л→С→→П→→Т [59].

В указанной последовательности фонема лишена смысла, морфема (или же морфонема) является самой малозначимой единицей, а лексема — смысловой единицей языка. Смысл предложения — утверждение, смысл текста — цепь утверждений. Из этой системы последовательностей можно сделать следующие выводы:

а) семантический ряд от морфемы к тексту реализуется по линии нарастания смысловой нагрузки;

б) от морфемы к тексту слабеет когерентность, связанность, возрастает относительная самостоятельность непосредственносоставляющих.

Подобные отношения характерны и для уровней поэтического языка. Языковые уровни вступают в такие сложные взаимосвязи внутри текста, как поэтический язык; приобретая новые, отсутствующие в «обыденном» языке особенности, они превращаются в механизм порождения художественного смысла. Художественная информация, сформированная им, отличается от всех других типов информации, приобретаемая не имеющий аналога в языковой практике и не переводимый на обыденный язык статус художественно-эстетического феномена. Максимум сжатости мысли, или максимальное выражение мысли минимальными средствами, не является в ней основным. Главное — это выражение мысли в художественно-эмоциональной, оригинальной, неповторимой форме.

Художественное мышление дает образное описание мира средствами поэтического языка. Без учета этой особенности невозможно выявить сущность художественного стиля, специфику эпического языка. Например, в дастане «Кероглу» бег Гырата описывается следующим образом: Гырат јел кими кетди, гуш кими ганад ачды, бэлэнлэри өтдү, јохушлары чыхды, снислэри енди, јерин дамарыны кэсди, нечэ күндэн сонра кетди Тэкэ-Түркманэ чыхды [60. С. 34] 'Гырат понесся словно ветер, полетел будто птица, преодолел гребни, проскочил пропасти, взлетал на подъемах, несся по спускам, перерезал жилы земли, через несколько дней достиг Таке-Туркмана'. Здесь передача значения «с большой скоростью» реализуется глаголами движения. Ашуг, исполняющий дастан, сумел словами оживить духовное состояние героя.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Более подробно об этом см.: [2—9]. Кроме того, применение лингвистических методов в поэтике, формирование структурной и лингвистической поэтики, в целом результаты всех поисков, ведущихся в этом направлении, регулярно отражаются в ряде периодических изданий. См.: [9—11].

- ² Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972.
- ³ Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979.
- ⁴ Галперин И. Р. Текст как объект лингвистического анализа. М.: Наука, 1981.
- ⁵ Структура и функционирование поэтического текста; Очерки лингвистической поэтики. М.: Наука, 1985.
- ⁶ Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
- ⁷ Вёлиев К. Поэтический синтаксис азербайджанского языка. Баку: Изд-во АГУ, 1979.
- ⁸ Он же. Поэтика эпоса. Баку: Язычы, 1984.
- ⁹ Он же. Магия слова. Баку: Язычы, 1986.
- ¹⁰ Труды по языковым системам. Тарту, 1964—1985. Вып. 1—19.
- ¹¹ Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8; 1980. Вып. 9.
- ¹² См.: Виноградов В. В. К построению теории поэтического языка // Поэтика. Л.: Academia, 1927. Вып. 3.
- ¹³ Он же. Поэтика, стилистика и лингвистика // Тез. докл. Межвуз. конф. по стилистике худож. лит. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1961.
- ¹⁴ Он же. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- ¹⁵ Он же. Избранные труды: Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976.
- ¹⁶ Он же. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971.
- ¹⁷ См.: Брандес М. П. Стилистический анализ. М.: Высш. шк., 1971.
- ¹⁸ Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М., 1961.
- ¹⁹ Известно, что методы научного исследования являются общими для многих дисциплин. Конечно, появление того или иного метода первоначально в какой-либо определенной науке (например, в математике, лингвистике и др.) не меняет сути дела.
- ²⁰ Демирчизаде А. Язык дастана «Книга моего деда Коркуда». Баку: АПИ им. В. И. Ленина, 1959. Азерб.
- ²¹ Юсифли Ш. Стилистический синтаксис современного азербайджанского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1973.
- ²² Багиров А. Особенности стиля сложного предложения. Баку: Изд-во АГУ, 1978. Азерб.
- ²³ Он же. Особенности стиля простого предложения. Баку: Изд-во АГУ, 1977. Азерб.
- ²⁴ Алиев К. Стилистика и система стилей. Баку, 1985. Азерб.
- ²⁵ Костомаров В. Г., Круглов Ю. Г., Нелюбин Л. Л., Перстаев А. Ф., Толстой Н. Л., Щербак А. М. Итоги и проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров по языкознанию в 1981—1985 гг. // Вopr. языкознания. 1986. № 5.
- ²⁶ Абдуллаев К. М. Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1984.
- ²⁷ Адилов М. И. Синтаксические повторы в азербайджанском языке. Баку: Элм, 1974. Азерб.
- ²⁸ Гаджиев Т. И. История азербайджанского литературного языка. Баку: Изд-во АГУ, 1976. Азерб.
- ²⁹ Абдуллаев К. М. Автор—произведение—читатель. Баку: Язычы, 1985. Азерб.
- ³⁰ Абдуллаев С. А. Экспрессивное утверждение и экспрессивное отрицание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1971.
- ³¹ Ахундов А. А. Искусство поэзии и языка. Баку: Язычы, 1984. Азерб.
- ³² См.: Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981.
- ³³ Об устном литературном азербайджанском языке, его сущности см.: [28. С. 52].
- ³⁴ См.: Текстологическое изучение эпоса. М.: Наука, 1971.
- ³⁵ Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1971.
- ³⁶ Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975.
- ³⁷ Фольклор: Поэтическая система. М.: Наука, 1977.
- ³⁸ Фольклор: Издание эпоса. М.: Наука, 1980.
- ³⁹ Фольклор: Поэтика и традиция. М.: Наука, 1982.
- ⁴⁰ Фольклор: Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М.: Наука, 1980.
- ⁴¹ В этих сборниках опубликован ряд удачных статей В. М. Гацака, Х. Г. Корголы, А. С. Мирбадалова, И. В. Пухова, А. И. Чудоякова, Ш. И. Ибраева, А. Садыхова и др.
- ⁴² Для ознакомления с исследованиями указанных авторов в этой области см.: [43—47].
- ⁴³ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.
- ⁴⁴ Они же. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965.
- ⁴⁵ Структура текста: Сб. статей. М.: Наука, 1980.
- ⁴⁶ Балто-славянские исследования. 1982. М.: Наука, 1983.
- ⁴⁷ Balcanica: Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979.

⁴⁸ См.: *Артеменко Е. Б.* Вопросы синтаксического строя русской народной лярической песни. Воронеж, 1975.

⁴⁹ История, культура, этнография, фольклор славянских народов: Докл. сов. делегации на 9-м Междунар. съезде славистов. М.: Наука, 1980.

⁵⁰ Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (статьи И. А. Оссовецкого, П. Г. Богатырева и П. Д. Ухова).

⁵¹ В некоторых же работах язык фольклора рассматривается не в аспекте поэтики, стилистики, а именно как материал языковедческих исследований. К примеру, см. [52].

⁵² *Борковский В. И.* Синтаксис сказок. М.: Наука, 1981.

⁵³ *Круглов Ю. Г.* Русские обрядовые песни. М.: Высш. шк., 1982.

⁵⁴ Ряд серьезных суждений в этом направлении выдвинут в монографии Н. Мехтиева [55]. Дополнительно см.: [56].

⁵⁵ *Мехтиев Н.* Средневековая азербайджанская эстетическая культура. Баку: Ишгь, 1986. Азерб.

⁵⁶ *Бадалов Р. Р.* Правда и вымысел героического эпоса. Баку: ЭЛМ, 1983.

⁵⁷ О влиянии известной работы Р. Якобсона «Лингвистика и поэтика» на мировую и советскую науку см.: [3. С. 37—38].

⁵⁸ См.: *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.

⁵⁹ Ф — фонема, М — морфема, Л — лексема, С — синтагма, П — предложение, Т — текст.

⁶⁰ Кероглу / Сост. Гуммет Ализаде. Баку, 1941.

З. СЕИТЖАНОВ

КАЗАХСКИЙ РЕАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭПОС

История казахов Китайской Народной Республики (Восточного Туркестана) [1] в какой-то степени освещена, а их фольклор и литература до сих пор не стали объектом серьезного исследования, не говоря уже о конкретном изучении отдельных жанров. Поэтому весьма актуальным является определение жанрового состава казахского фольклора Синьцзяна (Восточного Туркестана) и характеристика устно-поэтической традиции казахов этого края.

В фольклоре казахов Восточного Туркестана сохранились все основные традиционные жанры, имеющие также у них и незначительные местные особенности. Долгому сохранению старых жанров фольклора способствовал скотоводческо-кочевой уклад жизни, при котором народная устная поэзия не только играла роль письменной литературы, но и выполняла педагогические функции.

Если казахская периодическая печать была основана в этом крае только в 30-х годах XX в., то устно-поэтическая культура жила активной жизнью, в народе постоянно исполнялись героические сказания «Кобланды-батыр», «Ер-Таргын», «Камбар-батыр», «Алпамыс», любовные повести «Козы-Корпеш и Баян-Слу», «Кыз-Жибек», «Айман-Шолпан» и др. Естественно, с течением времени они не могли оставаться неизменными, и некоторые из них подвергались определенным трансформациям. Например, обращает на себя внимание то обстоятельство, что текст «Кыз-Жибек», изданный в Китае, значительно превышает по объему алма-атинскую публикацию эпоса. Можно заметить и стилистические различия и несоответствия в манере изложения. Так, в восточно-туркестанском варианте вообще не встречаются прозаические вставки.

В общеказахском эпосе имеются и другие особенности, обусловленные жизнью и культурой казахов Восточного Туркестана XIX—XX вв. Наряду с традиционными сказаниями, в этот период возникли и новые эпические песни, посвященные различным историческим событиям, происходившим в регионе в последние два столетия. Это «Аркалык-батыр», «Кабанбай-батыр», «Мырзаш-батыр», «Тукибай-батыр», «Демежан-батыр», «Ахмет-Кашим», «Шайхан-Куляш», «Хасен-Жамиля» и др. По своим идейно-художественным характеристикам они относятся к реально-историческому эпосу, охватывающему произведения, которые имеют своим содержанием реальную, а не конструируемую историю, они обращены к политическому настоящему (или недавнему прошлому), к живой политической проблематике. Их предмет — живая движущаяся история, в реальном времени и в реальных человеческих судьбах» [2. С. 281].

Конечно, казахский реально-исторический эпос имеет и свою специфику, вызванную особенностями общественно-исторического и культурного развития и своеобразием устно-поэтической традиции казахов Восточного Туркестана. И это требует учета соотношения в исследуемом жанре исторического и художественного, правды и вымысла, взаимодействия эпоса и действительности, старого классического (героического и романического) и позднего реально-исторического эпоса.

Эпическое творчество казахов Восточного Туркестана подтверждает ту мысль, что эпические произведения об эпохе казахско-калмыцких войн в XVIII и XIX вв. более историчны, чем традиционные героические песни, что они созданы по следам событий и поэтому в них реальное довлеет над условно-поэтическим, а обрисовка героев более или менее соответствует историческим прототипам. Иначе говоря, сюжет, конфликт, образы этих произведений имеют реальную основу. Нужно отметить, что эпос казахов, проживающих в КНР, отличается еще большей исторической конкретностью, созвучностью своей эпохе. И в этом смысле он представляет собой самостоятельную разновидность реально-исторического эпоса.

Вообще же эпическая традиция казахов Восточного Туркестана характеризуется сочетанием нескольких разновидностей эпоса. Одну группу эпических сказаний составляют издавна известные всему казахскому народу героические песни «Кобланды-батыр», «Алпамыс-батыр», «Ер-Таргын» и др. Ко второй группе относятся дастаны, использующие традиционные восточные сюжеты: «Лейли-Маджнун», «Тахир-Зухра», «Жусуп-Зылиха» и т. д. В третью группу входят эпические песни о борьбе против захватчиков в XVIII—XIX вв. («Аркалык-батыр», «Кабанбай-батыр», «Мырзаш-батыр» и др.). Еще одну группу составляют произведения, раскрывающие социальное неравенство («Демежан», «Буркитбай», «Зуха» и др.). Следует выделить также лироэпические песни, посвященные трагической любви молодых («Тукибай-Шолпан», «Ахмет-Кашим», «Хасен-Жамиля», «Шайхан-Куляш» и др.).

Как видим, первые две группы составляют произведения из общеказахского эпического репертуара. Что касается остальных трех групп, то к ним относятся произведения, возникшие в последние два столетия и составляющие особенность эпического творчества казахов Восточного Туркестана. Для произведений этих групп характерны доминирование реального, исторического над условно-художественным, историчность событий, положенных в основу сказаний, описание реально живших людей, ослабление эпического начала и выдвижение на первый план злободневных проблем эпохи.

Реально-исторический эпос казахов Восточного Туркестана по содержанию и тематике бывает двух типов: героический и любовный. Причем в произведениях обоих типов повествуется о реальных фактах и людях. В качестве образцов реально-исторического эпоса с героическим содержанием мы рассмотрим такие произведения, как «Аркалык-батыр», «Кабанбай-батыр», «Мырзаш-батыр», образцами же реально-исторического эпоса любовного типа послужат нам сказания «Тукибай-Шолпан», «Ахмет-Кашим», «Хасен-Жамиля».

Герой эпоса «Аркалык-батыр» жил примерно во второй половине XVIII—начале XIX в. в Алтайском аймаке Восточного Туркестана, и в основу эпического сказания легли его героические деяния в борьбе против внешних врагов и внутренних эксплуататоров. В отличие от классического эпоса, здесь, как и во всех произведениях, относящихся к реально-историческому эпосу, указываются время и место действия, называются имена реальных противников и друзей батыра, других персо-

нажей. Так, об одном из столкновений казахов и джунгар в XVIII в. в эпосе «Аркалык-батыр» говорится следующим образом:

Ана бір жыл келгенде әскер келіп,
Бір күнде үш мың жылқы алып кетті.
Екіншіде өлтірді екі батыр,
Ақыры Көкжалды алып тағы кетті [З. С. 5].

В том году пришли полчища вражеских войск
И за один день угнали три тысячи лошадей.
Во второй раз убили двух богатырей
И с собой захватили Кокжала.

(Перевод подстрочный)

И это отличает реально-исторический эпос от традиционного героического эпоса, где события происходят «в давно прошедшие времена» (например, «Алпамыс-батыр», «Кобланды-батыр»). События же, отраженные в эпосе «Аркалык-батыр», относятся к конкретному периоду жесточайшей борьбы казахов за свою независимость против джунгар в XVIII в. [4].

Одна из особенностей казахского реально-исторического эпоса состоит в том, что картины жизни и действия исторических лиц описываются в нем столь же гиперболично, как и в старом классическом эпосе. Это объясняется несколькими причинами: во-первых, произведения реально-исторического эпоса созданы (безымянными авторами) по следам исторических событий, во-вторых, они основаны на реальных фактах, и, в-третьих, они не успели пройти процесс полной фольклоризации, когда вся поэтика шлифуется, а само произведение подвергается различным формам циклизации: исторической, биографической и генеалогической.

Сказанное подтверждает и анализ произведений на любовную тему. Эпосы казахов Восточного Туркестана «Ахмет-Кашим», «Хасен-Жамиля» — произведения недавнего времени. Как говорят сказители, события, положенные в основу сюжета «Ахмет-Кашим», произошли примерно в начале XX в. Это произведение — поэтическое зеркало жизни, быта казахов Синьцзянского края, правдиво отразившее социальные противоречия и классовое расслоение общества, бесправие казахских женщин.

Из эпоса «Хасен-Жамиля» можно узнать, как в 30—40-х годах XX в. протекала борьба трудового народа против эксплуататоров в Восточном Туркестане, как началось восстание, влившееся в освободительное движение против режима Гоминьдана. Из истории известно, что народ Восточного Туркестана в 1940—1949 гг. испытывал на себе притеснения со стороны гоминьдановцев. И в «Хасен-Жамиле» правдиво показано это суровое время в жизни народа.

В реально-историческом эпосе любовного содержания нередко описывается природа, меняющаяся сообразно поступкам и настроению героев, что не характерно для древнего эпоса. В отличие от лироэпоса, любовь здесь — не экзальтированные эмоции, а вполне реальное чувство, и борьба за нее носит не страдальческо-героический характер, а реальный, тесно связанный с конкретными житейскими обстоятельствами.

Следовательно, реально-исторический эпос — это новый этап в истории казахской эпической традиции, характеризующийся своеобразным сочетанием свойств древнего эпоса и признаков эпоса нового. Реально-исторический эпос в известной мере испытал влияние литературы,

В целом же можно сказать, что для казахского реально-исторического эпоса характерны преобладание реальных фактов, отражение достоверных событий, описания картин природы и психологического состояния героев, довольно отчетливая социальная направленность произведений, более тесно связанных с действительностью, нежели традиционные эпические тексты, конкретные этнические и топонимические отсылки, недостаточная отшлифованность языка, наличие следов литературного влияния.

Действующие лица в реально-историческом эпосе, вступая в различные формы взаимодействия, составляют единую систему, в которой четко обозначены функции главных героев, их друзей (помощников) и противников (антагонистов).

Богатыри реально-исторического эпоса (в данном случае Аркалык и Мырзаш) изображены как носители народных идеалов, как люди храбрые и честные. Это батыры, которые смело противостоят как внешним, так и внутренним врагам, показывают чудеса героизма и самопожертвования во имя счастья народа и его независимости.

Герои реально-исторического эпоса изображаются иначе, чем герои классического эпоса — Кобланды, Ер-Таргын, Алпамыс. Эти герои обычно рождаются от престарелых родителей и являются единственными и желанными детьми. Как правило, их родители — знатные богачи или ханы, которые несчастны только потому, что не имеют наследника; они вымаливают ребенка на могилах святых. Другими словами, само рождение богатырей классического эпоса в необычайных обстоятельствах как бы предопределяет всю неоднородность, исключительность их будущей жизни. В этом, кстати, исследователи видят модификацию древнего мотива партеногенеза [6. С. 235—265].

Батыры же реально-исторического эпоса — не единственные и не вымоленные дети, и родители у них не богатые, а нередко даже бедные люди: во всех вариантах песен обязательно указывается на то, что батыры Аркалык и Мырзаш происходят из простой семьи.

Если в древнем эпосе богатырь в одиночку бьется с вражескими полчищами, то батыры реально-исторического эпоса лишены такой исполинской силы. Напротив, Аркалык даже получает ранение в поединке с калмыцким батыром. Пуля одного из врагов ранит Аркалыка, пуля другого вырывает часть седла. Поединки, сражения, в которых принимают участие Аркалык и Мырзаш, описываются далеко не столь гиперболизированно, как то принято в классическом эпосе. Мало того, батырам реально-исторического эпоса не чужды чувства, присущие обычным, рядовым людям. Им знакомы боязнь и тревога, волнение и сомнения.

Сходным образом обрисованы и образы Тукибая, Ахмета, Хасена — героев реально-исторического эпоса любовного содержания. Если сравнить их с Козы-Корпешом, Толегеном или Сансызбаем, то они во многом уступают последним. Они не наделены исполинской силой, как Козы или Сансызбай, убивающий в поединке главного соперника — хана Корена и истребляющий все его войско, они не главенствуют над многочисленной дружиной подобно Алибеку в эпосе «Айман-Шолпан», не отправляются на богатырские поиски невесты, как Толеген из эпоса «Кыз-Жибек». Зато внимание сказителей обращается на нравственные качества Тукибая, Ахмета, Хасена, предстающих людьми великодушными, справедливыми, склонными к взвешенным, разумным поступкам. Так, например, когда урянхаец Доржи увез с собой девушку Шолпан (эпос «Тукибай-Шолпан») и люди уже намереваются выступить против него, Тукибай останавливает их и объясняет, что этим они лишь прине-

сут всем страдания. По его совету во вражеский стан отправляются только шесть человек, которые и высвобождают Шолпан. Тукибай не обвиняет и не упрекает Шолпан, он проявляет милосердие и понимание. Как известно, в традиционном лироэпосе герой не знал душевных терзаний, ему не приходилось испытывать подобные чувства. Все это свидетельствует о том, что на рубеже XIX и XX вв. у казахов Синьцзянского края изменились представления о том, каким надлежит быть идеальному человеку. Теперь уже всеобщее восхищение вызывал не только храбрый батыр, но и человек большого сердца, умеющий прощать другим, особенно любимым, их ошибки.

Героини реально-исторического эпоса по сравнению с героинями традиционного лироэпоса действуют более активно и целенаправленно. В чем-то они похожи на своих предшественниц. Например, Шолпан своими хитроумными поступками напоминает Баян-Слу из эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу», Жибек из одноименного сказания, Баршын-Слу из «Алпамыса», Айман из эпоса «Айман-Шолпан», которые под разными предлогами оттягивают срок свадьбы. Но в целом героини реально-исторического эпоса более индивидуализированы.

Своеобразным реально-исторического эпоса является и то, что среди друзей казахских богатырей можно встретить людей из вражеского стана. Таковы, к примеру, калмыки Карамерген и Конка в песнях «Аркалык-батыр», «Мырзаш-батыр». В классическом эпосе подобные образы отсутствуют, хотя иногда побежденный вражеский богатырь становится названным братом (побратимом) герою. Но он отличается от друга-калмыка, фигурирующего в реально-историческом эпосе. В данном случае реально-исторический эпос как поздний жанр отразил реально сложившиеся отношения между представителями угнетенных масс казахов и калмыков в условиях жестокого гнета со стороны господствующих классов и в казахском и в калмыцком обществе.

В реально-историческом эпосе враги героев правдиво показаны как сильные, хитрые, опытные люди. Они нередко ставят храбрых батыров в затруднительное положение. По физической силе вражеские богатыри не уступают героям, а иногда даже превосходят последних. Такое изображение богатыря из вражеского лагеря традиционно для эпического жанра, ибо оно служит идеализации народного героя. Наряду с этим в реально-историческом эпосе основными противниками батыров или влюбленных героев выступают представители эксплуататорского класса — ханы, крупные феодалы-баи, старейшины рода. Они отличаются от богатырей, с которыми конфликтуют герои эпоса. Если враги-батыри действуют открыто, делая ставку на свою силу в честном бою, то ханы и баи поступают вероломно и коварно. Они хитры и жестоки, они идут на все для достижения своих целей. А цели их всегда низменные. Любопытно, что реально-исторический эпос не делит ханов и баев на своих и чужих. И свои, и чужие наделены одними чертами, показаны как люди подлые, трусливые и лицемерные. Таковы, например, казахский хан Ажи и калмыцкий хан Ежен, насильники Доржи и Жунус.

Вообще, следует отметить, что и среди отрицательных героев реально-исторического эпоса нет мифологических персонажей типа айдагара (дракона), жалмауыз-кемпир (бабы-яги), дию (дива) и т. п. Место подобных врагов, типичных для архаического эпоса и сказки, заняли реальные силы и люди, что вполне закономерно. «Фантастические образы, — писал Ф. Энгельс, — в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил» [7. С. 322].

Архитектура реально-исторических эпических произведений заметно отличается от структуры классического эпоса, хотя правда соответствует в целом общей типовой схеме. Главная композиционная особенность произведений реально-исторического эпоса — относительная простота построения, отсутствие побочных сюжетных ходов и разветвлений, что свидетельствует о недостаточной эпизации и фольклоризации данной жанровой разновидности. Анализ языковой ткани рассматриваемых эпических песен также служит подтверждением сказанному.

При сопоставлении сюжетно-структурной схемы классического и реально-исторического эпосов можно сделать вывод о том, что для традиционного героического (нередко и для романического) эпоса характерны: а) пролог, рассказывающий о судьбе бездетных родителей будущего героя, о его чудесном рождении и быстром росте; б) героическое сватовство, когда герой совершает разные подвиги и, победив своих соперников, женится на суженой; в) основная эпическая часть, где повествуется о героических деяниях батыра (здесь сюжетные линии разветвляются); г) торжество героя и его мирная жизнь до старости, рождение наследника; д) эпилог, рассказывающий о подвигах сына богатыря. Такой масштабной сюжетной организации реально-исторический эпос не знает. В его композиции пролог и эпилог вообще отсутствуют. Построение включает в себя: а) зачин, знакомящий с героем; б) основную часть, в которой повествуется об одном только подвиге батыра и в) концовку. Как видим, архитектура реально-исторического эпоса проста и не столь «эпична», здесь меньше ярких конфликтов, меньше эпизодов. Это говорит и о том, что произведения реально-исторического эпоса не успели пройти полностью биографическую и генеалогическую циклизацию.

Как известно, гипербола — один из широко распространенных в эпическом жанре поэтических приемов. В эпосе обычно гиперболизируются внешность и сила персонажей, их подвиги или коварные действия их недоброжелателей и т. п. Подобный прием встречается и в произведениях реально-исторического эпоса, но не так часто и широко, как в классических героических сказаниях.

Следует отметить, что многие традиционные поэтические приемы, образительные средства, такие, как сравнение, эпитет, повтор, различного рода эпические формулы и другие, довольно богато используются в реально-историческом эпосе. Так, например, методом количественного анализа в рассмотренных эпических текстах с учетом их вариантов выявлено всего 317 сравнений.

Зарождение и становление реально-исторического эпоса были вызваны социальной жизнью казахов Восточного Туркестана и идейно-культурными запросами общества. Содержанием новых эпических сказаний явились судьбы казахов Синьцзяна, исторические и политические события, происходившие на рубеже XIX и XX вв. Создатели, будучи в основном участниками этих событий, старались как можно точнее передать реальные факты, но при этом они придерживались законов эпического повествования. Потому и в этих произведениях присутствуют элементы гиперболизации и идеализации, свойственные классическому героическому эпосу, от которого реально-исторический эпос отличается не только большей степенью историчности (что естественно), но и, как уже говорилось, особенностями поэтики.

Реально-исторический эпос характеризуется творческим синтезом традиционных и новых художественно-образительных средств. Исполнители эпоса используют как издавна утвердившиеся в поэтике класси-

ческого эпоса приемы, так и сравнения, образы, метафоры, которые отсутствуют в старом героическом эпосе.

Реально-исторический эпос казахов Восточного Туркестана развился не замкнуто, а, напротив, на основе эпической традиции тюрко-монгольских народов, близких как этнически, исторически, так и территориально. Он вобрал в себя многое из арсенала тюрко-монгольской эпической традиции и традицию эту продолжил, явившись впечатляющим поэтическим отражением жизни казахов Восточного Туркестана.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ По последним данным, там сейчас живет свыше 1 млн казахов.

² Путьлов Б. Н. Русский и южно-славянский героический эпос. М.: Наука, 1971.

³ Центральная научная библиотека АН Казахской ССР. 546-п. Тетр. 1.

⁴ Например, только в первой половине XVIII в. бои происходили в 1710, 1717—1718, 1723, 1728, 1730, 1741—1743 гг. См.: [5. С. 215].

⁵ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 2-е изд. М.: Наука, 1983.

⁶ Каскабасов С. Ертекең эпостың сюжеттік типологиясы // Қазақ фольклорының типологиясы. Алматы: Гылым, 1981.

⁷ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1983.

А. М. БУШУИ, Р. Д. ЖУРАКУЛОВ

ФРАЗЕОЛОГИЯ УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

В настоящей статье обобщаются наблюдения над фразеологическими особенностями узбекских народных сказок. Подобное исследование проводится в узбекском языкознании впервые. Отсутствие каких-либо данных о фразеологии народных сказок отрицательно влияет на решение многих актуальных прикладных задач, стоящих перед языковедами-узбекологами в области словарной практики. А между тем именно в языке сказок имеется много довольно своеобразного.

Прежде всего очень часто в сказках используются общие приемы построения отдельных контекстуальных фрагментов, что вызывает идентичность языкового выражения. В итоге отмечается стабилизация «общих мест», подвергающихся клишированию, переходу в разряд фразеологических единиц (ФЕ) или устойчивых словесных комплексов (УСК). Чаще всего клишированию подвергаются фрагменты, широко используемые в зачине сказки, такие, например, как УСК *бир бор экан, бир йўқ экан* ... 'было или не было' [1. С. 285; 2. С. 38; 3. С. 206; 4. С. 178; 5. С. 138; 6. С. 112; 7. С. 156; 8. С. 63; 9. С. 122 и др.]. Выполняя определенные композиционные и семантико-образные функции, этот УСК в то же время отличается достаточной гибкостью в своей текстовой реализации. Иными словами, он характеризуется такой степенью устойчивости образно-художественной основы, которая нередко допускает вариации базовой фразеоформы. Наиболее типичные из них следующие: *бир бор экан-у, бир йўқ экан* [2. С. 181]; *бир бўлган экан, бир бўлмаган экан* [9. С. 5]; *бор экан, йўқ экан* [2. С. 6]; *бор экан-да, йўқ экан* [1. С. 185] и т. п.

С другой стороны, базовый УСК *бир бор экан, бир йўқ экан* довольно регулярно сопровождается другими клишированными выражениями (это, например, *қадим замон(лар)да* 'в древние времена'), в результате чего объем фразеологизированной части зачина увеличивается. Ср. типичные образцы подобного построения зачина посредством клиширования ближайшего сопроводителя базового УСК: *Бир бор экан, бир йўқ экан, қадим замонларда бир Болтакай ботир деган одам ўтган экан* 'Было или не было, в древние времена жил-был один человек по имени Балтакай-батыр' [1. С. 5]; *Бир бор экан, бир йўқ экан, қадим замонларда бир подшо бор экан* 'Было или не было, в древние времена был падишах' [1. С. 15] и т. д.

Клишированный сопроводитель базового УСК зачина также допускает контекстные конкретизации своей фразеоформы в целях оживления повествования, усиления его выразительности. Ср.: *қадим замонда* 'в древнее время' — *жуда ўтган қадим замонда* 'в очень давно прошед-

шее время'. Например: *Бир бор экан, бир йўқ экан, жуда ўтган қадим замонда бир қишлоқда кишилар аҳил, иттифоқ яшашган экан* 'Было или не было, в очень давно прошедшее время в одном кишлаке люди жили в дружбе и взаимопонимании' [7. С. 86].

Вариации рассматриваемого сопровождателя базового УСК зачина оставляют тем не менее нетронутым его стержневой компонент—*замонда*. Например: *Бир бор экан, бир йўқ экан, узоқ ўтган замонда подшоининг биттагина қизи бор экан* 'Было или не было, в давно прошедшее время у падишаха была единственная дочь' [7. С. 33].

Регулярность употребления некоторых сопровождателей УСК со словоформой *замонда* способствует становлению таких клишированных выражений, как *ўтган замонда* 'в прошлые времена' [2. С. 125 и др.]; *бир замонда (замонларда)* 'в давние, прежние времена; давным-давно, некогда', букв.: 'в одно время' [2. С. 112]; *илгари замонда* 'в старину, в древние времена, в древности' [4. С. 225 и др.]; *эски замонларда* 'в старые времена' [4. С. 162 и др.] и т. п.

В свою очередь, перечисленные клишированные образования сказочного зачина со стержневым компонентом *замонда* подвергаются различным текстовым обыгрываниям, что значительно оживляет образно-художественное повествование. Из различных приемов подобной трансформации сказочного клише можно отметить следующие: 1) повтор компонента с целью усиления временной семантики: *қадим-қадим замонларда* 'в давние-давние времена' [7. С. 130; 9. С. 36]; *замонанинг замонасида* 'в давние-предавние времена' [9. С. 156] и др.; 2) контаминация семантически близких выражений, ср. слияние *қадим замонда* и *ўтган замонда* в одно клише *қадим ўтган замонда* 'в давно прошедшее время' [4. С. 177]; 3) комбинированные трансформации, призванные усилить выражение образа «давно прошедшего времени». Скажем, повтор компонента дополняется еще и уподоблением последующего синонимичного клише: *замоннинг замонида, қадим айёмиди* 'в давнее-предавнее время, в далекие дни' [2. С. 165]; *қадим замонда, эски айёмда* 'в древние времена, в старые дни' [1. С. 112].

Если базовый УСК *бир бор экан, бир йўқ экан* употребляется самостоятельно или же является конструктивным стержнем многочисленных сказочных зачинов, то разного рода его клишированным сопровождателям отводится роль уточнителей. При этом вначале дается клише довольно обобщенной семантики (например, *оч экан, тўқ экан* 'голодный или сытый' [2. С. 6]), а затем уже следуют клише, построенные на обыгрывании конкретных образов: *Бор экан, йўқ экан, оч экан, тўқ экан, бўри баковул экан, тулки ясовул экан, тошбақа тарозибонэкан, тўрбақа, ундан қарздор экан. Қадим замонда...* 'Было или не было, голодно или сыто, волк был поваром, а лиса — стражником, черепаха была весовщицей, а лягушка была у нее в долгу. В древние времена...' [2. С. 6; 3. С. 46, 165, 230, 292].

Базовый УСК зачастую выступает в роли зачинного стержня довольно объемного начального сказочного фрагмента. Например: *Бир бор экан, бир йўқ экан, бир оч экан, бир тўқ экан, бўри баковул экан, тулки ясовул экан, қирговул қизил экан, думлари узун экан, тошдан тошга қўнган экан, оёқлари синиб, ўлган экан. Аввал замонда бир...* 'Было или не было, голодно или сыто, волк был поваром, а лиса — стражником, фазан был красным, хвост у него был длинным, прыгал с камня на камень, поломав ноги, умер. В прежние времена один...' [1. С. 336].

Конкретизирующая часть зачинов многих узбекских народных сказок отличается большим набором клише с широко варьируемыми обра-

зами. По аналогии с устоявшимися сказочными зачинами их контекст может включать еще много других образных конструкций. В качестве примера подобного построения сказочного зачина может служить начало сказки «Тулки билан товус» («Лиса и павлин»): *Эртагиё эртаги, эчкиларнинг бўртаги, қирговул қизил экан, қўйруги узун экан, кўк музга минган экан, мурути синган экан, ғоз карнайчи экан, ўрдак сурнайчи экан, ола қарға азончи, қора қарға қозончи, чумчуқ чақимчи экан, тўрғай тўқимчи экан, бўри баковул экан, тулки ясовул экан, эртагимнинг эри бор, етти кунлик ери бор, етти кунлик ерида думи калта бўри бор. Кунларнинг бирида...* «Сказка сказкой, прыщавая из коз, фазан был красным, хвост был длинным, сел верхом на синий лед, полонил себе усы, гусь играл на карнае, а утка на сурнае, рябая ворона была муэдзином, черная ворона — козончи ('литейщицей'), воробей был ябедником, жаворонок был плотником, волк был поваром, а лиса — стражником, у моей сказки есть муж, в семидневном пути есть земля, на земле в семидневном пути есть короткохвостый волк. В один из дней...' [3. С. 241].

Довольно колоритны в языке узбекских народных сказок ономастические УСК. Они называют прежде всего различные сказочные персонажи (преимущественно отрицательные): *Ялмогиз кампир* 'баба-яга' [2. С. 4 и др.]; *Мастон кампир* 'хитрая, коварная старуха' [7. С. 72]; *Жодугар кампир* 'колдунья' [3. С. 47; 8. С. 134]; *Дев-кампир* 'Див-старуха' [10. С. 92]; *Маккор кампир* 'хитрая, коварная старуха' [2. С. 75]; *Шум кампир* 'злая старуха' [2. С. 27]; *Зоҳид кампир* 'подвижница' [2. С. 75].

Целая серия устойчивых обозначений *бабы-яги* (злой старухи) подерживается в сказочном контексте их нередкой взаимозаменяемостью в пределах одного повествования. Ср.: ... *Кириб келганимни ҳам билишмади. Нега шундай қилдинглар, ё аждарҳо кириб келиб, битта-битта есинми? — деб мастон кампир келиб қолибди. Девлар уни моём дейишиб, нима ёмонликлари бўлса, у билан қилишаркан. Ялмогиз кампир Асқарбекни кўриб: — Бу ким, нима қилиб юрибди буёқларда? ...* 'Даже не заметили, как я сюда зашла. Почему так поступили, или пусть заходит дракон и съест всех вас до единого? — сказав так, появилась *мастон кампир*. Дивы, называя ее кормилицей, все свои плохие поступки совершали вместе с ней. *Ялмагиз кампир*, увидев Асқарбека, спросила: — Это кто такой, что он делает в этих краях?...' [10. С. 35].

Иногда при некоторых динамично протекающих разговорных ситуациях рассматриваемые ономастические УСК сжимаются до одного компонента: *Ялмагиз кампир — Ялмагиз; Жодугар кампир — Жодугар*. Ср.: *Ялмагиз: — Ҳой, кимларга ялиняпсизлар. Ахир, булар сен айтган одамзоддан-ку?! — деган экан, девлар подшохи: — Жим бўл, жодугар, ахир булар Аждарҳобекнинг инилари-ку!...* 'Ялмагиз сказала: — Эй, кого вы умоляете? Они же из человеческого рода, о которых ты сам говорил?! Царь дивов ей ответил: — Замолчи, *жадугар*, они же братья Аждарха-бека!...' [10. С. 39].

Разнообразны устойчивые названия дивов. Этот ряд обозначений строится на обыгрывании разных цветов: *Оқ дев* 'Белый див' [8. С. 100; 9. С. 75; 10. С. 43]; *Қора дев* 'Черный див' [8. С. 9; 9. С. 10; 10. С. 52]; *Қизил дев* 'Красный див' [10. С. 141, 119]; *Сариқ дев* 'Желтый див' [9. С. 75]; *Кўк дев* 'Синий див' [9. С. 119]; *Қашқа дев* 'Див с белой отметиной на лбу' [9. С. 75].

Из других клишированных названий персонажей сказок отметим

Илон султон 'Царь-змей' [9. С. 135]; *Олов аждар* 'Дракон-огонь' [8. С. 111]; *Пари пайкар* 'Прекрасная перь' [10. С. 43].

Выделяются устойчивые названия мест, где происходят, развиваются действия сказки: *Кўҳи Қоф* 'горы Каф (сказочные горы, якобы окаймляющие со всех сторон землю)' [2. С. 4; 5. С. 95; 9. С. 17]; *Боғи Эрам* 'Райский сад' [2. С. 106]; *Борса-келмас* 'место, откуда нет возврата', букв.: 'если пойдет — не вернется' [2. С. 4; 4. С. 121]; *Вьар дарё* 'Горящая река' [10. С. 141]; *Қора тоғ* 'Черная гора' [10. С. 41] и др.

Названия ирреальных атрибутов сказочного действия персонажей, описания сказочного мира: *учар гилам* 'ковер-самолет', букв.: 'летающий ковер' [6. С. 102; 10. С. 86]; *ойнаи жаҳон* 'волшебное зеркало', букв.: 'зерцало мира' [2. С. 29; 6. С. 102]; *сеҳрли қаллоқ* 'волшебная тюрбетейка' [8. С. 19; 10. С. 78]; *олтин балиқ* 'золотая рыба' [9. С. 75]; *бахт қуши* 'птица счастья' [10. С. 66]; *олтин олма* 'золотое яблоко' [1. С. 28; 6. С. 102]; *қирқ қозон* 'сорок котлов' [2. С. 29]; *шифобахи ҳовуз* 'целебный пруд' [2. С. 13]; *ҳаёт гули* 'цветок жизни' [7. С. 124]; *учар от* 'летающий (волшебный) конь' [2. С. 57] и др.

Особо развитое семантическое поле характерно для такого разряда узбекской сказочной фразеологии, которая описывает доминанту «смерть», «умереть»: *жон бермоқ* 'отдать душу' [2. С. 91]; *тупроққа топширмоқ* 'предать земле, похоронить' [6. С. 52]; *қазо қилмоқ* 'скончаться' [1. С. 240]; *охирги йўлга узатмоқ* 'проводить в последний путь' [10. С. 48]; *туз-насибаси (нон-насибаси) узилмоқ*, букв.: 'порвалась доля' [6. С. 52]; *вақти-куни битмоқ* 'наступил его смертный час', букв.: 'кончились его дни' [6. С. 52]; *жонини жабборга топширмоқ* 'отдать душу жаббару' (жаббар — всемогущественный (один из эпитетов бога)) [10. С. 102]; *жувонмарг бўлмоқ* 'умирать в молодости, во цвете лет' [10. С. 41] и др.

К этим фразеологическим единицам можно добавить еще и такие выражения, которые объединяются доминантой «уничтожить», «убить кого-либо»: *кулини кўкка совурмоқ* 'развезать (что-либо) в прах' [1. С. 21; 2. С. 43]; *тупроқ билан баразар қилмоқ* 'сровнять с землей' [2. С. 43]; *терисига сомон тиқмоқ* 'убить', букв.: 'набить кожу соломой' [1. С. 5; 2. С. 7; 6. С. 56]; *ўн жонидан бир жонини ҳам қўймаслик* 'не оставить ни одной из десяти душ' [2. С. 45]; *тошбўрон қилмоқ* — ист. 'забивание камнями' (вид казни, при которой человека зарывали по грудь в землю и забивали камнями) [2. С. 19] и т. п.

Красочностью образов отличаются в сказках *сравнительные фразеологические единицы*. Они нередко составляют группы тематически близких, сходных ФЕ. Прежде всего, здесь можно выделить группу сравнительных фразеологизмов, называющих красавиц, перь, юных девушек, любимых дочерей, принцесс: *ойдай гўзал* 'красивая, как луна' [7. С. 88]; *ўн тўрт кечалик ойдек* 'как четырнадцатиночная луна' [1. С. 89; 2. С. 46, 108]; *ой деса дегудек (қизим бор)* 'если назвать луной, то действительно, как луна' (моя дочь) [8. С. 12]; *оймисан-кунмисан* 'луна ли ты, солнце ли ты' [10. С. 33].

При построении сказочного образа красавицы на передний план может выдвигаться характеристика ее особой приметы. Например, описывается *лицо*: *ўн тўрт кунлик тўлган ойдек юз* 'лицо, как четырнадцатидневная, полная луна' [2. С. 108]; *нақш олмадай юзи* 'лицо, как красное яблоко' [2. С. 46; 10. С. 43, 46]; *юзлари кундек* 'лицо, как солнце' [2. С. 39]. Но чаще в узбекских народных сказках комплексно метафорически обыгрываются различные характеристики красавицы: одновременно воспеваются красота лица, бровей, волос: *жамоли ойдек,*

қошлари ёйдек, юзлари кундек, сочлари тундек 'красота подобна луне, брови, как лук, лицо, как солнце, волосы, как ночь' [2. С. 37] или же последовательно описываются стан, лицо, тело, глаза, брови, волосы девушки: *қадди-қомати шамшоддек, юзлари қизил нақш олмадай, баданлари сутга чайқаб олингандай, катта-катта кўзлари қоп-қора чаросдай, қоши унга монанд, ундан ҳам сара, сочи минг қора илондай тўлганиб, товонига кулча ураркак* 'стан, как самшит, лицо, как красное яблоко, тело, как будто его вымыли (прополоскали) в молоке, большие глаза, как черный чарас (чарас — название сорта винограда), брови еще чернее, волосы извивались, как тысяча черных змей, и клубочком доходили до пяток' [10. С. 46].

Отдельные сравнения отличаются особой частотностью употребления, переходя из сказки в сказку, например, сравнительная ФЕ *ой деса огзи бор, кун деса кўзи бор* 'если назвать луной, то у нее рот есть, если назвать солнцем, то у нее глаза есть' [1. С. 77, 89; 3. С. 17, 24, 28; 10. С. 43 и др.].

Комплексное построение образа сказочной красавицы приводит к клишированной стабилизации довольно больших по объему текстовых фрагментов, аккумулируя в них эстетические вкусы узбекского народа, его представления о красоте, доброте, нравственных ценностях. Ср. показательный в этом отношении следующий устойчивый фрагмент с общим значением красавицы: *Ой деса огзи бор, кун деса кўзи бор, шақшақан жамоли ўн тўрт кечали ойни хира қилар экан. Сув ичса томогидан, сабзи еса биқинидан кўринар экан* 'Перед неопикуемой красотой меркла четырнадцатиночная луна. Когда она пьет воду — видно в горле, а когда морковь ест — сбоку видно' [1. С. 89; 10. С. 43].

Насыщенность подобными клишированными фрагментами узбекского сказочного контекста может быть довольно значительной: *табасуми мойдек, қошлари ёйдек, кўзлари хумор, сўзлари асаддай ширин қиз турганмиш, кокиллари қирқ арғамчидай, чаққон кўзлари қамчидай, нозик беллари хивчиндай эмиш* 'стояла девушка — улыбка, как масло, брови, как лук, глаза темные, слова, как мед, сладкие, у нее косы, как сорок веревок, ловкие руки, как кнут, нежный стройный стан (букв.: 'поясница'), как прут' [10. С. 63].

Аналогично построен на комплексе образных сравнений с единой семантико-образной доминантой «красавица» и такой сказочный контекст: *Кўзи чўлпон юлдузга ўхшар, юзи ойга ўхшаркан. Юрса изидан гул унаркан. Ойга қарагандек бўлса, ой уялганидан булут ортига яширинаркан. Овозига булбуллар маст бўлар, нигоҳидан гуллар нусқа оларкан* 'Глаза, как утренняя звезда, лицо, как луна. Если она ходила, то из следов вырастал цветок. Если она смотрела на луну, то луна, застенчившись, скрывалась за тучи. От голоса ее пьянели соловьи, с ее взгляда перенимали узоры цветы' [7. С. 99].

Подобные усложненные образы, основанные на обыгрывании большого числа характеристик объекта описания, используются по отношению и к другим сказочным персонажам. Ср. описание дива: *Буйи минордек, ҳар кифти чинордек, огзи ғордек, бурни мисли тандирдек, бадани филнинг баданига ўхшаган* 'Рост, как минарет, каждое плечо точно чинар, рот, как пещера, нос, как тандыр (печь для лепешек), тело, как у слона' [2. С. 47].

Образные сравнения передают в сказках и различные характеристики отрицательных персонажей. Например, по отношению к одному из правителей употребляются такие сравнения: *лойга боган эшакдек* 'как осел, увязнувший в грязи' [1. С. 97]; *ўқ еган тўнғиздай* 'как под-

стреленный кабан' [1. С. 96]; *ичак еган итдай* 'как собака, съевшая кишки' [1. С. 313].

Многочисленны в узбекских народных сказках всевозможные устойчивые разговорные формулы (УРФ). Например, это УРФ-благожелания. УРФ этой группы весьма разнообразны. Они различаются между собой по своему образостроению и ситуационной прикрепленности. В частности, это следующие УРФ с семантикой благожелания:

— УРФ со значением пожелания кому-либо блага, удачи в планах, свершениях, замыслах: *Барака топинг!* 'Пусть вам все идет впрок!' (возглас, употребляемый для выражения одобрения и благодарности), букв.: 'Найдите изобилие!' [3. С. 9; 10. С. 6];

— УРФ, выражающие пожелание кому-либо счастья в жизни: *Умрингдан барака топ!* 'Пусть будет тебе счастье в жизни!', букв.: 'Найди в своей жизни изобилие!' [2. С. 16];

— УРФ, передающие пожелание кому-либо длинной, долгой жизни: *Умри узоқ бўлсин!* 'Да продлятся дни его!', букв.: 'Пусть будет его жизнь долгой!' [6. С. 98];

— УРФ, содержащие пожелание кому-либо успешного выполнения, завершения работы, дела вообще: *Ишингиз йнгидан келсин!* 'Чтобы ваше дело удалось!' [2. С. 144]; *Хирмонга барака!* Букв.: 'Изобилие (вашему) хирману!' [1. С. 28];

— УРФ-пожелания успешного достижения поставленной цели: *Муродингга ет!* 'Достигни желаемой цели!' [1. С. 76; 2. С. 111];

— УРФ-пожелания кому-либо успешного совершенствования в профессии, специальности: *Камол топ!* 'Достигни совершенства!', букв.: 'Найди совершенство!' [7. С. 125];

— УРФ-пожелания здоровья: *Омон бўл!* 'Будь здоров!', букв.: 'Будь невредимым, сохраненным!' [6. С. 150].

УРФ часто четко ориентируются на адресат. Укажем некоторые из таких образцов:

— пожелание счастья молодоженам: *Қўша қаринлар!* 'Встретить вам вместе старость!', букв.: 'Старейте парой!' [2. С. 20; 6. С. 150];

— доброе пожелание женщине: *Қўшганинг билан қўшақари!* 'Пусть тебя встретит старость вместе с супругом!', букв.: 'С кем сводили, с тем и стареть тебе!' [1. С. 76];

— пожелание всестороннего развития молодым: *Униб-ўсгин* 'Чтобы ты рос сильным и умным!' [2. С. 16; 9. С. 166].

Разные УРФ, передающие семантически и образно сходные, приближенные значения, могут использоваться совместно в одном фрагменте контекста. Ср. употребление следующих УРФ в едином контексте: ... *чол қувоча-қувона аёлга*: — *Раҳмат, қизим, муродингга ет, қўшганинг билан қўшақари, — дебди...* '... старик с радостью сказал женщине: — Спасибо тебе, дочь моя! Достигни всех своих желаний! Доживи до старости со своим супругом.' [1. С. 76] или: (*Она боласига*) *Менинг ёшим йтиб, ошимни ошадим. Қўрмаган куним, ичмаган заҳарим қолмади. Сен камол топ, камлик кўрма, — дебди* 'Я прожила долгий век. Тяжелая была моя жизнь. Всякого повидала. Ты теперь достигни совершенства, и пусть не придется тебе жить в недостатке, — сказала' (мать сыну).

УРФ, выражающие доброе пожелание, напутствие перед дорогой, путешествием, поездкой. Их образно-семантические особенности довольно различны. Отметим такие УРФ из данной группы:

— УРФ-пожелание счастливого пути: *Оқ йўл!* 'Счастливого пути!', букв.: 'Светлый путь!' [2. С. 14, 62, 146];

— УРФ-пожелание успешной поездки и возвращения из нее в полном здравии и невредимости: *Ой бориб омон кел!* 'Возвращайся здоровым и счастливым! Благополучно съездить' (тебе)! [1. С. 77; 3. С. 27].

УРФ, употребляющиеся в ситуациях при встрече:

— УРФ-приветствия: *Ассалму алайкум!* 'Здравствуй!', букв.: 'Мир над вами!' [2. С. 4 и др.] и ответ на него: *Ваалайкум ассалом!* 'Здравствуй!', букв.: 'И над вами мир!' [2. С. 10 и др.].

Примечательно, что некоторые ответные реплики (на приветствия) стабилизировались в контексте сказки, например: *Агар саломин: бўлмаса, икки ямлаб бир ютар эдим!* 'Я бы тебя живьем съел, если бы ты меня не поприветствовал!', букв.: 'Если б не твое приветствие, я, не жуя, проглотил бы тебя!' [2. С. 4, 153 и др.].

Часть анализируемого сказочного фразеологического материала характеризуется общеупотребительностью в современном узбекском языке:

— УРФ-вопрос о долгом отсутствии прибывшего, приехавшего: *Қандай шамол учирди?* 'Каким ветром вас занесло?', букв.: 'Какой ветер сдул?' [2. С. 94];

— УРФ со значением приглашения: *Хуш келибсиз!* 'Добро пожаловать!', букв.: 'Хорошо [сделали, что] пришли!' [3. С. 111; 6. С. 67; 7. С. 109; 10. С. 85].

Рассмотренный выше фразеологический материал, выполняющий в сказочном контексте важную художественно-эстетическую роль, нередко обходится, к сожалению, переводчиками стороной. Этот существенный недостаток отличает, например, многие переводы узбекских народных сказок на русский язык. Обычно переводчики просто без какого-либо обоснования опускают ту или иную ФЕ сказки. Так, исчезают при русском переводе сразу две узбекские УРФ: *Умрингдан барака топ!* 'Пусть будет тебе счастье в жизни!' и *Униб-ўсгин!* 'Чтоб ты вырос сильным и умным!' в следующем контексте: *Божқан молларингиз семириб ялтираб кетса, ўз қўлингизда сигирлар бузоқласа, бузоқлар семириб, қўз олдингизда катта бўлса, молларни семирганини қўрганлар сизни умрингдан барака топ, униб-ўсгин, деб дуо қилишса, жуда ҳам севиначан киши* [2. С. 16] 'Какая это радость, когда скот, который ты пасешь, у тебя на глазах начинает лосниться от жира, когда телятся коровы, когда телята растут, прыгают, играют, когда люди говорят тебе за жирный здоровый скот: «Молодец, спасибо!». Да, это истинно—большая радость' [11. С. 70].

УРФ-зложелания:

— УРФ-проклятия: пожелание чьей-либо смерти, гибели: *Ҳаром ўлгур!* 'Подохни!', букв.: 'Умереть тебе поганым!' [6. С. 71; 10. С. 50]; *Жувон ўлгур!* 'Чтоб тебе умереть молодой!' (по отношению к молодой женщине) [2. С. 103]; *Қуриб кетгур!* 'Пропади ты пропадом!', букв.: 'Совсем высохни!' [3. С. 63, 129];

— УРФ, выражающие пожелание кому-либо болезни: *Сен пес бўлгин!* 'Чтоб тебя проказа схватила!', букв.: 'Чтоб ты стал [человеком, страдающим] проказой!' [3. С. 104];

— УРФ, употребляемые в значении «выгнать, прогнать кого-либо»: *Туёгингни шиқиллат!* 'Ступай вон!', букв.: 'Позвякивай копытами' [7. С. 109]; *Жўна-жўна қўзимга қўричма!* 'Уйди отсюда, не показывайся мне на глаза! Прочь с моих глаз!' [1. С. 74].

УРФ-зложелания строятся на таком образном обыгрывании, в основе которого лежит пожелание увечья какой-либо части тела человека:

— руки: *Қўлинг сингур!* 'Чтоб твоя рука поломалась!' [10. С. 50];

Қўлинг шол бўлгур! 'Пусть твоя рука станет парализованной!' [З.С. 103];
— глаза: *Кўзинг кўр бўлсин!* 'Чтоб твои глаза ослепли!' [З. С. 105];
— лица: *Башаранг қурсин!* 'Чтоб ему сгинуть!', букв.: 'Чтоб его лицо высохло!' [З. С. 20] и т. п.

УРФ-зложелания, передающие нанесение ущерба кому-либо, например, в хозяйстве, ср.: *Уйинг куйгур!* 'Чтоб твой дом сгорел!'.

Многие УРФ-зложелания передают обобщенно разнообразные семантические оттенки проклятия по отношению к адресату: *Сабил қолгур!* 'Чтобы черт его побрал! Черт его дери! Чтоб ему пропасть!', букв.: 'Чтоб ты остался проклятым!' [6. С. 71].

Ряд УРФ представляет собой проклятия, приближающиеся к ругательствам сильной модально-оценочной экспрессии: *Падар лаънати!* 'Проклятье твоему отцу!' [7. С. 122].

Наряду с этими УРФ употребляются УРФ-проклятия по отношению к конкретному лицу: *Ит йўгли!* 'Собачий сын!' [2. С. 10]; *Лаънати, аҳмоқ!* 'Проклятый дурак!' [1. С. 74]; *Куйиб кулга айлангур!* 'Чтоб ты сгорел дотла, испепелился!', букв.: 'Сгорев, превратись в пепел!' [8. С. 38]; УРФ, которые уничижительно характеризуют поведение, позицию кого-либо в споре, подчеркивая его неправоту: *Номатқул бузоқнинг гўшитини ебсан!* 'Ты неправ! Ничего подобного!', букв.: 'Ты съел мясо неразумного теленка!' [1. С. 5—6].

Разряды УРФ, употребляющихся в сказках, содержат большую информацию об исторически сложившихся у узбекского народа моральных нормах, нравственных ценностях, педагогических правилах и установках. Так, невоспитанному, болтливому человеку могут сказать: *Оғир бўлинг!* 'Будьте выдержанным! (т. е. не горячитесь)', букв.: 'Будьте тяжелым!' [6. С. 71]. Это и разные клятвенные заверения типа: *Нон урсин!* 'Клянусь хлебом!', букв.: 'Пусть лепешка ударит меня!' [10. С. 54]; *Сув йрсин!* 'Клянусь водой!', букв.: 'Пусть вода ударит меня!' [10. С. 54].

Как видно, фразеология узбекских народных сказок отличается богатством образов и средств их языкового выражения. Велика и функциональная нагрузка большинства сказочных ФЕ. Некоторые из них представляют собой клишированные выражения, «общие места», отличающиеся высокой частотностью употребления и придающие тем самым тексту повествования особую ритмичность и композиционное единство. Именно такую роль, например, играет ФЕ *йўл юриб, йўл юрса ҳам мўл юриб* 'долго ли, коротко ли', букв.: 'шел он, шел и много прошел' [2. С. 11 и мн. др.].

В структурном отношении сказочные ФЕ часто представляют собой сочетания, в основе которых лежит:

1) повтор одного и того же слова (*юриб-юриб* 'шел-шел'; *аста-аста* 'тихо-тихо'; *минг-минг* 'очень много', букв.: 'тысяча-тысяча'; *лиқ-лиқ* 'полный-полный'; *сандиқ-сандиқ* 'очень много', букв.: 'ларец-ларец' и др.);

2) тавтологический повтор однокоренных слов (*жува-қув* 'погоня', букв.: 'догони-догони'; *етар-етмасдан* 'не доходя'; *дегани—деган* 'сказано—сделано', букв.: 'что он сказал, делает'; *бирма-бир* 'от и до', букв.: 'по одному'; *яккама-якка* 'один на один' и т. п.);

3) повтор синонимов (*гап-сўз* 'разговоры', букв.: 'высказыванислово'; *тўлиб-тошиб* 'нетерпимый', букв.: 'полный-наполненный'; *тилло-гавҳар* 'золото-бриллиант'; *хат-хабар* 'вести', букв.: 'письмо-весть'; *оҳ-воҳ* 'ах-вах'; *ога-ини* 'братья'; *тўй-томоша* 'пир-веселье'; *эс-хуш* 'ум'; *расм-русм* 'обычай'; *қадди-қомат* 'фигура' и мн. др.);

4) повтор антонимов (*паст-баланд* 'всякие-разные', букв.: 'низкий—

высокий'; *яхши-ёмон* 'всякие-разные', букв.: 'хороший—плохой'; *ўлик-тиригимизда* 'в радостные и печальные дни', букв.: 'когда мы мертвые и когда мы живые'; *шоҳу-гадо* 'все', букв.: 'и царь, и нищий'; *борди-келди* 'взаимопосещение', букв.: 'пошел—пришел'; *у ёққа-бу ёққа* 'туда-сюда' и мн. др.).

Очевидна при этом и активная деривационная роль различных моделей; ср. следующие ФЕ-тавтологизмы: *кундан-кун*, *ойдан-ой*, *йилдан-йил ўтиб* 'шли дни за днями, месяцы за месяцами, годы за годами'; *кунлар кетидан кунлар*, *тунлар кетидан тунлар ўтаверибди* 'проходили дни за днями, ночи за ночами'; *қирқ кеча*, *қирқ кундуз* 'сорок дней и сорок ночей' и др. Все это придает фразеологии узбекских народных сказок особую мелодичность, яркий колорит, очаровательную свежесть образов, точность языка и стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олтин олма, Ҳаётий эртақлар: Ўзбек халқ эртақлари. Тошкент: Тошкент, 1966.
2. Ўзбек халқ эртақлари: Тўплам. Тошкент: Еш гвардия, 1981.
3. Ойжамол: Ҳаётий эртақлар: Ўзбек халқ эртақлари. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги бадий адабиёт нашриёти, 1969. 2 к.
4. Олтин бешик: Ўзбек халқ эртақлари. Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1985.
5. Кулса — гул, йнғласа — дур: Ўзбек халқ эртақлари. Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1983.
6. Ўзбек халқ эртақлари: Тўлам. Тошкент: Еш гвардия, 1985.
7. Оймомода аждарҳо: Сەҳрли эртақлар. Тошкент: Еш гвардия, 1983. 1 к.
8. Қора дев: Сەҳрли эртақлар. Тошкент: Еш гвардия, 1984. 2 к.
9. Илон пари: Сەҳрли эртақлар. Тошкент: Еш гвардия, 1985. 3 к.
10. Енар дарё: Сەҳрли эртақлар. Тошкент: Еш гвардия, 1986. 4 к.
11. Волшебный рубин: Узбекские народные сказки. Ташкент: Изд-во худож. лит., 1967.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

ЭТНОНИМЫ ХААС И ХАСХА В ХАКАССКОМ

В «Хакасско-русском словаре» есть статья: «хаас I качинец (название представителя племени хакасов); *хаастарның аразында хырғыс сёк пар* 'среди качинцев есть род (букв.: кость) киргизов; хаас II 1. ремень... 2. ременный; *хаас хур* 'ременный пояс'; хааш кыз. см.: хаас I» [1. С. 261]. В конце словаря в списке сеоков (колен, или подразделений) хакасского народа приведены сеоки хаасов (по-русски называемых качинцами) — сеоки этой наиболее крупной этнической группы хакасов. Среди них обращают на себя внимание следующие сеоки: хасха, ах-хасха, паратан-хасха, талджан-хасха, үс-хасха и хара-хасха [1. С. 357—358].

Имеются еще наименования территориальных групп хакасского населения, не являющиеся «родовыми»: хара хаас, көк хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы) [2. С. 65], а также пограничная группа сагай-хаас (сагайцы-качинцы) [3. С. 166, 169].

Как видно, этнонимы *хаас* и *хасха* широко используются для обозначения хакасских этнических подразделений, однако ни формальная структура этих терминов, ни их происхождение или семантика не имеют достаточного объяснения. Между тем для решения проблемы происхождения хакасов выяснение сущности и происхождения этих терминов имеет первостепенное значение.

Нельзя сказать, что подобные вопросы учеными не рассматривались. Еще в 1945 г. видный археолог и историк Сибири С. В. Киселев предположил, что «помещенное в китайской летописи наименование „хагас“, по-видимому, отражает самоназвание населения Минусинской котловины, сохранившееся у качинцев, которые зовутся „хаас“» [4].

Относительно этнонима *хаас* имеется определенное заключение тюрколога Н. Г. Доможакова: «Древнее название „хягас“, от которого, возможно, образовано слово „хакас“, является нестяженной формой слова „хаас“. В слове „хаас“ выпал звук „г“. Китайские летописцы сохранили более древнюю форму этого слова с интервокальным „f“: „хягас“, „хагас“. Термин „хаас“ отражает действительное положение вещей, и народ употребляет именно его, а не „кач“; „мин хааспын“ („я хаас“), а не „качпын“ („я кач“) скажет человек, принадлежащий к этой группе хакасов» [2. С. 65].

В тюркских языках долгие гласные имеют разное происхождение: либо долгий звук исконный и древний, либо он появился в результате исторического изменения слова. В языках южно-сибирских тюркоязычных народов (тувинцы, шорцы, северные алтайцы, тофалары) первичные долгие звуки практически не известны. Большинство слов с дол-

гими гласными являются вторичными, и появились они в результате стяжения двух гласных звуков после выпадения между ними согласного (чаще всего звуков *г, з, к, х, ң*). Строгая закономерность позволяет восстанавливать форму древних слов по облику современных. Например, хакасское слово *оол* 'сын, парень' произошло от древнего *огул* после выпадения интервокального *г* и стяжения; *аас* 'рот' в древности звучало как *агыз*; название реки *ѳѳс* (например, Ах Уѳс, Хара Уѳс, Сралыг Уѳс) произошло от древнетюркского названия реки *ѳѳз* и т. д. Вероятно, Н. Г. Доможаков прав, и древний облик этнонима *хаас* (со вторичным долгим *а*) закономерно восстанавливается как *хагас*//*хакас* (или *хакас*), и, следовательно, в самоназвании *хаас* сохранилось древнее имя народа — хакас. Подтверждением существования древнего народа хакас является то обстоятельство, что этот этноним в так называемую «эпоху великодержавия (IX—X вв.)» [5] вместе с термином *кыргыз* был широко разнесен носителями этнонима и до сих пор сохраняется у некоторых тюркоязычных групп или у их омонголившихся собратьев. Как и у современных хакасов, этот этноним, так же в стяженной форме, со вторичным долгим звуком *а* зафиксирован в виде подразделений (сеоков) у тувинцев — *хаасут* (*хаазут*); у тофаларов — *хааш*, *хара-хааш*, *сарыг-хааш*; у окинских бурят (сойотов) — *хаас*; у дархатов Прикосополя — *хаасут*. Это, несомненно, та же поздняя форма древнего этнонима *хакас*, только иногда оформленная аффиксом монгольского множественного числа (*хаас-ут*; ср. тюркское оформление: *хаастар* — самоназвание качинцев). Наиболее показательны то, что башкиры сохранили этноним *хакас* в древней нестяженной форме, но с иным распределением согласных, возможно, возникшим в результате метатезы: *какас* [5. С. 62—63; 6. С. 250, 271, 360, 361].

Очевидно, что восстановление из современной формы *хаас* исходной средневековой *хагас*//*хакас* так же, как и из современного *аас* 'рот' — древнего *агыз*, а из *аал* 'селение' — древнетюркского *агыл* 'загон' и т. п., — вполне закономерно [7. С. 12, 13].

Такой вывод необходимо, на наш взгляд, связать с анализом современного хакасского этнонима *хасха*, по поводу которого М. И. Борго-яков однажды справедливо предположил: «А может быть, термин „хакас, хагас“, встречающийся в китайских источниках и обозначающий имя народа, обитавшего в бассейне Среднего и Верхнего Енисея, это то же самое, что и современное название рода (сеока) „хасХа“, сохранившегося среди качинцев (хаас), вошедших в состав нынешнего хакасского народа» [8. С. 137]. К сожалению, автор на этом остановился, так и не выявив самого механизма исторического изменения слова.

Известно, что для тюркских языков характерно явление метатезы, т. е. взаимное перемещение звуков или слогов в составе слов на ассимилятивной или диссимилятивной основе. По данным А. Н. Кононова, «метатеза как особый источник фонетико-морфологического развития слова в памятниках рунической письменности — в отличие от живых современных тюркских языков — развита довольно слабо, что, конечно, следует объяснить довольно строгой нормализацией языка ТРП». Автор приводит примеры из более позднего «Дивана» Махмуда Кашгарского (XI в.) [9. С. 72]. Более подробно о метатезе в тюркских языках X—XIII вв. говорит А. М. Щербак [10. С. 65]. Широко распространена метатеза в современных языках тюркоязычных народов Южной Сибири [11. С. 293—297; 12. С. 5; 13. С. 37, 55 69].

Подобно тому как башкирский этноним *какас* есть явная метатеза от древнего *хакас*, так и этноним *хасха* является слоговой метатезой от того же самого этнонима *хакас* (*хагас*//*хахав*) [14].

Таким образом, две словоформы, два этнонима современных хакасов — *хаас* и *хахса* — происходят от одного и того же древнего этнонима. Этот уникальный случай наглядно доказывает реальность древнего этнонима *хакас*//*хагас*//*хахас*. Существование его в VI—XII вв. на территории Южной Сибири подтверждается китайскими средневековыми хрониками, определенно указывающими на местное происхождение этого термина [5. С. 53—62; 15. С. 350—357; 16. С. 128]. Важно, что китайские источники указывают и на время, когда в языке древних хакасов произошла указанная метатеза, — это XIII век. «Юань ши» за 1293 г. впервые сообщает об этнониме *хахса* как об одном из самоназваний населения Южной Сибири [5. С. 62].

Приведенные в настоящей статье факты и их анализ со всей очевидностью показывают, что проблема существования в период средневековья этнонима *хакас* вышла за пределы исторических изменений китайского языка и письменности и заняла самостоятельное место в соответствующем разделе тюркского языкознания [17. С. 91—94; 18].

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Хакасско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. М., 1953.

² Доможаков Н. Г. О некоторых особенностях сагайского и хаасского (качинского) диалектов // Зап. ХакасНИИЯЛИ. Абакан, 1956. Вып. 4.

³ Патачакова Д. Ф. Отчет о работе диалектологической экспедиции Хакасского НИИЯЛИ в 1960 г. // Учен. зап. ХакасНИИЯЛИ. Абакан, 1963. Вып. 9.

⁴ Киселев С. В. Из древней истории Хакасии // Сов. Хакасия. 1945. 24 авг.

⁵ Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

⁷ Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.

⁸ Боргояков М. И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов // Учен. зап. ХакасНИИЯЛИ. Абакан, 1959. Вып. 7.

⁹ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.

¹⁰ Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.

¹¹ Пальмбах А. А., Исхаков Ф. Г. Явления метатезы в тувинском и в некоторых других тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Т. 1.

¹² Грамматика хакасского языка. / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1975.

¹³ Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

¹⁴ Благодарю за консультацию докторов филологических наук А. М. Щербака и К. М. Мусаева, подтвердивших возможность данной метатезы.

¹⁵ Бицурин Н. Я. Собрание сведений о народах Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.

¹⁶ Мункуев Н. Ц. Мэн-да бэй-лу. М., 1975.

¹⁷ Семантика рассмотренных этнонимов связана с субстратными южно-самодийскими языками (см.: [18]).

¹⁸ Кызласов Л. Р. Взаимоотношение терминов *хакас* и *кыргыз* в письменных источниках VI—XII веков // Народы Азии и Африки. 1968. № 4.

Р. А. ЮНАЛЕЕВА

**ОБ ИССЛЕДОВАНИИ АРЕАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ТЮРКИЗМОВ**

При изучении тюркских заимствований нельзя ограничиваться лишь анализом фактов литературного языка, поскольку в силу определенных причин нормированная форма современного русского языка не отражает как всего числа лексем тюркского происхождения, так и всех их значений.

Исследование материала русских народных говоров может существенно восполнить пробел в плане выявления общего числа тюркизмов в словарном составе русского языка, а также количественно-качественного соотношения их по отдельным говорам.

Слова тюркского происхождения, встречающиеся в говорах русского и других восточнославянских языков [1—5], рассматриваются многими авторами. Однако в лингвогеографическом аспекте тюркизмы до настоящего времени изучены крайне слабо; сообщаются лишь общие сведения или косвенные данные по отдельным словам некоторых тематических групп лексики [6. С. 23—25; 7; 8]. Можно назвать одно специальное исследование, в котором методом прямого анкетирования изучены тюркские лексические элементы в говорах Среднего Полесья [9].

География языка давно привлекала внимание исследователей. Так, еще в середине прошлого столетия И. И. Срезневский писал: «Во всяком крае есть свой язык, свое наречие, свой говор. Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или ином крае и каково именно было влияние местных обстоятельств на состояние языка в разных краях,—вот задача географии языка» [10. С. 3—4]. Важность учета данных географии при лингвистических исследованиях отмечал в свое время И. А. Бодуэн де Куртенэ: «В языкознании еще, может быть, более, чем в истории, следует строго держаться требований географии и хронологии» [11. С. 349].

В настоящее время лингвогеографическое исследование в связи с работами по составлению диалектных атласов многих языков страны становится одним «из важнейших аспектов изучения национальных языков, без которых невозможно ни воссоздание полной картины истории языка во всем многообразии его территориального варьирования, ни разрешение многих вопросов, связанных с изучением структуры, закономерностей и потенциалов развития национальных языков» [12. С. 95].

Объектом лингвистического картографирования могут быть различные ярусы языковых союзов, отдельных языков и диалектов. Но не менее важным является, на наш взгляд, исследование определенной лексико-тематической группы,

В. А. Никонов, отмечая сложную и многоступенчатую связь языка и пространства, считает, что «географическое пространство отражается в языке не непосредственно, а всегда лишь через историю общества» [13. С. 28]. Иначе говоря, географическое пространство лексем, в данном случае тюркизмов, опосредованно отражает историю общества, взаимодействие народов, результат давних и поздних контактов. Таким образом, если учет диалектного материала позволяет реконструировать порой утраченные в современном русском литературном языке значения и функции тюркизма, то картографирование дает возможность представить лексемы и их семантику в обозримой форме их пространственного распространения.

Картина изоглоссных явлений выступает не столько иллюстрацией материала, сколько источником наглядной информации, поскольку языковое «явление не может быть полностью понято» вне пространства его употребления [14. С. 289].

Расположение семных проявлений той или иной лексемы на карте создает наглядность в размещении общих и специфических значений, позволяет визуально оценить интенсивность их пространственного употребления и концентрации.

«Совмещение ареала слова с регионом определенной этнической группы в прошлом или настоящем — один из важнейших приемов выявления источника заимствованных слов», — пишет О. И. Блинова [15. С. 208]. Ареальное соответствие и несоответствие тюркской и русской форм или их значений может выступать определенным аргументом при установлении языка-источника анализируемого тюркизма. Так, лексема *qalraq* в тюркских языках известна в следующих значениях: «шапка», «крышка», «пóдать, дань» [16. С. 269; 17. С. 21]. В русском языке тюркизм выступает в более чем тридцати значениях, которые группируются по частным семным объединениям: вид головного убора (тип зимней шапки, свадебный убор невесты и т. п.); мера вместимости (чайная чашка, сосуд для молока и т. п.); крышка, покрытие (тип крыши, верхняя часть печи и т. п.). Набор значений гнезда «крышка», «покрытие» мог быть результатом перенесения на русскую почву значения тюркского этимона. Но неустойчивость данного предположения создается ареальным несоответствием указанного значения в тюркских языках и говорах русского языка: большинство отмеченных сем этого гнезда фиксируется в псковских, архангельских и ярославских говорах и лишь два из них — в Омской области и на Урале. А между тем В. В. Радлов *qalraq* 'крышка' приводит с пометой *Kas., Kir* [16. С. 269]. В русских говорах на территории Татарии [18] и Киргизии [4. С. 67] это значение не отмечается, и потому более убедительным воспринимается развитие рассматриваемого значения на русской почве. Очевидно, лексема *колпак*, войдя в русский язык в значении «головной убор», в дальнейшем подверглась процессу детерминологизации, в результате чего основной дифференцирующий признак семантической структуры тюркизма — «то, что, покрывая, завершает верх», «покрытие», «крышка» — был перенесен на другие предметы, имеющие ассоциативное сходство. Возможность подобного смещения смыслового акцента и расширения значения слова поддерживается общей для ряда языков лексико-семантической закономерностью: укр. *ковпак* 'колпак' → 'крышка для стоячего улья' (буков. говор); нем. *die Kappe* 'шапка', 'колпак' → 'чехол', 'крышка'; англ. *hood* 'капюшон', 'колпак' → 'крышка', 'чехол'.

Напротив, в случае со словом *чембары* // *чамбары* ареальное соответствие тюркской и русской форм помогает локализовать язык-источ-

ник тюркизма. *Чембары, чамбары* М. Фасмер объясняет как «заимств. из тюркск. диал. формы, родственной тур. *şalvar*», и со ссылкой на В. Радлова приводит для сравнения ряд форм: тат. *çambar, çumlar*, лезб. *çambar*, куманд. *çunbar*, телеут. *şaprag* [19. С. 331].

Русские *чамбары, чембары* регистрируются преимущественно в сибирских и приуральских говорах. И это не случайно. Именно в речи сибирских татар отмечается форма, полностью совпадающая с той, что воспринята русскими. Поэтому для этимологизации данной лексемы нет необходимости подключать материал близких и сходных форм, когда источник определяется ареальным соответствием тюркской и русской форм. Отсутствие фиксации анализируемого слова какими-либо письменными источниками русского языка, островной характер употребления свидетельствуют о том, что данный тюркизм (в отличие от формы *шалвары*) относится к числу региональных заимствований, т. е. проник из сибирского региона тюркских языков.

Сведения по локализации лексемы в совокупности с хронологизацией ее семантических проявлений являются надежным основанием для установления реальной связи анализируемого слова с лексико-семантической системой языка определенного временного среза. В качестве примера может служить лексема *башлык*, которая при всей кажущейся очевидности своего происхождения и семантики не имеет в литературе достаточно четкого разграничения семем по конкретному языку-источнику с учетом хронологии и историко-географических данных обозначаемой реалии.

Под формой *башлык* следует различать два слова, берущих начало от некогда общего тюркского этимона, но к моменту заимствования представляющих уже два омонимичных образования. *Башлык* 'начальник' и *башлык* 'головной убор (капюшон)' — оба тюркского происхождения, но восходят к разным конкретным языкам-источникам и хронологическим периодам; проникли в русский язык разными путями, получили различные сферы употребления и ареал. Как «начальник чего-либо (обычно рыболовецких промысловых артелей), старший во время ловли рыбы неводом» *башлык* известен в пермских, свердловских, челябинских, байкальских, забайкальских, тобольских, томских говорах («Неводная артель состоит обычно из 17 человек, с *башлыком* во главе...») [20. С. 164], а также в русских говорах Татарии [18] и Башкирии («...Эта раньшы так нъзывали, *башлык* — главный рыбац, начьяльник у йих») [21. С. 227]. В функции устаревшего в говорах Кузбасса слово фиксируется в значении «выборное лицо, исполняющее в тюркских волостях административные обязанности»: «*Башлык* — вроде старшины нашего» [22. С. 28].

В современном русском литературном языке отмечено только одно значение лексемы — «головной убор». То, что формой *башлык* в русском языке именуется два понятия: «головной убор» и «начальник» (диал.), наводит на мысль о разновременном ее заимствовании. Первоначально, по всей вероятности, было воспринято слово *башлык* со значением «предводитель», «главствующий, начальник». Время вхождения слова в этом значении — XVI век. Об этом косвенно может свидетельствовать антропоним Башлык Леонтьевич Кокорев 1586 г. [23. С. 31]. Самая ранняя письменная датировка апеллятива, по «Картоотеке „Словаря русского языка XI—XVII вв.“», относится к 1660 г.: «... а по челобитнымъ его Лазарка и иныхъ *башлыковъ* ... ни на какие службы никоними мѣрами не отпускагь...» [24].

Языком-источником по фонетико-семантическим признакам может быть язык кыпчакской группы, и в частности, видимо, татарский, по-

сколькx этот и предшествовавший периоды характеризуют непосредственные русско-татарские языковые контакты.

Значение «особый головной убор» и сам предмет, специфичные для Турции и Кавказа, пришли из тюркских языков кавказской группы [27. С. 528]. Следовательно, это заимствование относится к гораздо более позднему времени — к первой трети XIX в., поскольку именно в этот период в связи с усилившимся интересом в русском обществе к Кавказу, к его быту, нравам, в связи с войнами, которые велись на Кавказе, в официально-деловую речь, а затем и в художественную литературу проникает слово *башлык* как название специфического для кавказских народов головного убора. О широком кавказском языковом регионе распространения анализируемого слова можно судить по данным М. А. Хабичева: абаз. *башлыкъ*, адыг. *башлыкъ*, кабар.-черкес. *башлыкъ*, осет. *баслыхъ*, сван. *башлыкъ*, груз. *башлуги*, убух. *башлтък*, мегр. *башляк* 'башлык' [28. С. 63].

Н. М. Шанский, полемизируя с Н. К. Дмитриевым, считает, что слово «башлык заимствовано из тюрк. языка не позже XVI, по всей вероятности, из татарского языка (ср. татарск. «башлык» — капюшон). О несомненном существовании слова в русском языке XVI в. говорят как антропонимические наименования типа Шлыков, так и употребленные польскими лицами XVI в., когда они пишут о Руси, слова *szlyk*, представляющего собой заимствование из русского языка, восходящее к *башлык*» [29. С. 63]. Как видно, в качестве аргумента по установлению хронологии лексемы *башлык* Н. М. Шанский выдвигает существование слова *шлык* в XVI в. Но утверждение, что *шлык*—усеченная часть лексемы *башлык*, не соответствует истине. И. Г. Добродомов убедительно доказывает самостоятельность формы *шлык* [30. С. 90]. Возводить слово *шлык* к лексеме *башлык* нельзя уже и потому, что при этом нарушаются хронологическо-семантические соответствия: *шлык*—«головной убор», а *башлык* XVI в. — это «начальник, глава, атаман»; *башлык* же — «головной убор»—относится к XIX в. Связывать *башлык* 'головной убор' с татарским языком также неправомерно, поскольку в качестве интересующего нас обозначения специфического головного убора лексема не имеет этнографической оправданности. В исследованиях, посвященных быту казанских татар и башкир, *башлык* не указывается в ряду характерного головного убора [31. С. 267; 32. С. 167]. Не отмечается *башлык* и в работе Р. К. Рахимовой, специально касающейся татарских наименований головных уборов [33. С. 90—99]. Значение «башлык, капюшон», указанное в «Татарско-русском словаре» [34. С. 63], следует рассматривать как результат семантического заимствования: татарский язык через русский язык воспринял значение, свойственное тюркско-кавказскому региону. «Толковый словарь татарского языка» [35. С. 141] определяет *башлык* I в двух значениях: первое — как головной убор остроконечной формы, второе — приравненное капюшону, которое, по существу, является семантической калькой, переносом значения тюркского слова из одной языковой зоны (тюркско-кавказской) в другую (поволжско-татарскую) через русское посредство [36. С. 83—86]. Поэтому ссылка на татарский язык в качестве источника значения «капюшон» неверна. В практике татарской разговорной речи *башлык*, помимо своего омонимичного собрата — «начальник, представитель, глава, главарь», «известен как „головной убор“ вообще, „наголовник“, а в некоторых говорах, в частности уральских татар в Пермской, Свердловской областях и Башкирии, — „вязаная шапочка“» [38].

В русских говорах *башлык* как «головной убор» фиксируется в брян-

ских, псковских, архангельских, казачьих говорах Дона и Кавказа, на территории Татарии и Башкирии.

Слово *башлык* известно многим славянским языкам: польскому, болгарскому, сербскому, украинскому, белорусскому. Все языки объединяет одно общее значение — «головной убор».

Отсутствие фиксации значения «головной убор» в староукраинских и старобелорусских источниках, а также несвойственность этим языкам других значений, характерных для русского языка (предводитель, глава, атаман и др.), имеющих раннюю датировку, подтверждает то, что лексема *башлык* как «головной убор» — позднее заимствование и никак не могло быть источником слова *шлык*, которое, например, в белорусских памятниках отмечается уже в первой половине XVI столетия [40. С. 336] и могло войти в украинский и особенно в белорусский через русское посредство, хотя не исключен результат непосредственного контакта через донское и кавказское казачество.

Следовательно, *башлык* 'начальник, предводитель, старший, распорядитель на рыбной ловле' и т. п. — следствие непосредственного русско-тюркского междиалектного общения — относится к числу диалектно-профессиональных тюркизмов, имеющих узколокальный ареал; *башлык* — 'головной убор (капюшон)' — слово литературного русского языка с частичным распространением в его говорах и в ряде славянских языков.

Исследование тюркизмов в лингвогеографическом плане позволяет отметить территориальную дифференциацию по количественному и качественному составу как самих тюркизмов, так и их значений. По степени концентрации вырисовываются различные зоны распространения анализируемых лексем и особенно их сем, которые условно нами названы: сильная (интенсивного распространения), средняя, слабая и очень слабая. Первая охватывает территорию, где представлено максимальное количество тюркских по происхождению слов, вторая — районы, фиксирующие большую часть известных тюркизмов, третья — отдельные лексемы. И, наконец, последняя — где отсутствуют полностью или встречаются в виде единичных вкраплений тюркизмы, имеющие в целом общенародный характер универсалий. Так, по нашим предварительным данным, к сильной зоне интенсивного распространения лексем тюркского происхождения можно отнести центральные районы страны, частично Поволжье, псковские и архангельские говоры; к средней — юг страны, районы Урала, частично Сибири, Средней Азии и Кавказа, к слабой — западные и северные районы страны; к очень слабой — районы Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Данные по русским говорам на разных территориях: с исконно русским населением и окружением соседствующих с тюркскими народами, а также на территории, где тюркское население является автохтонным, неодинаковы. Сравнительный анализ позволяет выявить общее и специфическое в количественном и качественном отношении тюркизмов. Последнее, в свою очередь, проливает свет на особенности освоения заимствований в том или ином регионе страны, обусловленные временем вхождения их, а также характером контактирования русского и тюркоязычного народов.

Концентрация исследуемых тюркизмов и их значений преимущественно в центре европейской части страны территориально совпадает в основном с Владимиро-Суздальским княжеством, что исторически оправданно и является следствием длительных контактов русских этого региона первоначально с половецко-кыпчакскими племенами, а затем с предками поволжских татар. Множество тюркизмов в псковских и архангельских говорах объясняется, очевидно, тем, что Новгородская

земля, куда входили Псков и Архангельск, была тесно связана с Волжской Булгарией. Территориальная и административная обособленность Новгородского княжества способствовала тому, что его говоры сохранили некоторые старые значения и породили новые, которые не фиксируются в прилегающих и отдаленных местностях. Как замечает Г. А. Хабургаев, «длительное политическое и экономическое обособление Новгорода поддерживало, таким образом, наметившееся еще в позднедревнерусский период диалектно-этнографическое обособление населения северо-запада от населения Ростово-Суздальской земли» [41. С. 164]. Последнее находит проявление в несовпадении фонологических систем древних новгородского и ростово-суздальского диалектов, отмеченном в исследованиях К. В. Горшковой [42. С. 176—178; 43. С. 136—138].

Тот факт, что в русских говорах Татарии и Башкирии, Казахстана, Киргизии и других территорий, где русские живут в непосредственном соседстве с тюркоязычным населением, отмечается сравнительно умеренное число тюркизмов и, что особенно любопытно, относительно слабая развитленность их семантики, на наш взгляд, объясняется исторически. Указанные районы страны — места относительно позднего заселения русскими. Коренное население не имело административной власти и в хозяйственно-культурном отношении находилось на менее высокой ступени развития. Поэтому говорить об интенсивном влиянии его на жизнь пришлых нельзя. Но в то же время необходимость выгодного землеустройства вынуждала делать речь более доступной и понятной для собеседника, что приводило к использованию слов языка аборигенов. Таким образом, заимствования были вызваны самой потребностью жизни, как и сам язык возник «из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [44. С. 2].

Наблюдения над материалом по русским говорам указанных регионов страны, жители которых непосредственно контактировали с тюркоязычными народами (в данном случае мы имеем в виду заимствования тюркского происхождения не только исследуемой тематической группы названий одежды), приводят к выводу о том, что основная часть тюркизмов — исторически общенародного характера, к специфичным относятся преимущественно этнографизмы, экзотизмы и окказионализмы. Все это позволяет связывать вхождение большинства тюркизмов в русские говоры с периодом взаимодействия с тюркоязычными племенами Хазарского каганата, Половецкой земли и Волжской Булгарии. Особенно тесными были взаимоотношения русских с предками казанских татар. Так, А. Х. Халиков отмечает: «...в 1006 г. между Русью и Булгарией был заключен торговый договор... Торговля была взаимной, о чем свидетельствуют многочисленные находки древнерусских изделий в болгарских городах... С возникновением в конце XI в. Владимиро-Суздальской Руси основные связи Булгарии с русскими землями шли через это княжество. Известны попытки установления родственных отношений — князь Андрей Боголюбский был женат на болгарской царевне. Некоторые историки считают, что князя Владимиро-Суздальской Руси приглашали болгарских мастеров, а также привозили белый камень из Булгарии для строительства храмов во Владимире и Юрьеве-Польском» [45. С. 51].

Хотя тюркизмы и имеют широкую географию распространения, тем не менее их изогlossen отличаются неодинаковой приуроченностью и протяженностью. В известном смысле можно говорить об ареальных универсалиях и ареальных уникалиях в системе русской лексики. При чем диалектные универсалии и уникалии проявляются на уровне как

словоформ в целом, так и отдельных их значений. Даже те тюркизмы, границы которых практически не ограничены какой-либо территорией, различаются приуроченностью внутрисемных значений одной и той же лексемы; например, *сарафан*, *тулуп*, *штаны*, *карман*, *кайма*, *фата*, *башмак* и т. п. как словоформы в основном значении выступают в качестве универсалий, но в то же время каким-либо значением, т. е. как определенная, конкретная сема, относятся к диалектным уникалиям. Примером могут служить *сарафан* в значении «юбка» (Московская и Рязанская области), *тулуп* в значении «мешок из нерпичьих шкур для сети или невода» (Камчатка), *штаны* в значении «развилка дороги» (Новосибирская область), *карман* в значении «сосуд из жести, куда собирают смолу», и «центральная часть бредня» (Псковская область), *кайма* в значении «узор» (Архангельская область), *фата* в значении «шерстяная юбка» (Подольская область), *башмак* в значении «ткань, используемая для заготовки обуви» (Орехово-Зуево) и др.

При анализе обнаруживаются различные типы тюркизмов с точки зрения соотносительности словарного состава современного русского литературного языка и различных его говоров: общенародные, междиалектные и локально-диалектные, что особенно отчетливо проявляется при картографировании. К общенародным относятся тюркизмы, употребляющиеся как в литературном языке, так и в его говорах, например, *сарафан*, *тулуп*, *балахон*, *штаны*, *шаровары*, *халат*, *башлык*, *фата*, *карман*, *тесьма*, *кайма* и некоторые другие. Исторически этот пласт был шире, включал в себя и те слова, которые перешли со временем в разряд историзмов, архаизмов, т. е. устаревшей лексики (*кафтан*, *кушак*, *епанча*).

Общедиалектные и локально-диалектные тюркизмы — слова диалектного употребления. К общедиалектным, или, точнее, междиалектным, относятся те из них, которые присущи всем или ряду диалектов, причем не только территориально граничащих, но и отдаленных друг от друга. Локально-диалектные тюркизмы — это слова в основном однозначные и в лингвогеографическом отношении по преимуществу представляют собой ареальные единицы (точечные замкнутые узлокальные ареалы), свидетельствующие, видимо, об очагах вхождения тюркизма (например: *чамбары* // *чембары*).

Это один план противопоставления — на уровне самих лексем. Другой — противоположение на уровне значений. Один и тот же тюркизм может быть общенародным, междиалектным и локально-диалектным, выступая каждый раз в тех или иных значениях. Показательна в этом отношении лексема *колпак*. Наиболее широкое распространение она получила в значении головного убора, а также в значении «крыша», «покрышка» к разным предметам (чаще в форме *колпачок*, ср.: *колпачок ручки*, *колпачок аккумулятора* и т. п.), которые в различной предметной специализации выступают как междиалектные значения. Такие же семы, как «сачок для ловли рыб» (пск.), «ядовитый гриб» (прибалт.), «трутень» (иртыш.) и т. п., имеют узлокальный, точечный ареал.

Совпадение сем в не связанных между собой ареалах может свидетельствовать об общем некогда для всего сплошного территориального массива значении, утраченном впоследствии в ряде говоров, которые и составили зияние между сохраняющими эту особенность. Другой причиной может быть следующее: данный тюркизм или его значение перенесено русскими переселенцами в новый диалектный регион, значительно отдаленный от прежних мест жительства, что создает зияние в промежуточных звеньях языкового ландшафта.

Разряженность пространственного размещения тюркизмов или их

значений объясняется, во-первых, недостаточностью материала, которым мы располагаем, ввиду отсутствия такового к настоящему времени: не все русские говоры обследованы; во-вторых, неполнотой сведений по фиксации тюркизмов и их значений, поскольку некоторые материалы представляют собой ответы на вопросы программы, не предусматривающей выход за пределы вопроса; в-третьих, типом региональных словарей в основном дифференцированного характера, в которые не включены тюркизмы со значениями, не отличающимися от литературных. Этими причинами и определяется известная условность и предварительность наших наблюдений и выводов.

Составление карт, фиксирующих территориальное распространение тюркских по происхождению лексем и их значений в русских говорах, дает возможность определить в обобщенном виде ареальные особенности анализируемой тематической группы.

Среди русских названий одежды тюркского происхождения наибольшей изоглоссой отмечены лексемы в значении собственно одежды, наименьшей — деталей одежды.

Значительной разветвленностью значений по предметной специализации отличаются названия собственно одежды. Среди названий головных уборов наблюдается высокая степень развития переносных значений, отражающих основной мотивирующий признак — «верх», «верхушка» и т. п.

В основных значениях тюркизмы имеют, как правило, компактные ареалы, в переносных — преимущественно локально-островные. Так, например, лексема *колпак* в значении головного убора («чепчик для ребенка», «головной убор старика», «тип зимней шапки», «платок» и т. д.) характеризуется широким территориальным распространением, а такие значения, как «железное приспособление на столбе, к которому привязывали веревки для качелей» (пск.), «железный или медный куб на скипидарном заводе» (арх.) и некоторые другие, выступают в профессионально-диалектной речи узколокального или точечного распространения.

Фиксация того или иного тюркизма или его значения в различных говорах, территориально разобщенных, свидетельствует не только о широте ареала (это как бы синхронная география), но и о давности функционирования в языке.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Асланов Г. Н.* Лексические заимствования из азербайджанского языка, связанные с названием одежды, в русских говорах на территории Азербайджанской ССР // Слово в русских народных говорах. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968.

² *Кубанова Л. А.* Тюркизмы в диалектной лексике русского языка: (по «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

³ *Здобнова З. П., Аюпова Л. Л.* Тюркская лексика в русских говорах Башкирии: Методическая разработка для практических занятий по диалектологии для студентов филологического факультета. Уфа, 1973.

⁴ *Шеломенцева З. С.* Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971.

⁵ *Мораховская О. Н.* Исследование предметной лексики русского языка с применением методов лингвогеографии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982.

⁶ *Добродомов И. Г.* Географический аспект в изучении тюркизмов в славянских языках // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Нальчик, 1977): Тез. докл. и сообщ. М., 1977.

⁷ *Юналеева Р. А.* Тюркизмы в русском языке: (на материале названий одежды): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985.

⁸ *Гатауллина Р. Г.* Тюркизмы в русских названиях построек и строительного дела: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1987.

⁹ *Федоровская И. О.* Полесские тюркизмы в лексико-семантических системах восточнославянских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987.

- ¹⁰ Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестн. импер. Рус. геогр. о-ва. Спб., 1851. Ч. I, кн. 1.
- ¹¹ Бодуэн де Куртэн И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- ¹² Бромлей С. В. О проекте сводного «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ) // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.
- ¹³ Никонов В. А. Геофонетика // Проблемы лингво- и этнографии и ареальной диалектологии: Тез. докл. М.: Наука, 1964.
- ¹⁴ Он же. Проблемы ономастических ареалов // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.
- ¹⁵ Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию: Материалы для спецкурса. 2-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975.
- ¹⁶ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х т. Спб., 1893—1911.
- ¹⁷ Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб., 1869—1871. Т. 1—2.
- ¹⁸ Картоотека «Словаря тюркизов в русских говорах Татарии» (Казань, университет).
- ¹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1973. Т. 4.
- ²⁰ Словарь русских народных говоров. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965. Вып. 2.
- ²¹ Здобнова З. П. Судьба тюркизов в русских говорах Башкирии // Языковые контакты в Башкирии: Тематический сборник. Уфа, 1972.
- ²² Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976.
- ²³ Веселовский С. В. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.
- ²⁴ Ссылка на этот пример имеется и в работе Г. Н. Асланова [1. С. 131]. Но в самом «Словаре русского языка XI—XVII вв.» [25. С. 82] приводится документ от 1664 г. Об этом также см.: [26. С. 84].
- ²⁵ Словарь русского языка XI—XVI вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1.
- ²⁶ Гацуллин К. Р. Ономастика и хронологическая характеристика тюркизов апеллативной лексики русского языка // Сборник аспирантских работ. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976.
- ²⁷ Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
- ²⁸ Хабичев М. А. Взаимовлияние языков Западного Кавказа. Черкесск, 1980.
- ²⁹ Этимологический словарь русского языка. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1965. Т. 1, вып. 2.
- ³⁰ Добродомов И. Г. Шлык, жилет // Рус. яз. в шк. 1968. № 3.
- ³¹ Воробьев Н. И. Казанские татары: Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань, 1959.
- ³² Руденко С. И. Башкиры: Этнографические очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- ³³ Рахимова Р. К. К изучению татарской профессиональной лексики // Сов. тюркология. 1980. № 4.
- ³⁴ Татарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.
- ³⁵ Татар телендә аңлатмалы сүзлегә. Казан, 1977. Т. 1.
- ³⁶ Ср. семантические кальки в работе [37].
- ³⁷ Юсупов Р. А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980.
- ³⁸ На территории Пермской, Свердловской областей и Башкирии — по сведениям посетителей татарских говоров. В ряде говоров башкирского языка *башлык* — это «детская шапочка в виде капора, украшенная шерстяными нитями, несколькими бусинками, монетами и раковинами-ужовками (от „сглаза“» (см.: [39. С. 222]).
- ³⁹ Штотова С. Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3.
- ⁴⁰ Марченко Е. З. Бытовая предметная лексика в старобелорусских памятниках деловой письменности XV—XVI вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1964.
- ⁴¹ Хабургаев Г. А. Становление русского языка: (пособие по исторической грамматике). М.: Высш. шк., 1980.
- ⁴² Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси: (по данным исторической фонологии). М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1968.
- ⁴³ Она же. Историческая диалектология русского языка: Пособие для студентов. М.: Просвещение, 1972.
- ⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
- ⁴⁵ История Татарской АССР. Казань: Тат. кн. изд-во, 1968.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. Н. НАДЖИП

СТАРОТУРЕЦКИЙ ПОЭТ XIV—XV вв. АХМЕДИ И ЕГО ПОЭТИЧЕСКИЙ РОМАН «ИСКЕНДЕР-НАМЕ»

Один из видных ученых-тюркологов Турции Исмаил Унвер опубликовал факсимиле «Искендер-наме» старотурецкого поэта конца XIV—начала XV в. Ахмеди [1]. Это современник Кады Бурханаддина Сиваси, крупного поэта, автора «Дивана». Опубликованное И. Унвером «Искендер-наме» является наиболее полным изданием романа, первый вариант которого увидел свет в 1890 г. Это докторская диссертация ученого. В 1978 г. им было опубликовано исследование о главе «Мавлуд» (день рождения Мухаммеда) в «Искендер-наме» Ахмеди, в 1977 г. — о самостоятельном дастане «Джамшид и Хуршид» в «Искендер-наме» Ахмеди, в 1979 г. — «История османов» в составе «Искендер-наме». Данное же исследование является итогом его более чем десятилетней работы над этой темой.

Опубликованный вариант «Искендер-наме» хранится в библиотеке Стамбульского университета под номером ТУ 921 и содержит 116 страниц (по четыре столбца текста на каждой). Вместе с «Джамшид и Хуршид» Ахмеди рукопись кончается на 716-й странице. Тексты стихов занимают площадь 35×41,5 см и располагаются столбцами. Заглавия разделов написаны, по словам И. Унвера, красными чернилами. Каждый столбец содержит 31 строку. Почерк очень красивый—разборчивый наск. На краях отдельных страниц имеется вакуфная печать аль-Хадж Ибрахима-пашы 1130 г. х. Над буквами проставлены диакритические знаки. Имя каллиграфа, переписывавшего рукопись, — Наби бин Расул бин Якуб. Дата завершения переписки — 17-е число месяца рамазан 817 г. х. — соответствует 1444 г. По утверждению И. Унвера, в стамбульских, анкарских и конийских библиотеках имеются 22 рукописи «Искендер-наме» Ахмеди, которые содержат от 7 000 до 8 250 бейтов. Однако ни одна из них не является дефектной, расходятся они лишь по количеству бейтов. И. Унвер сообщает, что им опубликована наиболее старая копия, которая хранится в Турции и датировка которой известна. По словам И. Унвера, это наиболее полный список, содержащий 8 754 бейта. Недостатком списка является то, что отдельные страницы рукописи перепутаны, хотя и сохранились в целости.

К факсимиле И. Унвер приложил краткое предисловие и введение, где излагаются содержание романа, сведения о трудах предшественников Ахмеди, которые работали над этой темой, о схождениях и расхождениях, о сокращениях и расширениях, об источниках, о том, кому посвящен и кому преподнесен труд, о первоначальном варианте и дальнейшем расширении, видоизменении и о вызвавших их причинах, наконец, о дате завершения романа.

Приложен к изданию список дошедших и известных списков, полных и кратких, хранящихся в библиотеках, музеях, книгохранилищах и частных коллекциях в Турции и за ее пределами — с указанием номера хранения — и другие данные. Из 46 известных ему рукописей, как указывает И. Унвер, 32 списка хранятся в Турции, 14 — за рубежом; всего же дошедших до нашего времени копий — более 70.

Список источников, указанных И. Унвером, содержит 104 названия на эту тему, в том числе «Шах-наме» Фирдоуси на персидском языке: глав из «Искендер-наме», опубликованных в виде отдельных книг, книги по истории турецкой литературы, где хотя бы вкратце говорится об «Искендер-наме», отдельные статьи, опубликованные в различных сборниках, журналах, «Энциклопедии ислама» и т. д.

Приводится полное оглавление книги — 458 названий на персидском языке, как это дано у автора, с переводом на турецкий и с указанием той страницы факсимиле, где находится данная глава.

5½ страниц большого формата (11 столбцов) занимает список собственных имен и географических названий — вместе с указанием страницы факсимиле или статьи автора, на которой встречаются эти имена и названия. К сожалению, список очень тяжеловесен. Нужно было бы имена и названия, упоминающиеся в факсимиле, дать отдельно от других названий.

Само факсимиле содержит 150 страниц по 4 столбца—8 744 бейта, т. е. 17 488 стихотворных строк.

Крупный старотурецкий поэт, автор поэтического романа «Искендер-наме» — Ахмеди жил и творил во второй половине XIV—первой четверти XV в., в период распада империи Сельджукидов в Малой Азии и образования враждующих между собой мелких феодальных бекств. Ахмеди — литературный псевдоним поэта. Его подлинное имя, место и время рождения точно не установлены. Наиболее авторитетные источники зафиксировали имя Таджеддин бин Ибрагим. Фуат Кеprüлю в «Энциклопедии ислама» отмечает, что в 1412 г. поэту было 80 лет. Следовательно, нужно считать, что он родился в 795 г. х., т. е. в 1334—1335 г. Исмаил Унвер, автор настоящего исследования, на основании источников XV в. считает, что поэт происходил из Сиваса, где в это время творил крупный поэт Кады Бурханаддин. Некоторые источники указывают на Тармию и Амасию. В этот период мамлюкский Египет был одним из культурных центров тюркского мира. Судя по историческим источникам, образование поэт получил в Каире.

Кстати, отметим, что на титульном листе «Гулистана» Сейфа Сарайи, созданного в 1391 г. в мамлюкском Египте, помещено двустишие, где говорится о царевиче Ахмеди, который прибыл в Египет как чужеземец. Можно предположить, что это был поэт Ахмеди.

Поэтическая деятельность поэта протекала при дворах отдельных беков; известно, что специально для детей одного из этих беков он написал несколько произведений дидактического содержания. Деятельность Ахмеди связывают и со двором султана Баязида I (по-видимому, это было время после разгрома Баязида) и со станом Тимура. Тот факт, что «Искендер-наме» было посвящено и преподнесено эмиру Сулейману, а некоторые месневи в этом произведении написаны как хвалебные оды в его честь, свидетельствует о тесной связи его главным образом с этим беком. В дальнейшем, после смерти эмира Сулеймана, поэт оказался при дворе Мехмеда I; в детские годы Мурада был его наставником и учителем, а впоследствии, когда Мурад стал султаном, был направлен в Амасию в качестве крупного придворного чиновника. О близости поэта ко двору султанов Мехмеда и Мурада I свидетельст-

вуют его хвалебные оды, посвященные этим султанам. Поэт умер в 835 г. х. (1412—1413) в Амасии.

Среди трудов поэта наряду с «Искендер-наме» важное место занимает объемистый «Диван», хранящийся в библиотеке Музея исламских произведений. Он содержит 72 касыды, 2 тарджибанда, 7 таркиббандов, 1 мухаммас, 727 газелей (в общей сложности 8 506 бейтов) и является крупнейшим поэтическим произведением средневековья.

Заслуживает внимания и месневи «Джамшид и Хуршид» — история любви китайского царевича и римской царевны. Характерно, что в этом произведении сохранился термин Тавгач-Карай, который зафиксирован в поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, написанной в XI в. Месневи представляет собой свободный перевод с персидского сочинения Салмана Саведжи. Правда, поэт, сохранив в нем только канву сюжета, значительно расширил произведение и переориентировал его на жизнь османского двора. Произведение, написанное по просьбе эмира Сулеймана (шаха Сулеймана), было завершено в 806 г. х. (1408 г.) и преподнесено шаху Сулейману. Впоследствии несколько переработанный список был преподнесен Мехмеду I. Это произведение дошло до нас в единственном экземпляре и хранится в частной библиотеке в Малой Азии. Месневи Ахмеди на 2 300 бейтов больше персидского оригинала, вышедшего из-под пера Салмана Саведжи. Месневи написано наиболее распространенным в такого рода поэтических произведениях арабо-персидским размером хазадж.

Кроме упомянутых поэтических произведений поэту принадлежит ряд объемистых прозаических трудов религиозно-дидактического, медицинского, литературоведческого, лексико-логического содержания, копии которых хранятся в библиотеках Стамбула. Большинство рукописей — в хорошем состоянии. Однако почти все эти труды в достаточной степени не изучены и не публиковались даже фототипическим способом.

Имя *Искендер* в тюркоязычной поэзии впервые зафиксировано в «Кутадгу билиг» Юсуфа Хасс Хаджиба Баласагуни (XI в.). Тема жизни и деятельности Искендера вызывала широкий интерес на средневековом Среднем Востоке, и впервые к ней обратились персидские поэты. Широко разрабатывалась эта тема и тюркоязычными поэтами. Происхождение легенды в устной поэзии остается невыясненным; исторические источники указывают на разные страны и языки.

Известно, что до Ахмеди на тему Искендера создали поэтические произведения художественного содержания на персидском языке в первой половине XI в. Фирдоуси, в XII—XIII вв. Низами, в XII—XIV вв. Амир Хосров Дехлеви. Фирдоуси считал Искендера шахом Ирана; его жизни и деятельности посвящена одна из глав «Шах-наме»; упоминания об Искендере есть и в других главах сочинения. В общей сложности теме Искендера в «Шах-наме» посвящено около 2 500 бейтов. Алишер Навои написал свое «Искендер-наме» на тюркском языке примерно в одно время с Ахмеди. По Фирдоуси, Искендер — сын иранского шаха Дараба — впоследствии сам стал шахом Ирана; совершил многочисленные победоносные походы в Вавилон, Египет, Абиссинию, Индию, Китай, встретился с Гогом и Магогом, искал источник вечной жизни в Вавилоне. Какими историческими и мифологическими источниками пользовался Фирдоуси, неизвестно, как неизвестно и то, созданы ли эти мифы на иранской почве. Исторически же Искендер — Александр Македонский — вообще не является иранцем по происхождению. Завоеватель, он лишь впоследствии стал шахом Ирана. Указывают как на пер-

воначальное место создания этого мифологического произведения на Грецию и Сирию; по Махмуду Кашгари, — это Иран.

Теме Искендера посвящены пятая и шестая главы «Хамсе» азербайджанского поэта Низами; эти главы называются «Шараф-наме» и «Икбал-наме». Общий объем глав — немногим более 10 тыс. бейтов. Жанр и размер — те же, что и у Фирдоуси. Однако, в отличие от Фирдоуси, у Низами Искендер Зуль-Карнайн описан как пророк. У Низами Искендер — император Римской империи, а Аристотель — его везир: Искендер отправляется в Египет, там воюет с неграми, затем сражается с иранским шахом Дарием I и занимает его трон в качестве шаха Ирана. Низами описывает также его походы на запад, посещение Каабы, походы в Китай, Дешт-и-Кыпчак, на Русь и, наконец, возвращение в Римскую империю, где ему и присваивается почетный титул «Зуль-Карнайн», т. е. «Властелин двух континентов». В дальнейшем речь идет о его путешествиях уже в качестве пророка, в том числе вторично — в Индию, Китай, о многочисленных беседах с греческими учеными и т. д. Как говорит сам поэт, при создании труда он широко использовал арабские, персидские, греческие и римские источники, устное народное творчество и «Шах-наме» Фирдоуси.

Третьим предшественником «Искендер-наме» Ахмеди является «Айна-и Искендер» Амир Хосрова Дехлеви, который продолжил традицию создания «Хамсе». Рукопись Дехлеви содержит около 4 500 бейтов и завершена написанием в 1298 г. Произведение Дехлеви полно рассказов чисто назидательного содержания. Искендер у Дехлеви совершает поход в Китай. Строит вал для защиты страны «от говов и магогов», ищет источник вечной жизни, пользуясь астрологией, путешествует по морям и прибывает в Азербайджан, где уничтожает молитвенные дома огнепоклонников, борется за распространение веры в единого бога. В одних рассказах Искендер описывается как пророк, в других — как святой. В отличие от трактовок этого образа у Фирдоуси и Низами, у Дехлеви Искендер не только полководец, но и религиозный деятель, борется за религию; в то же время он ученый, в обычаях которого — беседы с учеными разных стран.

Несмотря на то что как полные, так и первоначальные краткие варианты широко распространены, в научном мире «Искендер-наме» Ахмеди ни в литературоведческом аспекте, ни в плане языка до сих пор не изучено. Полноценное исследование памятника не может быть осуществлено без академического издания текста сочинения. Но такое издание до сих пор не подготовлено.

Известно, что в империи Сельджукидов, как и в Средней Азии в период раннего средневековья, научно-религиозные, богословские труды писались на господствовавшем тогда арабском языке, а исторические и художественные произведения — на персидском. Поэтому при изучении языка «Искендер-наме» Ахмеди следует учитывать, что этот крупный поэтический роман является одним из тех произведений, которые впервые появились на тюркском языке в условиях феодальной раздробленности страны на отдельные бекства. Кроме того, при написании романа поэт вынужден был пользоваться арабо-персидской метрикой аруза и потому неизбежно прибегал к помощи многочисленных арабских и персидских слов, сложных выражений и словосочетаний. Этих слов и выражений особенно много в тех частях, где поэт касается вопросов религии, философии, дидактики, астрономии, т. е. тех областей знания, где соответствующие термины на тюркском языке еще не были выработаны.

После краткого экскурса, целью которого было ознакомление с со-

держаньем трудов предшественников Ахмеди в разработке темы «Искендер-наме», остановимся на следующих вопросах: что представляет собой «Искендер-наме» Ахмеди, каково его содержание, каково влияние трудов предшественников на творчество Ахмеди?

Исмаил Унвер, исследовавший и опубликовавший факсимиле, изучая труд Ахмеди в сопоставлении с соответствующими произведениями Фирдоуси, Низами и Амира Хосрова Дехлеви, установил, что при его создании Ахмеди совершенно не испытал влияния труда Амира Хосрова, но испытал сильное влияние трудов Фирдоуси и Низами. Содержание одних глав его произведения совпадает с содержанием «Искендер-наме» Фирдоуси, других — с главами сочинения Низами, третьих — и того и другого. Например, глава, где речь идет о происхождении Искендера и его рождении, по содержанию соответствует главе Фирдоуси; глава о присвоении Искендеру почетного титула «Зуль-Карнайн» близка по содержанию к соответствующей главе у Низами, а глава об отношении к Дарию и об иранском походе сопоставима с соответствующими главами сочинений и Фирдоуси и Низами и т. д.

Следует отметить расхождения в выборе метрики: в то время как Фирдоуси, Низами, Хосров Дехлеви пользовались размером хазадж, Ахмеди использовал размер, более близкий к размеру устного народного творчества, а именно рамаль.

И. Унвер в своей исследовательской части труда после краткой характеристики произведений предшественников Ахмеди, создавших поэтические романы на ту же тему, ссылаясь на многочисленные работы историков и литературоведов, резюмирует, как они оценивали содержание, язык и художественные особенности «Искендер-наме» Ахмеди. Из современных исследователей он указывает на Кепрюлю, Ергуна и Банарли. По мнению этих авторов, «Искендер-наме» Ахмеди было создано первоначально на иранской почве, но впоследствии поэт значительно переработал его в совершенно новый роман.

И. Унвер, опираясь на отдельные замечания самого поэта и на некоторые эпизоды романа, где описываются явления, которые могли происходить исключительно на турецкой почве, убедительно доказывает оригинальность романа, канва сюжета которого только и взята из произведений его предшественников. Как отмечает И. Унвер, высоко ценил роман Ахмеди крупный поэт и брат Ахмеди Хамзави — его современник. По словам Кепрюлю, «Искендер-наме» Ахмеди было широко распространено как в самой Турции, так и за ее пределами, являясь любимой книгой тюркоязычных читателей.

Относительно завершения работы над «Искендер-наме» в конце труда автор пишет следующее:

Мустафанын хиджрәтиндән белла бил
Ким йеди йуз токсан икинчинди йил
Аввәлийди раби ул-ахирин
Ки олды назмы хатм ишбу дәфтәрин
Хорошо знай, после переселения пророка
Был семьсот девяносто второй год;
Было начало месяца раби-ул ахир,
Когда стихи книги были завершены.

Эта дата соответствует 19 марта 1390 г. Появляется, таким образом, возможность соотнести данный труд с поэтическим произведением, созданным на тюркском языке в Египте в XIV в. (на год раньше), а именно с «Гулистаном» Сейфа Сарайи.

В конце же указывается, что со дня смерти шаха Искендера прошло без одного года 700 лет.

Количество бейтов в разных рукописях колеблется от 5 000 до 9 000. Сам поэт писал, что его роман содержит 800 бейтов, да в приложении дано 200. И. Унвер указывает 8 250 бейтов. Опубликованный же И. Унвером текст, по его словам, содержит 8 754 бейта — наибольшее количество и является полноценной копией первоначального оригинала. Здесь необходимо учитывать исторические условия, в которых создавался и функционировал художественный текст.

В этот феодальный период, когда прежде могущественная держава сельджуков распалась на мелкие бекства, поэты и ученые искали покровительства то одного правителя, то другого. Соответственно свои труды они посвящали и преподносили своему покровителю. Когда же покровитель лишался власти, поэт, исходя из реальной ситуации, изменял содержание отдельных глав своего сочинения и преподносил его новому покровителю. Так случилось и с Ахмеди. Точно не установлено, чьим покровительством пользовался поэт, кому посвятил свой труд и кому преподносил. Исследователи указывают на разных беков, на султана Баязида I и на могущественного Тимура, разгромившего и пленившего Баязида I.

И. Унвер, руководствуясь текстом произведения и историческими данными, установил, что поэт начал писать свой труд через 2—3 года после смерти шаха Гермияна Сулеймана. Тем самым опровергается мнение, что ему было преподнесено «Искендер-наме». Ахмеди предполагал, говорит И. Унвер, преподнести свое сочинение султану Баязиду, но последнему оно не понравилось, и потому «Искендер-наме» после внесения в него поправок и дополнений было преподнесено эмиру Сулейману, покровительством которого впоследствии Ахмеди пользовался.

Именно этим объясняется тот факт, что поэт неоднократно пересматривал, видоизменял отдельные главы своего труда. «Искендер-наме» было завершено в 1390 г. По утверждению И. Унвера, отдельные места романа написаны позднее. Этим и объясняется большое количественное расхождение в бейтах дошедших до нас списков: в одном списке бейтов 5 000, в другом — 8 754. Все эти списки полноценные, не дефектные. Значит, здесь речь может идти о потере отдельных листов, глав. Это убедительно подтверждают и следующие факты, зафиксированные в «Искендер-наме»:

1. На с. 5а опубликованного И. Унвером списка «Искендер-наме» говорится о развалинах Багдада и Алеппо, о том, как цветущий Рум превратился в прах. В данном случае речь идет о разгроме армии Баязида войсками Тимура, когда был разрушен Багдад. Это было в 1402—1403 гг. Следовательно, этот бейт был включен в основной текст романа через 12—13 лет после его завершения.

2. На с. 57а этого же списка приводится бейт, отсутствующий в других списках. Он посвящен мавлуду — дню рождения Мухаммеда. В нем говорится: «Вот уже 810 лет, как последователи пророка при помощи меча правят страной». Эта дата соответствует 1407 г., т. е. бейт появился через 17 лет после завершения основного текста, вернее, первого варианта «Искендер-наме».

3. По словам И. Унвера, Гибб располагал списком «Искендер-наме», где зафиксирован бейт, в котором говорится: вчера царствовавшие Тимур, Баязид и царевич Сулейман сегодня превратились в прах. Известно, что Баязид умер в 1403 г., а Тимур — в 1405 г. И. Унвер полагает, что, по предположению Гибба, здесь речь идет о сыне Баязида I.

4. На с. 65а данного списка «Искендер-наме» поэт говорит о Джихриде Султানে Ахмеди, о его походе на Тебриз, о сражении с туркменским племенем Кара-Корюллу и о том, что в этом сражении он был убит

Кара-Юсуфом. По данным исторических источников, сражение происходило в 1410 г. Все эти факты убедительно показывают, что и через 20 лет после завершения основного текста поэт продолжал вносить дополнения в свой роман.

Фирдоуси завершил «Шах-наме» описанием правления Йездегерда и похода исламских войск под командованием Санд Ваккаса в Иран. Ахмеди же доводит описание исторических событий до периода правления первых четырех халифов, сподвижников пророка, периодов правления династий Омейядов и Аббасидов, нашествия монголов и периода правления ильханов. Однако, как указывает И. Унвер, поэт допускает ряд исторических ошибок: пункт за пунктом он указывает, при описании каких периодов и событий и какие именно неточности или ошибки допустил поэт.

И. Унвер уделил большое внимание выяснению вопроса, какими историческими трудами пользовался Ахмеди при изложении исторических событий. В «Искендер-наме» глава о всеобщей истории размещается в 2790 бейтах. Многие исследователи указывают, что Ахмеди в этой главе широко пользовался такими достоверными историческими источниками, как труды Рашид ад-Дина, Джувейни и последующих авторитетных историков, и потому излагаемые им факты достоверны. И. Унвер, сопоставляя материалы этих глав с соответствующими разделами трудов упомянутых историков, сомневается в достоверности такого утверждения и указывает на многочисленные ошибки и неточности, допущенные поэтом. Если бы поэт пользовался трудами названных историков, говорит И. Унвер, он бы не допустил этих ошибок, и подробно перечисляет их. Все его утверждения документированы.

«Искендер-наме» Ахмеди, как все аналогичные средневековые поэтические романы, начинается с имени бога, восхваления его пророка, сподвижников Мухаммеда и т. д.; эта традиционная часть занимает 30 бейтов. В отличие от других подобных произведений, в сочинении Ахмеди отсутствует глава о причине создания книги. Основная часть романа открывается описанием периода, предшествующего времени Искендера; далее речь идет о его рождении, воспитании, юношеских годах, восшествии на трон и походах. Глава кончается описанием смерти героя. Все последующие главы начинаются одинаково — лирическими бейтами о любви с упоминанием песни соловья, бокалов ароматного вина, красавца-виночерпия и т. д.

Каждая глава содержит введение. После описания события дается концовка, в которой сообщается, чем кончится описываемое событие. Все главы по своему плану точно совпадают друг с другом. Если говорится о радостных событиях, то изложению обязательно предпосылается описание цветущей весны с песнями сладкоречивых соловьев, распустившимися ароматными розами и т. д. Если же речь идет о горестных событиях, то обязательно это осень с увядшими цветами, садами или зима с ее невзгодами. Кончается раздел назидательными словами о тленности мира, о неизбежности смерти. Далее поэт, как бы обращаясь к музыканту, говорит: «Брось пустую болтовню, бери в руки музыкальный инструмент — чанг и приступи к рассказу» и переходит к описанию события. Иногда описание данного события дополняется другими рассказами назидательного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ahmedi. Iskender-nâme: İnceleme-ıtipkibasım/İsmail Ünver, Ankara, 1983.*

М. С. ФОМКИН

**О СУФИЙСКИХ МОТИВАХ В «БЛАГОДАТНОМ ЗНАНИИ»
ЮСУФА БАЛАСАГУНИ**

Старейшее тюркоязычное поэтическое сочинение XI в. — «Благодатное знание» («Кутадгу билиг») Великого хасс-хаджиба Юсуфа Баласагуни дает тюркологам богатый материал для историко-культурных интерпретаций. Ученые уже отмечали важную особенность этого сочинения, коренящуюся в религиозно-философской сфере: на фоне более поздних сочинений тюркоязычных авторов так называемого мусульманского региона очень определенно выступает несуфийская основа образной структуры текста поэмы. «Этот факт позволяет полагать, что истоки образности, характерной для „Благодатного знания“, следует видеть в устном эпическом творчестве тюркских народов и в персидско-таджикской поэзии раннего периода ее развития» [1. С. 527]. И хотя суфийские мотивы не составляют основы сочинения, тем не менее дервишеские темы присутствуют в произведении, и это заслуживает пристального внимания.

Как религиозно-философское течение суфизм в XV в. уже был широко распространен в Средней Азии и Иране, оказывая большое влияние на их культурную жизнь. Под этим влиянием в персидской литературе задолго до XI в. начала развиваться суфийская поэзия, создаваемая дервишескими шейхами. А в XI в. в литературе иранцев, которая в это время переживала пышный расцвет придворной светской поэзии, появляется уже настоящий суфийский эпос — первое в персидской литературе дидактическое месневи [2. С. 56, 73, 225, 310]. Что же касается тюркоязычной литературы, то подавляющее большинство произведений первых веков ее истории, созданных на огромной территории Средней и Малой Азии, имеет выраженный суфийский характер.

Будучи исключением среди явлений средневековой тюркской поэзии в отношении суфийской образности, «Благодатное знание» тем не менее по-своему отразило и этот феномен восточной культуры. Идеи суфизма в поэме Юсуфа Баласагуни появляются вместе с фигурой отшельника Одгурмыша. Последний играет едва ли не главную роль в осуществлении глубинного художественного замысла поэта, лежащего в сфере мировоззренческих основ.

Принадлежность Одгурмыша к суфиям становится ясной из текста поэмы, хотя впрямую об этом речь не идет.

Одгурмыш — аскет-отшельник, посвятивший себя исключительно служению богу:

baka kördüm emdi dinim yigliki
bu yirde köründi özüm yigliki

(3338)

anın keldim emdi bu yirke turup
bayat tapgı kılsa men yalnguz bolup (3339) [3]

Я видел, что в вере я немощно хил,
И мнилось, что здесь укреплю я свой пыл.

Затем и пришел я в далекий предел,
Отшельником богу служить я хотел. [5]

Можно уверенно утверждать, что Одгурмыш не просто отшельник: он — шейх, поскольку у него есть мюрид:

kadaşı müridi kumarı çıkıp
selam kıldı ötrü közi yaş saçıp (6286)

И вышел к пришельцу преемник-мюрид,
Приветствуя гостя, он плакал навзрыд.

В рассматриваемом отношении показательно, что Одгурмыш не желает служить ни элику, ни людям вообще. Элик дважды призывает его для служения себе, от чего Одгурмыш категорически отказывается:

bu kul kulka kulluk yaragsız bolur
tapugçika tapsa uçuzluk bulur (3750)

kışı himmeti bolsa mundag kerek
bayat tapgı kılsa urunsa yürek (3751)

Слугой у раба быть негоже рабу,
Позор, если раб служит то же рабу!
Когда в человеке есть ревностный пыл,
Он богу служить изо всех должен сил.

Одгурмыш согласен приехать к элику лишь затем, чтобы дать тому нужные советы. Поведение его отражает одну из суфийских заповедей, согласно которой дервишество — это «независимость от тварей бога»; эта заповедь присутствует, например, в поучениях суфийского шейха из Хорасана Абу-л-Хасана Харакани (ум. 1033) [2. С. 254]. Описанная ситуация соответствует действительному положению суфийских шейхов на средневековом мусульманском Востоке. Шейхи, имея большое влияние на население, часто обладали реальной властью и были силой, с которой должны были считаться правители, искавшие даже покровительства у влиятельных шейхов.

У Одгурмыша «нет помысла в сердце», он отрекся от всех желаний:

büte boldı munda tiriglik yidim
öd ödleک idip nefis butını sıdım (3635)

özümdin kötürdüm bu arzu tilek
kodu bir bayatım manga tap yölek (4728)

köngül bir bayatka uladım köni
tilekçi bolup men tiler men anı (4778)

Давно уж я здесь и не знаю напасти:
Шло время, и я одолел свои страсти.
Все страсти свои я сумел побороть,
Оставь меня, мне да поможет господь!
И я к одному только богу влеком:
Взыскаю его, мыслю я лишь о нем.

Сказанное является основным признаком суфия по определению того

же Харакани [2. С. 254]. Отсутствие желаний у суфия, всецело отдавшегося воле бога, соответствует достижению восьмой, предпоследней, стадии мистического пути по представлениям крупнейшего суфийского теоретика XI—XII вв. Мухаммеда аль-Газали, выходца из Хорасана [7. С. 322, 323].

Проповедь Одгурмыша включает в себя типичные суфийские положения: он призывает «сломить чегыре преграды» — отказаться от соблазнов этого мира, покинуть людей, преодолеть страсти и смирить свою плоть:

bu dūnya için kodmāğınca tūkel kilumaz bu ukbi için ay inal	(4805)
kişide ırak bolmāğınca kadaş bayat tapğınca tegse bolmaz adaş	(4806)
et öz ūlgi birme katıgıan usa özüng yolka kōngey anıngda basa	(4810)

Пока мир соблазнов тобой не забыт,
Тебе мир грядущий навеки закрыт.
Пока ты, о брат, не покинул людей,
О верности богу и думать не смей!
Смири свою плоть, не потворствуй страстям,
Тогда лишь твой путь будет ровен и прям.

Все это соответствует суфийскому учению о преодолении и уничтожении того, что суфии называют «нефс», — чувственности, биологического Я и одновременно — злого начала в человеке, мешающего суфию достичь мистического единения с богом и являющегося поэтому, согласно суфийской доктрине, самым большим врагом человека [8. С. 207—209].

Следует обратить внимание на то, что в уста Одгурмыша поэт вкладывает типичную суфийскую терминологию. Это ясно видно из бейта 3635, где Одгурмыш говорит о преодолении «нефса». Здесь суфийская семантика слова «нефс» отчетливо явствует из контекста, и именно суфийское толкование этого слова позволило С. Н. Иванову дать адекватный, осмысленный русский перевод. Для сравнения приведем перевод этого бейта из «Древнетюркского словаря», где слово «нефс» истолковано не в суфийском, а в более общем смысле, отчего предложенное в «Словаре» толкование этого бейта выглядит малоубедительным: «Я прожил жизнь, годы прошли, и я потерял смысл жизни (букв.: надломил ногу жизни)» [9. С. 129].

Наконец, принадлежность Одгурмыша к суфиям подтверждается его отрицательным отношением к браку и детям; при этом вступление в брак он сравнивает с плаванием в лодке:

kime mindi sakın kisi alğuçı tengiz utra kirdi kime mingüçi	(3386)
ogul kız tōrüse kimesi sinur kime sinsa suvda tirig kim kalur	(3387)

Кто женится, тот словно в лодке плывет,
Выходит он в море бушующих вод.
Детьми обзавелся — в посудине течь,
И как тут от смерти живых уберечь!

Аскетизм этих воззрений находится в резком противоречии с обычными установками ислама, но зато полностью соответствует учению среднеазиатских суфиев, являя собой вставленное в поэму практически дословно изречение чрезвычайно популярного в Средней Азии суфийского шей-

ха Ибрахима ибн Адхама (VIII в.): «Дервиш, который женился, будто сел в ладью, а когда появился сын — считай, что ладья утонула» [2. С. 181—187].

Наставления Одгурмыша имеют двойственный характер. Одни из них — это гуманистическая проповедь служения людям, призыв свершать добро для окружающих:

özüng asgı kolma budun asgı kol
yüdüirme yük ilke özüng yükçi bol (6098)

kişi ödrümi kör kişini yular
sevüg can yuluglap sevinçin tiler (6100)

Живи не своей, а людскою заботой,
Других не неволь, сам за них поработай.
Достойный всегда человеку поможет
И с радостью жизнь за собрата положит.

Эти заповеди Одгурмыша находят полную поддержку у элика Кюнтогды и везира Огдюльмиша; последний говорит то же самое:

bu edgü turur kör könilik çını
tiriglik turur körse edgü anı (5922)

kim edgü kılınç tutsa boldı tirig
kim isiz kılık tutsa öldi tirig (5923)

Суть истинной жизни — благие деянья,
А доброе делать — всей жизни призванье.
У добрых исполнены жизни сердца,
А злой и при жизни — мертвей мертвеца!

Однако у Одгурмыша есть и полностью противоположные по своей сути наставления, являющие собой проповедь сознательного ухода от действительности, от служения людям, обществу:

bayat tapğınğa bu ulanmış özüm
kişi tapğı kılmaq yararmı tüzüm (3696)

kişidin töngüldüm töngül sen yime
kişidin asıg yok sanga ya manga (3793)

И, связан обетом, служу я творцу,
И людям служить мне теперь не к лицу!
Будь ты, как и я, от людей в стороне,
Они и тебе не во благо, и мне.

И вот эта вторая проповедь отшельника Одгурмыша, проповедь неучастия в земных человеческих делах и заботах, за которой стоят суфийские представления, получает в поэме резкую отповедь и элика Кюнтогды и везира Огдюльмиша. Нельзя не признать, что сила художественного впечатления в таких случаях находится волею поэта на стороне элика, придавая его жесткой речи неотразимую убедительность:

atandı özüng emdi zahid atı
bu atıng sanga boldı taat yutı (3229)

namaz ruza barça öz asgıng turur
öz asgın tilegli bagırsız bolur (3243)

Подвижником ныне себя ты зовешь,
Да только обет твой — не подвиг, а ложь!
Себя лишь ты тешишь постом и мольбой,
Бездушен, кто занят одним лишь собой!

Так же активно словам Одгурмыша о браке и детях, как о лодке, готовой потонуть, противопоставляется рассудительная, подкрепленная обращением к мудрости предков речь Огдюльмиша о том, что «бездетный мужчина у всех не в чести»:

ogulsuz kişi ölse, kesti urug
ajunda atı yitti ornı kurug (3375)

Бездетный скончался — и кончился род,
За ним — пустота, его имя умрет!

Двойственность, противоречивость наставлений Одгурмыша понятна: он признает как равноправные оба пути служения богу — и отшельническое подвижничество, дервишество, избранное им себе, и активную созидательную деятельность для блага людей, к которой он в своих наставлениях призывает элика и везира.

В «Благодатном знании», как отмечает С. Н. Иванов, нет прямо выраженного авторского предпочтения того или иного из двух описанных путей служения [1. С. 529]. Но, как мы видим, проповедь пассивного ухода от созидательной деятельности имеет в поэме решительных противников, на стороне которых убедительная сила художественного слова.

В реальном историко-культурном контексте здесь, безусловно, можно видеть отражение сильного антиаскетического настроения, господствовавшего в первые века ислама, которое, в частности, опиралось на приписываемый пророку Мухаммеду хадис: «Нет монашества в исламе» [7. С. 317—318]. В связи с этим уже в начале XI в. бытовал и другой хадис, возводимый к халифу Омару: «Омар однажды встретил людей, похожих на суфиев нашего времени, и спросил: „Кто вы такие?“. Они ответили: „Мы те, кто во всем уповает на Аллаха!“. Омар ответил: „Нет! Вы дармоеды. Сообщить ли вам об истинно уповающих? Это те, кто бросают в чрево земли зерно свое и затем уповают на господа своего”» [10. С. 161—162]. Несмотря на религиозную форму этой критики, она показывает, что на самом Востоке уже в далеком прошлом была осознана пагубная опасность суфийского аскетизма. Его безусловное осуждение содержит и арабская поэзия XI в. Абу-ль-Аля аль-Маари (973—1057) писал:

Хвалю я воздержанность монахов, но вот —
Кормить их трудящийся должен народ!

И много похвальнее тот проживет,
Кто век свой в упорном труде проведет.

Ведь не жил и Мессия, молясь, за стеной!

Нет, ходил по земле он, как всякий другой! [11]

Несмотря на то, что главные подвижники становились в глазах народа святыми и чудотворцами, отшельничество нередко воспринималось отрицательно и в самой суфийской среде. Так, один из ведущих представителей дервишизма в Средней Азии — Бахааддин Накшбанд, живший в XIV в. в Бухаре и основавший суфийский орден накшбанди, не отказывался от общения с людьми и видел в отшельничестве только проявление гордыни [13. С. 117—118].

Но гораздо раньше устами элика Кюнтогды и везира Огдюльмиша это же высказал Юсуф Баласагуни:

bayat kullaringa tusul ay bügü
kişike tusular erig er tigü (3928)

bu aymış sözü'm için erürmü köre
çin erse hava bas berü kel tura (3937)

havaka bulun bolma köndür köngül
kişike katılğil yorıgıl amul (3994)

Господним рабам, о мудрец, послужи,
Радетельны к людям благне мужи!
И, если верны мои речи, тогда
Гордыню смири и — скорее сюда!
Смири свое сердце и, чуждый гордыне,
С людьми, тих и скромн, свяжи себя ныне.

Таким образом, впервые в тюркоязычной литературе в «Благодатном знании» прослеживается столкновение двух разных точек зрения на предназначение человека, столкновение двух разных позиций: активного служения людям в земных делах и заботах и, с другой стороны, сознательного ухода от деятельной, плодотворной, в обычном человеческом понимании, жизни. Появление в «Благодатном знании» определенных суфийских идей, которые прямо связаны или косвенно ассоциируются с фигурой Одгурмыша, знаменует начало серьезного спора с этими идеями в тюркоязычной литературе.

Возникший в «Благодатном знании» спор двух жизненных позиций, не имеющий прямого разрешения в тексте, заставляет задуматься об авторской позиции, скрытой от непосредственного восприятия читателем.

Здесь прежде всего следует подчеркнуть, что указанная двойственность наставлений Одгурмыша не мешает тем не менее элику и везиру испытывать к нему (по воле автора!) глубокое уважение; несмотря на разницу в их отношении к миру. Это становится возможным благодаря тому, что Одгурмыш остается у Юсуфа Баласагуни носителем высоких устремлений человеческого духа, мудрости нравственности. Он оправдывает свое имя (Одгурмыш — Пробуждающий), пробуждая потребность осмыслить, оценивать и строить свою жизнь по более высоким меркам:

keçer kün içinde kereking alın
keçürgey sini öd itiging kılın (5162)

süzük can kepi bu kara yir tuğı
kara yir kep örtünür ay kılkı ağı (5422)

kodu bir avutça kara toprakıg
ulüg mengü il kol nerek bu sakıg (5425)

bu tog toz tumandın örü tart özüng
süzük mengü il kol sen açğil közüng (5426)

Дни жизни спешат, лишь о нужном пекись,
Свое совершай, — им дано пронестись.
Безгрешной душе твоей черным покровом
Одеться дано в подземелье суровом.
Рассей черный прах этот — жалкую пядь,
Великое, вечное надо искать!
Вздымись же над пыльною мглою и чадом,
Нетленную вечность прозри своим взглядом!

Сказанное свидетельствует о том, что Юсуф Баласагуни видит в Одгурмыше ту символическую фигуру с присущим ей комплексом нравственных идей, которую не следует определять и оценивать однозначно и ко-

торая имеет свое естественное право и на существование и на уважение.

Выявление неявного авторского содержания сопряжено с возможностью субъективных суждений, но, как подчеркивает С. Н. Иванов, вряд ли случайны смерти двух из четырех главных героев «Благодатного знания». Умирают Айтолды и Одгурмыш — символы Счастья и Отрешенности, в живых остаются Кюнтогды и Огдюльмиш — образы Справедливости и Разума. «В этом можно усматривать определенный авторский умысел: два последних качества автор считает наиболее существенными и потому вечными; счастье и отрешенность от суетного производны от разума и справедливости и не обладают сами по себе непреложной ценностью. ... Свойства счастья и отрешенности, сколь бы ни были они желанны и похвальны, автор ставит в зависимость от разума и справедливости: они ценны и возможны лишь при наличии двух первых, предпочтительных свойств» [1. С. 529—530].

Думается, однако, что кончина Одгурмыша — это не только символ вторичности олицетворяемого им свойства. Выше говорилось, что в споре Кюнтогды и Одгурмыша возникает, как кажется, перевес все же на стороне элика — благодаря непосредственному художественному впечатлению. Смерть Одгурмыша — прямое усиление этого художественного впечатления, символ краха того, с чем спорил Кюнтогды. Становится ясной позиция Юсуфа Баласагуни: отрицая отшельнический уход от жизни, он — за активное, плодотворное служение людям по законам добра и человечности.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов: Литературные памятники. М., 1983.

² Бертельс Е. Э. Избранные труды: Суфизм и суфийская литература. М., 1965.

³ Примеры оригинального текста даются в упрощенной транскрипции по [4]. Цифры в крупных скобках — номера бейгов в указанном издании.

⁴ Arat R. R. Kutadgu bilig: I. Metin. Istanbul, 1947.

⁵ Поэтический перевод С. Н. Иванова. Здесь и в дальнейшем цитируется по [6].

⁶ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов: Литературные памятники. М., 1983.

⁷ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966.

⁸ Джавелидзе Э. Д. У истоков турецкой литературы: 1. Джелаль-ед-дин Руми. Тбилиси, 1979.

⁹ Древнетюркский словарь. Л., 1969.

¹⁰ Шмидт А. Э. Абд-ал-Ваххаб-аш-Шараний и его «Книга рассыпанных жемчужин». Слб., 1914.

¹¹ Перевод В. В. Розена. См.: [12. С. 292, 298—299].

¹² Крачковский И. Ю. Перевод одного программного стихотворения Абу-ль-Аля // Зап. Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва. Пг., 1915. Т. 22, вых. 3—4.

¹³ Бартольд В. В. Ислам // Сочинения. М., 1969. Т. 6.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ИРЭН МЕЛИКОФФ

КЫЗЫЛБАШСКАЯ ПРОБЛЕМА [1]

Прежде чем приступить к теме моего исследования, необходимо дать некоторые разъяснения относительно названия этой статьи. После некоторых колебаний мне показалось, что лучше всего назвать ее «Кызылбашская проблема». Но я должна объяснить, почему я испытывала трудности, выбирая название. Этот вопрос связан с терминологией, которую часто употребляют неверно для обозначения сложного синкретического понятия: *алеви*, *бекташи*, *кызылбаш*.

В наше время наиболее употребительным термином для обозначения рассматриваемого феномена является *алеви*, однако я не хотела употреблять его в заглавии этой статьи, так как этот термин не соответствует исторической реальности изучаемого явления. С исторической точки зрения, *алеви* — это потомок Али, и в Иране данное слово употребляют именно в этом значении. Только в XIX в. в Турции этот термин появляется для обозначения противников ортодоксального ислама. Так, например, Садеддин Нузхет Эргюн в своей известной работе о поэтах-бекташи [2; 3] употребляет термин *алеви* по отношению к поэтам XIX—XX вв. Причина распространения этого термина связана с тем, что слово «кызылбаш» приняло отрицательное значение и стало обозначать «мятежных еретиков» — очень часто как синоним «курда», тогда как по происхождению термин *кызылбаш* является туркманским [4]. Любопытно отметить, что термин *алеви* все больше и больше приобретает отрицательное значение, как и термин *кызылбаш*, и все чаще употребляется в значении слова «курд». В современной Турции слово «алеви» употребляется в значении термина *кызылбаш*.

Второй термин — *бекташи*, как известно, обозначает дервишский орден и, согласно традиции, восходит к Хаджи Бекташи. Сначала этот орден носил народный характер, но не был еретическим, каковым он стал в дальнейшем (о чем мы скажем ниже), хотя его ритуалы и на первоначальной стадии не всегда соответствовали ортодоксальному исламу.

Как известно, слово «кызылбаш» появляется в эпоху отца шаха Исмаила шейха Хайдара, который родился в 1460 г. и был убит в 1488 г. Оно обозначает сторонников первых Сефевидов, носивших красный головной убор. Сперва термин имел политическое значение, а затем, в связи с религиозной пропагандой первых Сефевидов, он стал приобретать смысл, характерный для представлений туркманского шиизма, который, хотя и признавал культ 12-ти имамов, но имел все характерные черты крайнего шиизма с его верой в *теджелли* — воплощение бога в человеке, в *танасух* (метемпсихоз) и обожествлением сефевидского правителя, в лице которого видели воплощение Али, бывшего *мазхаром*

бога, т. е. проявлением божества в облике человека. Позднее Сефевидская династия очистилась от элементов кызылбашского шиизма и стала верованьем, более соответствующим иранскому образу мышления [5. С. 235—244, особенно 238—240].

Если мы обратимся к наиболее ранним источникам, и прежде всего к Дивану шаха Исмаила [6], мы нигде не встретим термин *алеви*, а по отношению к себе и своим приверженцам шах Исмаил употребляет слово *кызылбаш*: «Тот не будет достоин называться кызылбашем, чье сердце не будет ранено и чье чрево не будет алеть, как рубин»:

Yüregi dag olmayınca bagrı Kanlı la'l tek/hic kimin haddi yohdur
kızılbaş olmaga [7. С. 134 (стих. 214)].

Связанные с термином *кызылбаш* слова «рафизы» и «мюльхид» встречаются в фетве, направленной против шаха Исмаила, его приверженцев и его доктрины:

Müslümanlar bilün ve agah olun
Şol ta'ife-i kızılbaş ki re'isleri
Erdebil oglı Isma'ildür... [10].

Эти наименования — *кызылбаш*, *рафизы* и *мюльхид* — всегда встречаются в документах, направленных против этих сектантов и изданных Ахмедом Рефиком [13]. В них ни разу не употреблен термин *алеви*.

Из приведенных примеров видно, что наиболее точным термином для обозначения исследуемого здесь явления будет *религия кызылбашей*. Ниже мы постараемся по мере возможности раскрыть суть этого религиозного феномена.

В течение многих лет я изучала этот вопрос среди *кызылбашей*, или, как их называют сегодня, — *алевитов* Анатолии. Я полагала, что нахожусь среди тех, кто исповедует, как описано мною выше, кызылбашскую форму шиизма. Однако за два года, что я имела возможность вести исследования в Иранском Азербайджане, я встретила с тем же самым феноменом, но в более архаичной форме. Мои поездки по Иранскому Азербайджану заставили меня несколько изменить свои взгляды. Это не ислам шиитского толка, но, скорее всего, туркманская религиозная концепция, испытавшая воздействие суфизма и шиизма благодаря сефевидской пропаганде. Позднее, вероятно, с начала XVI в. и во времена Балим Султана, в некоторых регионах, в частности в Анатолии, эта религия, существовавшая в доисламской форме (но в период действия сефевидской пропаганды скрывавшая свою суть под оболочкой шиитского ислама), была оформлена в тарикат благодаря дервишам-бекташи, бывшим сперва, по-видимому, орудием в руках османского правительства. Орден этот не слишком отвечал суннизму, ибо он проповедовал народную религию, в которой сочетались социально-религиозные обряды древних тюрков с элементами раннего ислама: Эти верования в то время не были связаны ни с крайней, ни с какой-либо иной формой шиизма, несмотря на то, что они включали в свой состав поклонение Али и мученикам Кербелы, что было обычным в ту эпоху в Анатолии и не было доказательством приверженности к шиизму. Это поклонение являлось составной частью народного вероисповедания. Достаточно обратиться к «Вилайет-наме Ладжи Бекташи» [14] или к первым поэтам-бекташи, предшественникам шаха Исмаила Хатаи, как, например, Кайгусузу Абдалу [16], чтобы убедиться, что здесь нет никаких признаков явной ереси. Афлаки в своей «Манакиб ал-'Арифин» сообщает, что Хаджи Бекташи поддерживал хорошие отношения с Джала-

леддином Руми, был правоверным мусульманином, хотя не считал обязательным исполнять все предписания Пророка и не совершал пятикратного намаза [19]. Наиболее информированный из турецких историографов, Ашикпашазаде, потомок знаменитого Баба Ильяса, одного из вождей восстания бабайтов, сообщает, что Хаджи Бекташи был учеником сначала Баба Исхака, а затем Баба Ильяса [21], также как и Гейикли Баба, святого, жившего в Инеболу около Бурсы и пользовавшегося большим почестом у османского султана Орхана Гази [17. С. 196, 199; 18. С. 231, 235]. Хаджи Бекташи — *meczub būdalā 'aziz*, т. е. «экстатический святой», он не создал тариката, не имел учеников; его духовным преемником была женщина «Кадынджык Ана»; орден же основан ее учеником Абдал Мусой [17. С. 205; 18. С. 238]. Изучение возникновения ордена Бекташи показывает, что он был связан с первыми османскими султанами, под воздействием которых Хаджи Бекташи стал наставником янычаров. Последних называли «сыновьями Хаджи Бекташи», в «оджаке» янычаров постоянно находился «вскил», представитель ордена Бекташи. Эта связь с армией и элитой янычарского корпуса объясняет привилегированное положение бекташи в Османской империи. Их влияние было непосредственно связано с могуществом янычаров, и после упразднения этого армейского корпуса оно сошло на нет. Во время своих изысканий в Анатолии я заметила некоторый антагонизм между алевитами и последователями бывшего тариката бекташи. Покойный Фуад Кепрюлю, называя алевитов деревенскими бекташи, считал вопрос разрешенным, но проблема оказалась гораздо сложнее. Орден Бекташи, святилище которого находилось в Салуджа Кара-Ойук (ныне — Хаджи Бекташи) и процветало благодаря заботам Баязида II [15. С. XXV], имел, по-видимому, целью держать под государственным контролем народные массы, исповедующие неортодоксальный ислам и называемые «кызылбаш» или «рафизы». Очевидно, со временем еретические идеи кызылбашей смогли просочиться еще больше в среду бекташи, доктрина которых приняла форму довольно сложного религиозного синкретизма. Благоговение народных масс перед Али и мучениками Кербелы создавало для этого подходящую почву. Это поклонение распространилось среди ахив, газиев и абдалов, так как Али являлся прежде всего «фета», и это было удачно использовано в политической пропаганде первых Сефевидов. Доказательство этому можно найти в стихах самого Хатаи:

Şahun evladına ikrar edenler

Ahiler, Gaziler, Abdallar oldi [7. С. 15, стих. 13; 23].

Эти идеи живут и поныне среди алевитов современной Турции. Я могла в этом убедиться в начале моих изысканий; когда я пожелала войти в контакт с бекташи, мои собеседники-алевиты выразили явное недовольство, сказав, что мне следует выбирать между ними и бекташи. Но, несмотря на это, алевиты почитают Хаджи Бекташи, так как он является анатолийским воплощением Али, т. е. божества. В ранние времена в святилище Хаджи Бекташи постоянно находились представители алевитов — «деде», а также бекташи — «челеби»: *силсиле* «деде» должны были восходить к Али, а род челеби — к Хаджи Бекташи, причем возникновение рода связано с непорочным зачатием, так как у Хаджи Бекташи не было детей [24].

Прежде чем перейти к изучению конкретных вопросов верований тех, кого сейчас называют турецкими алевитами, мне бы хотелось высказать здесь некоторые наблюдения, сделанные во время моих поездок по Иранскому Азербайджану летом 1973—1974 гг. Феномен, назы-

ваемый в Турции *алеви*, можно считать неортодоксальным исламом, в котором имеются шиитские элементы. Шиизм считается в Турции еретической религией. Те же самые неортодоксальные элементы имеются в Иране, где они рассматриваются как еретические по отношению к шиизму, как в Турции — по отношению к суннизму. Так же, как и в Турции, алевиты должны держать в тайне свои верования и обряды; о них ходят различные слухи, их обвиняют в оргиях, которые в Турции известны под названием *штуп söndü* [26]. В Иране эти секты известны под различными названиями. Так, в районе Маку—Хой—Урмийе их именуют *Гагагоюн*, в этом названии можно легко узнать кара-коюнлу; здесь возникает проблема о верованиях кара-коюнлу, которых считают крайними шиитами, что, впрочем, не вполне ясно. Можно ли считать, что их исламизм был довольно поверхностным и охватывал лишь высшие слои государства? Подороже из Хоя в Урмийе имеется более 33 деревень с названием Кара-Коюн. Они расположены в горах вокруг Сиях-Чешме, возле поля, на котором произошла Чалдыранская битва. Недалеко от этого места есть армянская церковь Кара-Килисе [28], посещаемая также сектантами кара-коюнлу. (Район между Маку и Кара-Зияаддином по пути в Хой известен под названием *Moḥāl-e Gaḡagoюн*). Этих кара-коюн иногда называют *торк-е сиях* [29], их исповедание очень близко к таковому алевитов Турции, но с незначительным налетом суфизма. Они враждебны к жителям соседнего района, называемого *Moḥāl-e Aggoюн*, а последние являются, как и все иранцы, шиитами-имамиитами. Как и в отношении кара-коюнлу, возникает вопрос о верованиях ак-коюнлу, которых исторически считают суннитами; в этом случае также можно предположить, не ограничивается ли суннизм ак-коюнлу верхними слоями государства?

В районе Тебриза мы находим тех же сектантов, и по-прежнему среди тюркского населения [30], но здесь их называют *gōḡāp* — от глагола *gōḡtek* 'видящий' [31]. В. Минорский предположил, что *gōḡāp* происходит от *gigaп*, но в Тебризе и его округе все *gōren* — турки, а не курды [32]. Часть тюркских племен шахсевенов, кочующих в Карадаге — в 150 км от Тебриза, являются *gōren* [35]. Существуют и другие поселения этих сектантов в горах Аламута (окрестности Казвина). Эти рассеянные в горах деревни исключительно труднодоступны. Мне удалось посетить несколько из них в окрестностях Абхара, но они охватывают значительно более обширный район [36]. Их называют *sig-talibi* 'ищущие тайну'. В других местах их называют *Гагарарап* (кара-папах) или *кызылбаш* [37].

Всех этих сектантов можно было бы объединить, как это часто делается, под общим именем, которое им и подходит наилучшим образом — *али илахи*, ибо у них у всех общим признаком является вера в божественность Али. Надо только установить, что значит для них Али. Многие ли из них осознают тождество этого Али с реальным историческим лицом? Подошло бы и другое наименование — *ахл-и хахк* 'люди истины', которое им часто служит самоназванием. Однако это наименование может ввести в заблуждение, так как работы В. Минорского и более поздние исследования М. Мокри [38] связывают это название с курдской религией, тогда как данное обозначение содержит в себе более широкий смысл и может быть также отнесено к тюркским сектантам Иранского Азербайджана. Я не намерена углубляться в этот вопрос, так как он связан с проблемой взаимоотношений между тюркскими и курдскими племенами, т. е. между *ахл-и хахк* и *йезиди*, что потребовало бы специальных исследований. Я только отмечу, что идеологической целью молодого шаха Исмаила было распространение идей

Мазхаб-и хакк («Секты истины») [43], члены которой называли себя «ахл-и хакк» («люди истины»). Это наименование «мазхаб-и хакк», по видимому, связано с движением кызылбашей. По этому поводу я приведу два «келам» (келам), приписываемых шаху Исмаилу и до сих пор передающихся в устной форме в районе Карадага в Иранском Азербайджане. Они бытуют в деревне Тазакенд, расположенной в 150 км от Ахара, где все жители — турки ахл-и хакк, относящиеся к *ханедан* Атешбаги [49].

İsma'ilem geldim cihana
Yere göğe dolanu menem.
Bilmiyenler bilsün meni
Men 'Ali'yem Ali menem [50].

Men Hakkam Hakkdan gelirem
On iki İmamın biriyem
Çahar köşeyi men alıram
Zat-ı kudret-i 'Ali menem [51].

Вот еще устная версия, бытующая среди ахл-и хакк, о которой мне сообщил Гусейн Бейкбагбан (он же указал мне и на оба приведенных выше келама); согласно этой версии, предок Сефевидов шейх Сефи ад-Дин был современником султана Исхака, основателя «Религии истины», и посетил его [52]. Версия, так же, как и два келама, свидетельствует о связях Сефевидов с ахл-и хакк. Изучение ахл-и хакк приводит к мысли, что их название относится к различным группам *ханедан* [53], одна из которых — *Чехелтен*, называемая также *Кырклар* 'Сорок' [54] и широко распространенная в Иранском Азербайджане, — очень близка к турецким бекташи. Я отмечу также, что различные группы ахл-и хакк — Чехелтен, Атешбаги, Баба Ядигари и другие — все признают Хаджи Бекташи, но в разной степени; одни видят в нем проявление бога, а другие — Джебраила [55].

Эти сектанты Иранского Азербайджана, которых мы для удобства назовем али-илахи, исповедуют верования, имеющие общие корни с таковыми алевитов Турции. Если говорить о главных постулатах этой религиозной системы, то можно сказать, что все они построены на вере в воплощение бога в образе человека. В исламский период бог принимает облик Али, это верование также основано на *дун бе дун* 'из одеяния в одеяние', т. е. подразумевает многообразие форм, перевоплощение. (Слово *дун* — турк. *дон* 'платье', а также 'воплощение'). Например, Хатаи говорит:

Bin bir dona girdi dolandı Murteza [8. С. 53, стих. 15].

Эта самая вера выражена в *келаме*, приписываемом шаху Исмаилу и упомянутом выше [56]. К числу общих для алевитов и али-илахи элементов относится и их главный праздник, справляемый за 6 недель до иранского Новруза, «когда снег начинает таять», т. е. в период февральских *календ*. У алевитов Турции этот праздник называется «Хызыр» («Хыдыр»), но это не праздник Хидреллеси («Хызыр Ильяс»), который празднуется в мае и отождествляется с праздником св. Георгия. У ахл-и хакк Атешбаги этот праздник отмечается в честь *Зат-и мулак* («Божья суть»); он же иногда называется «Праздником Али Хейдара», так как Али является «сутью бога». У *Кырклар*, или *Чехелтен*, этот праздник называется *Nebi Ваугати* («Праздником Неби», т. е. «Хыдыр Неби»). В 1975 г. этот праздник пришелся на период со вторника 11-го на пят-

ницу 14-го февраля. Ежегодно этот праздник отмечается в одно и то же время, в феврале, в определенные дни: после трех дней поста (вторник, среда, четверг), в ночь с четверга на пятницу, начинается сам праздник. Время этого праздника совпадает с древнетюркским Новым годом, а также с китайским Новым годом — согласно звериному циклу [57], описанному Марко Поло: «Действительно, у татар имеется праздник, называемый „Белым“, это их Новый год, приходящийся на время февральских календ» [59. С. 125]. Так же, как у татар, описанных Марко Поло, во время праздника Хыдыр преобладает белый цвет. После трехдневного поста люди очищаются, идут в хамам и надевают чистые одежды белого цвета. В ночь с четверга на пятницу они застилают стол белой скатертью, которую посыпают мукой. Если на следующее утро они увидят на муке изображение копыта лошади — это значит, что Хыдыр Неби посетил их дом. Тогда из этой муки тут же выпекается и раздается ритуальный хлеб, называемый в Анатолии *кӧме* или *кӧмте*. У *Чехелтен*, или *Кырклар*, в районе Тебриза этот хлеб называется *гирде*. Раздача *кӧме* сопровождается жертвоприношением барана и козы, мясо которых также раздается. У *Чехелтен*, или *Кырклар*, эта церемония происходит в поле, готовят *говуд*, т. е. вареную толченую пшеницу в честь Хызыра. Это же ритуальное блюдо известно и в Центральной Анатолии, где оно называется *кавуд* [60]. У кара-коюнлу, живущих в районе Хоя и Урмийе, в ночь с четверга на пятницу люди идут в поле, приносят в жертву быка и кровью этого быка орошают поле, вероятно, с целью повышения плодородия. Я никогда не слышала об этом обычае в Анатолии. Зато в Анатолии, так же, как и в Иране, бытуют лживые слухи об оргиях во время этих праздников. Но это только слухи, ибо мы не располагаем никакими доказательствами на этот счет [62]. Но и там и здесь детей, рождающихся в период этого праздника, называют Хыдыр.

В течение долгого времени я полагала, что самый главный праздник алевитов Анатолии — *Ашура* [63], который отмечается после двенадцатидневного траура в честь мучеников Кербелы. В Турции этот траур составляет 12 дней, а не 10, как в Иране. Теперь я могу сказать, что эти 12 дней траура появились позже, вероятно, в эпоху Сефевидов, тогда как февральский праздник восходит к старинной традиции древнетюркского звериного календаря, и только впоследствии этот праздник получил имя Хыдыра. Отмечу здесь, что в иранских общинах ахл-и хакк во время мухаррама праздник отмечается лишь символически, так как, согласно верованиям членов этих общин, имам не умирает: по циклу перевоплощения за смертью следует жизнь, и наоборот, Хусейн умер, но сразу же возродился в *дон* 'мученика', и так происходит испокон веков. Невозможно в короткой статье описать детали всех этих верований, однако мне хотелось бы отметить один деликатный момент, который проявляется в разной степени в обеих общинах. Речь идет о шайтане. Шайтан не является духом зла ни у алевитов Анатолии, ни у али-илахи или ахл-и хакк. Если шайтан не пожелал поклоняться Адаму, то это потому, что он слишком любил бога и не мог почитать никого другого, кроме него. Вина шайтана происходит от чрезмерной любви к божеству, и поэтому в циклах перевоплощения шайтан располагается вблизи от бога: когда бог проявляется в Али, шайтан проявляется в Канбаре (раб Али). В верованиях ахл-и хакк одним из воплощений шайтана является Малек Та'ус. Малек Та'ус наводит нас на ассоциацию с йезидами, верования которых в ряде пунктов сходятся с воззрениями алевитов и еще больше — с религиозными взглядами ахл-и хакк. По рассказам тех, кто присутствовал на ритуалах йезидов,

они верили в божество, называемое Малек Та'ус, которое они представляли в виде петуха [64]. По сообщению одного бывшего йезида из Сирта (Восточная Анатолия), Малек Та'уса зовут *хороз* [67]. Во время церемонии йезиды приносят знамена с изображением петуха [69]. Но петух, в особенности белый петух, очень почитается у алевитов. Жертвоприношение петуха сопровождает любое значительное событие. Так, во время ритуала посвящения или церемонии, когда два близких друга становятся *musahip* или *kap kardeşi* [70], в жертву приносят петуха, который получает имя Джебраил [71]. В этой связи я укажу на очень ценную книгу, которую нашла в алевитской деревне в районе Альбистана. Она называется «Буйрук» («*Buuguk*») и приписывается Джафар ас-Садыку, хотя, по всей видимости, относится к эпохе шаха Исмаила, так как Хатаи занимает в этой книге очень большое место. В ней содержится описание всех ритуалов и церемоний алевитов [73]. Одна из глав называется «*Oglaп ikrarı almanın tarifi beyanındadır*», т. е. «Инициация одного юноши»: «*Iptida, Cebra'il kac tane ise ayrı-ayrı tekbirlenecek. Ve Cebra'ilin sag kanadı sag gözü üzerine tutulacaktır. Sonra delil uyana-cak, döşek atılacak...*

Selman-i ferraştan sofrа gelecek. Sonra Cebra'iller gelecek. Gerek mürşid, gerek rehber, kendi bir lokma alınca birer lokma da çocuklara kendi cebra'illerinden „İkrarınız kaim olsun” deyip verilecek... Malum oia ki, evvel hangi Cebra'il tekbirleridir ise, sofraya iptida ol Cebra'il gelecektir.

В этой главе говорится, что независимо от числа петухов над каждым из них читается отдельная молитва (*такбир*) — «аллах акбар». Правый глаз петуха прикрывают его правым крылом, затем зажигается свеча и расстилаются шкуры животных. Служитель — Салман [74] приносит еду. Затем подаются петухи. Будь то *мюршид* или проводник, они перед едой дают юношам отведать кусочек своего петуха, приговаривая: «Пусть ваше посвящение будет вечным...» [75]. Естественно, что первым съеденным петухом будет тот, над которым был произнесен первый *такбир*.

Еще одно обоснование: в библиотеке «Топкапы сарай» находится рукопись «Мирадж-наме» из сокровищ султанов, *Хазине*, 2154 [76]. Текст совершенно разрушен, сохранились лишь миниатюры, по-видимому, из-за их красоты. Выполнил их персидский художник Ахмед Муса, а рукопись принадлежала Бахрам-Мирзе, одному из сыновей шаха Исмаила. Вероятно, она попала в руки османов во время одного из походов в Тебриз. Миниатюры изображают ночное восхождение Пророка, сидящего на Бураке. Мы видим Пророка, летящего на Бураке к седьмому небу, где находится '*арш*' трон небесный'. Пророка встречают у порога рая Ризван и Джебраил со свитой ангелов. Джебраил ведет его к небесному трону, где возвышается огромный белый петух, перед которым выстроились восхваляющие его ангелы [78]. «Мирадж-наме» — важный текст для понимания изучаемого нами феномена, так как сем алевитов или али-илахи является повторением на земле восхождения Пророка на небо, во время которого имело место знаменитое Пиршество сорока. Вот что мне устно передал алевит из района Сиваса: *Alevilerdeki sem demek kırkların semini taklit etmek, yani onu canlandırmağ* «Джем алевитов представляет имитацию, воспроизведение Пиршества сорока». Это, вероятно, оттуда ведут свое происхождение имена *Чехелтен*, или *Кырклар*, Иранского Азербайджана. Во время пиршества Мухаммед выжал сок из одной ягоды винограда и раздал его присутствующим, которые опьянели от него. Эти сорок, опьяневшие

от сока одной виноградины, встали и опоясались одной из сорока частей оброненного Мухаммедом тюрбана—для восхождения в *сема* (небеса), т. е. с целью вхождения в экстатический танец. И тогда все начали кружиться, как *перване*, в знак любви к божеству (Хакк—Мухаммед—Али). *Сема* алевитов восходит к этому поверью. Церемония, несомненно, была введена в эпоху шаха Исмаила. В «Буйруке», в главе, названной «*İki talibi musahip eylemek veyanındadır*» (где объясняется, как два новопосвященных становятся мусахибами), говорится, что «первый ритуал — пропеть три *нефеса* из Хатан». Как уже было сказано, Хатан постоянно упоминается в этой книге.

В деревне Кара-коюн в окрестностях Хоя, где я провела два летних сезона подвояд, глава деревни, бывший шейхом Атешбаги, потомком самого Хан Атеша [83], объяснил мне, что анатолийские алевиты и они сами исповедуют одну и ту же религию. Однако, в то время как алевиты испытали влияние суфизма шаха Исмаила и были объединены в тарикат бекташи, сами они сохранили свои верования в первоначальном виде.

Учитывая это, мы попытаемся осуществить историческую реконструкцию этапов религиозной политики первых Сефевидов. Находясь в среде туркманов, практиковавших домусульманские доктрины, основанные на представлениях о *дун бе дун* и проявлении божества в человеческом облике, первые Сефевидские властители (Джунейд, Гейдар) поняли, какую пользу они могут извлечь из этих верований для своей политической пропаганды. Они облекли эти верования в исламскую оболочку (суфизм и шиизм), и эти привнесенные покровы привились к первоначальным доктринам сектантов. Впоследствии в Анатолии, должно быть, Османское правительство для приобщения этой еретической массы к суннизму поручило секте бекташи, близкой к народу, организовать их тарикат. Но кинжал оказался обоюдоострым, ибо еретические элементы широко распространились внутри самого ордена Бекташи. Здесь я хочу отметить, что некоторые ученые, изучавшие проблемы Бекташи, указывали на наличие христианских элементов в верованиях членов этого ордена. Они часто преувеличивали их значение. Мы полагаем, что одной из особенностей бекташи, как и суфийских орденов вообще, является приспособление к окружающему миру. Когда же бекташизм проник в среду христиан, он смог приобрести христианские элементы. Но надо иметь в виду, что это частные вопросы, не затрагивающие существа проблемы. В Балканских странах мы находим некоторые черты влияния греческой православной религии: так, например, праздник *Hidrellez* (Хыдыр Ильяс), сходный с культом св. Георгия, или же культ св. *Çagalambos* отождествляется греками с Хаджи Бекташи [84]. А другие христианские святые, как, например, св. Сергий [87], ассимилируются с псевдомусульманскими святыми.

По всей видимости, этот синкретический феномен включает также элементы древних религий Ирана; так, мы обнаруживаем детали, указывающие на их родство с древними религиями курдов, о которых мы знаем мало. Я имею в виду, в частности, культ шайтана, который может вести свое происхождение от древних дуалистических культов, а также культ петуха (тоже иранского происхождения), связанный с Малек Та'усом йезидов.

На ложный путь встали те, кто, изучая проблему лишь по книгам или общаясь с населением через ненадежных посредников (в период кратковременного пребывания на месте), приняли церемонии алевитов, бекташи и других за обряды исповеди или причащения; так называе-

Рис. 1. Пророк сидит на Бурাকে. Музей «Топкапы» (рукопись библиотеки «Хазине», 2154)

Рис. 2. Пророка встречает Ризван (библиотека «Хазине», 2154)

Рис. 3. Пророка встречает Джебраил (сблиотека «Хазине», 2154)

Рис. 4. Пророк перед Небесным троном (библиотека «Хазине», 2154)

Рис. 5. Рукопись Парижской Национальной библиотеки, *supp. turc.* 190.

мый обряд исповеди алевитов — *dar* или *düşkünlük* всецело коренится в образе жизни племен, где глава общины, диктующий законы в своем племени или деревне, сам же выносит наказание и приговор. Это не имеет ничего общего с исповедью христиан. Некоторые, на первый взгляд, элементы обряда причастия у алевитов и бекташи, например, чаша, которой причащаются верующие, — это отзвук «Трапезы сорока».

Вместо того, чтобы дать конкретное описание религии кызылбашей, я предпочла углубить изучение этого вопроса и выявить источники этой религии. Должна признаться, что, несмотря на долгие годы исследований и почти постоянный контакт с изучаемой средой, для меня остается еще много неясных моментов. Однако я надеюсь, что хотя бы в некоторой степени смогла содействовать прояснению этой сложной проблемы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Выражаю признательность моему другу и коллеге проф. Октаю Эфендиеву, по инициативе и при участии которого эта статья (с небольшим сокращением) была переведена на русский язык для журнала «Советская тюркология».

² *Sadeddin Nüzhet Ergun. Bektaşî Şairleri ve Nefesleri. İstanbul, 1955. С. 1—2: 19 üncü asra kadar.* (2-е изд.; 1-е вышло в 1944 г. и представляло собой исправленное и дополненное издание первого сборника, вышедшего в 1930 г.).

³ *Idem. Bektaşî-Kızılbaş-Alevî Şairleri ve Nefesleri. 2-e éd. İstanbul, 1956. С. 3: 19 üncü asırdan beri.*

⁴ Под термином *туркман* мы подразумеваем кочевое или полукочевое тюркское население доосманского периода и первых веков Османской империи с тем, чтобы отличить его от городского оседлого населения, принявшего ислам и получившего образование в медресе.

⁵ *Aubin Jean. La Politique Religieuse des Safavides // Le Shi'isme Imamite* (коллоквиум в Страсбурге 6—9 мая 1968 г.). Paris, 1970.

⁶ Лучшее издание Дивана шаха Исмаила принадлежит Турхану Гянджеи [7]. Хотя это издание не критическое, оно основано на рукописи Национальной библиотеки Парижа «*Supplement Turc*» (датир. 958—1541), самой древней из существующих.

Диван шаха Исмаила был также издан в Турции [8] и в Советском Азербайджане А. Мамедовым [9], однако два последних издания содержат большое количество приписываемых поэту поэм.

⁷ Il Canzoniere di Şah İsmail Hatai. Napoli, 1959.

⁸ *Sadeddin Nühzet Ergun*. Hatayi Divanı: Şah İsmail-i Safevi. Hayatı ve Nefesleri. 2-с éd. İstanbul, 1956.

⁹ Шах Исмаил Хатаи әсәрләри. Баки, 1966—1973. Ч. 1—2.

¹⁰ Эта фетва была обнаружена муфтием Гамзой по наущению Селима I, когда он был всего лишь шахзаде, во время восстания Шах-кулу в 1511—1512 г.; существует несколько копий этого документа [11]. Эта фетва, как и рисале, осуждающая рафизы и их учение и принадлежащая везиру Ибн Камалу, имела целью удалить шиизм из мусульманского вероисповедания и узаконить приказ об уничтожении кызылбаши, изданный Селимом I после его прихода к власти в 1512 г. (ср.: [12. С. 52—56, 77—78]).

¹¹ Archives du Musée de Topkapı Sarayı, № 6401, 5960, 12077.

¹² *Tekindag Şehabeddin*. Yeni Kaynak ve Vesikaların Işığı altında Yavuz Sultan Selim'in İran Seferi. İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi, Mart, 1967. İstanbul, 1968.

¹³ On altıncı asırda Rafizilik ve Bektaşilik. İstanbul, 1932.

¹⁴ Ср.: [15].

¹⁵ *Abdülbaki Gölpınarlı*. Manakib-i Hacı Bektaş-ı Veli: Vilayet-Name. İstanbul, 1958.

¹⁶ Достаточно будет прочесть (см.: [2]) поэтов, предшествующих Хатаи, в частности Кайгузю Абдала; однако принадлежность стихов, приписываемых Абдал Мусе, который был организатором ордена Бекташи (см.: [17. С. 205; 18. С. 235—238]), вызывает сомнение.

¹⁷ *Aşıkpaşazade*. Tevarih-i Al-i Osman. İstanbul: 'Ali, 1332.

¹⁸ Osmanlı Tarihleri. İstanbul: Çiftçioglu N. Atsız, 1949. С. 1.

¹⁹ Ср.: [20. С. 381—383, 498].

²⁰ *Tahsin Yazıcı*. Türk Tarih Kurumu. III-e série. Ankara, 1959. Vol. 1, № 3.

²¹ По свидетельству Ахмедпазаде, Бекташи и его брат Минташ присоединились к Баба Ильясу [17. С. 204; 18. С. 237]. Афлаки сообщает о том, что Хаджи Бекташи был мюридом Баба Расула (он же Баба Исхак) [22. С. 381].

²² Menakib-ul Arifin / Ed. Tahsin Yazıcı. V. 1.

²³ Термин «шах» обозначает здесь «шах-и Мердан» «правителя людей», т. е. Али.

²⁴ Согласно традиции Кадынджык Ана родила двух детей, выпив воду для омовения. (См.: [15. С. 26—29; 25. С. 38]).

²⁵ *Birge J. K.* The Bektashi order of Dervishes. London, 1937.

²⁶ Одним из клеветнических замыслов является то, что будто после своих ночных служб сектанты тушили свечи и предавались оргиям. Это обвинение встречается во всех официальных документах; на это намекается и в фетве вышеупомянутого муфтия Гамзы [11. С. 51]. Вот еще один пример из документа, опубликованного Ахмедом Рефиком [27. С. 29, док. 35]: «... mezkur Hacı Yüğü nam kariyyede Kara Receb nam kimesne... Kizilbaşdır. Kendü emsali Kizilbaşlar ile cem' olub gece bir tenha eve girüb saz ve çalkı ve sayır alati levhile muhleltler olub, badehu şem'i söyündirib biri birini. avretin tasarruf ederler». Здесь речь идет о доносе одной женщины на своего мужа. До настоящего времени нам не удалось найти ни одного факта, подтверждающего правдивость этих сведений.

²⁷ Osmanlı Devrinde Rafizilik ve Bektaşilik: Kastamonu ve Taşköprü'deki Kizilbaşların tecziyesine dair (датир. док. 979/1571).

²⁸ В Кара-Килисе есть армянская церковь XIII в., рядом с которой находится еще одна, побольше, построенная в XIX в. Обе они посвящены св. Фаддею, на поклонение которому 27 июля приходит много народу. Реставрационные работы ведутся под руководством отца Мартина, с чьего любезного разрешения я смогла посетить святилище и побеседовать с рабочими — курдами-шафитами. Они сообщили, что «тюрк-е сиях», которых называют также кара-коюн и от которых они не примут даже хлеба, приходили иногда зажигать свечи и молиться. Речь идет о смешанном культе, который довольно часто встречается. Этому не следует придавать большого значения. Известно, что армянские деревни расположены вперемежку с деревнями кара-коюнов, а это свидетельствует об отсутствии враждебности между этими двумя общинами.

²⁹ Термин *тюрк-е сиях* является, несомненно, транспозицией слова кара-коюн.

³⁰ Я вношу это уточнение, чтобы отличить их от курдов ахл-и хакк, с которыми их объединяет, впрочем, много общих черт.

³¹ Мы опросили большое количество гөрән о значении этого термина в Урмийе, Маку и Тебризе; турки говорили *görän ya'ni götmüş* (в местном произношении — *söğän ya'ni sögmüş*). В Маку мне сказали: Ta'ifa Cöran'a Garagoyn derler, общину Cöğän называют Кара-Куюн. В Тебризе было сказано, что кара-папах также являются Cöğän. Я должна тем не менее уточнить, что один информатор — курд из района

Керманшаха — сказал мне, что *gōgān* было именем народа и что центр *gōgān* находился в Керманшахе. С другой стороны, Гусейн Бейкбабан, недавно завершивший докторскую диссертацию о религии истины («Исследование религиозной социологии у иранских ахл-и хакк»), обнаружил третье объяснение, быгующее по-видимому, в шиитских кругах: *gōgān* происходит от турецкого слова *kör* 'слепой' с персидским суффиксом мн. ч., что означает «те, которые слепы».

³² См.: [33; 34. С. 20—97].

³³ *Minorisky V. Ahl-i Hakk // EI. Нов. изд.*

³⁴ *Idem. Notes sur la secte des Ahl-é Hakk // RMM. 1920. Vol. 40.*

³⁵ Эти сведения сообщены нам Гусейном Бейкбабаном, который, занимаясь исследованиями, жил среди шахсевенских *gōgān*.

³⁶ Эта область нуждается в более тщательном изучении. Мы ограничились посещением деревень, куда можно было добраться на автомобиле. В отличие от других информаторов, принадлежащих к более или менее образованным кругам (ремесленники, мелкие торговцы, мелкие служащие, учителя, религиозные руководители), здесь мы общались с совершенно неграмотными людьми; отсюда и скудость полученной информации.

³⁷ Эта информация получена из Тебриза (см.: [31]).

³⁸ О работах В. Минорского см. библиографию в EI — новое издание—под статьей *Ahl-i Hakk* [33]; о работах М. Мокри см. среди прочих и [39—42].

³⁹ *Nur Ali-Shah Elahi. L'Esoterisme Kurde-Aperçus sur le secret gnostique des Fideles de Verite/Traduction et commentaire par M. Mokri. Paris, 1966.*

⁴⁰ *Shah-Nama-ye Haqiqat: (Le livre des Rois de Vérité). Téhéran; Paris, 1966. Vol. 1.*

⁴¹ *Le chasseur de Dieu et le mythe du Roi-Aigle (Dawra-y Damyari). Wiesbaden, 1967.*

⁴² *Contribution scientifique aux études iraniennes (recherches de Kurdologie). Paris, 1970.*

⁴³ Мы использовали данные из неопубликованной диссертации, защищенной в Сорбонне в декабре 1974 г. Гасаном Пирузджу [44. С. 40, 169]. Автор ссылается на [45. С. 61; 46. С. 28; 47. Л. 94, 116, 129—130, 175, 276; 48. С. 51].

⁴⁴ *Pirouzdjou Hassan. L'Iran au debut du XVIe siècle // Etudé d'Histoire Economique et Sociale.*

⁴⁵ *A chronicle of the Safawis, being the Ahsan'u-t-tawarikh of Hasan-i Rumlu / Ed. C. N. Seddon. Baroda, 1931, 1.*

⁴⁶ *Искендер-бек Торкман. Тарих-и 'алам-арайи Аббаси. Тегеран: Изд. Ираджа Афшара, 1340. 1.*

⁴⁷ *Фазли Исфакхани. Афзал ат-таварих (рукопись Британского музея, 4678).*

⁴⁸ *Aubin Jean. Sah Isma'il et les Notables de L'Iraq Persan // Journal of the economic and social history of the Orient. 1959. Vol. 2. Pt. 1.*

⁴⁹ Эти два «*kelam*» были сообщены Гусейном Бейкбабаном.

^{50,51} *Melikoff Irène. Le probleme kizilbaş // Turcica. Paris; Strasbourg, 1975. Tome 6.*

⁵² Эта информация сообщена Г. Бейкбабаном и упомянута в его диссертации (см.: [32]).

⁵³ Существует пятнадцать ханеданов ахл-и хакк. Этот вопрос тщательно рассмотрен в диссертации Г. Бейкбабана.

⁵⁴ Наименование Чехелтен, или Кырклар, обозначающее одно и то же, восходит, по-видимому, к «Банкету сорока» («*Kirklar Cemî*»), который состоялся в потустороннем мире, во время ночного путешествия Пророка. Айн-и Джем кызылбашей является его повторением на земле. Чехелтен, или Кырклар, известно всем святым бекташи: Кайгусузу Абдалу, Пир Султану Абдалу и другим, они обладают книгами бекташи и упоминают шаха Хатаи в своих молитвах.

⁵⁵ По свидетельству Сейида ахл-и хакк Ядигари, живущего в Тегеране, но уроженца Керманшаха, Хаджи Бекташи и султан Сохак (Исхак) — это одно лицо: «*Evvel Sultan Ishak (Sohak) oldu, sonra Hacı Bektaş oldu, sonra Baba Yedigâr oldu*». Султан Исхак является основателем «Религии истины», а Баба Ядигар, родившийся в Керманшахе 500 лет тому назад, — предок ханедана Ядигари.

⁵⁶ Ср.: по свидетельству вышеупомянутого информатора (см.: [55]), «*adam mîjn bir defa dîm be dîm dînu'ya gelir ve her defa beher gelir*» 'человек возвращается на землю тысячу и один раз в различном облике, и с каждым разом он становится все лучше'.

⁵⁷ См.: [58. С. 337, 579, 717, 740]. Мы позаимствовали у нашего коллеги и друга Луи Базена мысль о сходстве праздника Хыдыр и древнетюркского Нового года; за что благодарим его.

⁵⁸ *Barin Louis. Les Calendriers Turks Anciens et Médiéaux. Lille, 1974 (Service de reproduction de thèses Université de Lille, 3).*

⁵⁹ *Polo Marco. La Description du Monde / Traduction et commentaire par Louis Hambis. Paris, 1955.*

⁶⁰ По поводу kömte (или köme), girde, kavud см.: [61. 36—37, 107, 116, 132—133].

⁶¹ Koşay H. Z. et Ulkücan A. Anadolu yemekleri ve türk mutfagi. Ankara, 1961.

⁶² Следует признать, что некоторые детали повторяются, а это может свидетельствовать о наличии в субстрате элементов оргийного характера; однако сведения об этом очень скудны. Мы намереваемся вернуться к этой теме в сообщении о «Некоторых праздниках алевитов Анатолии» на заседании Азиатского общества.

⁶³ Во время праздника Ашура алевитов, дата которого сдвинута по отношению к 10 мухаррама из-за 12-дневного траура по 12 имамам, принято готовить и угощать ритуальным блюдом, называемым ашура. Это блюдо подается в память мучеников Кербелы. Празднику предшествуют 12 дней очень строгого траура: необходимо одеваться в черное, не пить воды, не пользоваться водой для омовения, не пользоваться ножом, что означает отказ от твердой пищи, и т. д. Принято собираться, читать и слушать мерсиёе, жалобные песнопения.

⁶⁴ Ср.: [65. С. 112. 122—124; 66. С. 132, 216]. (Последняя работа, богатая ссылками, должна использоваться с большой осторожностью).

⁶⁵ Badger G. R. The Nestorians and their Rituals; with the Narrative of a Mission to Mesopotamia and Coordistan in 1842—1844: 2 vol. London, 1852. Vol. 1.

⁶⁶ Müller Klaus E. Kulturhistorische Studien zur Genese Pseudo-Islamischer Sektengebilde in Vorderasien. Wiesbaden, 1967.

⁶⁷ Наш информатор — представитель фамилии лезидского происхождения, принявшей суннизм; по его словам, «Melek Tavus'a Horoz diyorlar». Это свидетельство подтверждается В. Никитиным, согласно которому у лезидов павлина называют петухом. Ср.: [68. С. 226].

⁶⁸ Les Kurdes: Etudes Sociologiques et Historiques. Paris, 1956.

⁶⁹ Иллюстрацию можно найти в [65. С. 124, 127].

⁷⁰ Этот обычай *мусахиб* у алевитов Анатолии, называемый также *ахирет кардеш* у ахл-и хакк или *икрар-кардеш* у Атешбаги и существующий также у йезидов, слишком существен, чтобы о нем говорить вскользь. Он нуждается в специальном изучении. По исламизированным обычаям, первыми *мусахиб* на этом свете были Мухаммед и Али, а на том свете — Джебраил и Адам. Может быть, эта традиция связана с обществами Ахи, поскольку после церемонии, соединившей Джебраила и Адама узами братства, Адам стал называть Джебраила «Ахи». Эти сведения заимствованы из книги «Буйрук» (см. ниже).

⁷¹ V. Cuinet (ср.: [72. С. 619 и след.]) уже сообщал, что у кызылбашей петух символизирует архангела Гавриила и принеслся в жертву. Вот устное сообщение одного деде алевита: «Horoz Cebraildir; ilk musahip tutuldugunda kurban olarak Horoz (ya'ni Cebrail) kesilir ve onun ismine, 'Cebrail denilir'». Это, в свою очередь, ставит новую проблему, которая должна быть исследована отдельно: есть много общего между Малек Та'усом йезидов и Джебраилом алевитов, оба они были изгнаны богом, одним с дерева, другой — с трона.

⁷² Cuinet V. La Turquie d'Asie. Paris, 1892.

⁷³ Этот сборник исчез. Найденные книги, носящие название «Буйрук Джа'фара Садика» являются всего лишь катехизисами суннитского ислама и не имеют ничего общего с настоящим «Буйруком».

⁷⁴ Т. е. Салман-и Фарраш; речь идет о Салман-и Пак, или Салман-и Фарси, который занимает основное место в церемониях алевитов; это место, занимаемое Салман-и Паком во время «Банкета сорока» (см. ниже). До начала церемонии руководящий ею Джем Деде выбирает среди присутствующих того, кто будет играть роль Салман-и Фарраша; это одна из 12 служб, и наиболее значительная из них. Следует напомнить, что Салман-и Фарси (или Салман-и Пак) был покровителем ремесленных корпораций.

⁷⁵ Речь идет о детях, прошедших обряд посвящения.

⁷⁶ Миниатюры эти были репродуцированы и изучены с искусствоведческой точки зрения в работе [77].

⁷⁷ Ipşiroğlu M. S. et Eyüboğlu S. Sur l'Album du Concuérant (publications de la Faculté des Lettres d'Istanbul). S. a.

⁷⁸ В рукописи «Мирадж-наме» (Парижская Национальная библиотека, suppl. turc 190), написанной уйгурскими буквами и датированной 1513 г., на листе 11 имеется миниатюра с изображением огромного белого петуха, которого Пророк встретил во время своего восхождения (см. там же, миниатюра V); Пророк сидит на Бураке, Джебраил сидит за ним, надпись к миниатюре гласит: «Resul'aleyhi es-selam-sema'i evveliyev vasil oldukda 'arşda bir ak horos gördi ki başı 'arş altında ayakları yer yüzünde».

По мусульманской традиции, под тронем бога сидит белый петух, он отсчитывает часы дня и ночи, и, когда наступает час утренней молитвы, он оповещает об этом криком, который подхватывают все петухи на земле. Этот петух, встречающийся и в верованиях евреев, — маздетского происхождения, о нем упоминается в «Авесте» (Vendidad, Farg., XVIII, 15) — см.: [79. С. 245; 80. С. 12]; можно предположить, что петух, эта одинокая птица, — символ воскресения и вечной жизни, была связана также с культом Митры; ср.: [81. С. 283—300; 82. С. 59—70, особенно 61].

⁷⁹ Darmesteter J. The Zend-Avesta. T. 2.

⁸⁰ *Idem.* T. 3.

⁸¹ *Cumont Franz.* Le coq blanc des Mazdéens et les Pythagoriciens. Compte-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Année 1942.

⁸² *Goodenough Erwin R.* Jewish Symbols in the Greco-Roman Period VIII, New-York, 1958.

⁸³ Речь идет об основателе секты ахл-и хакк Атешбаги (см.: [53]).

⁸⁴ Об этом уже сообщал Иоанн Кантакузин (см.: [85. С. 512]).

⁸⁵ *Cantacuzène Jean* // P. G. CLIV (см. также: [86. С. 485]).

⁸⁶ *Vryonis S.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth century. University of California Press, Berkeley; Los Angeles; London, 1971.

⁸⁷ Ср.: [25. С. 39]. Св. Сергей также был уподоблен Хыдыр Ильясу (ср.: [65. С. 327]). О прочих примерах см.: [86, С. 435 и след.].

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА

На соискание Государственной премии Казахской ССР 1990 г. в области науки Институтом литературы и искусства имени М. О. Ауэзова АН КазССР представлена коллективная монография «История казахской фольклористики: Досоветский период». (Алма-Ата: Наука, 1988. 432 с.). Руководитель работы — член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, доктор филологических наук Р. Бердибаев. Авторы основных аналитических глав — ведущие фольклористы республики С. Каскабасов, Т. Сыдыков, Ш. Ибраев и др.

Несметны сокровища казахского фольклора. Путешественники XVIII—XIX вв., должностные лица, ученые, побывавшие в Степном крае, неизменно обращали внимание на поэтичность мировоззрения его обитателей, на то, как высоко ценили казахи искусство слова, как каждый род и даже аул гордились своими акынами.

Время беспощадно. Но и до наших дней дошли остатки устно-поэтического творчества кочевников. Легендами овеваны имена акынов и жырау, щедро черпавших из глубин народного фольклора. Из уст в уста передавалось наследство предков. «Способность в этом народе к хранению преданий... развита настолько, что целые сотни легенд и фактов... передаются с необыкновенной точностью... Живыми хранителями и распространителями преданий служат странствующие певцы-импровизаторы...», — писал А. Е. Алекторов в 1893 г. в «Астраханском вестнике».

Изучению шедевров казахского фольклора посвящено сегодня немало солидных научных трудов. Кардинальным вопросам казахской фольклористики, сформировавшейся в качестве науки еще в прошлом столетии, посвящена впервые предпринятая в регионе республик Средней Азии и Казахстана научно-исследовательская работа, трактуемая историко становления этой области филологии.

Работу предваряет обстоятельное введение, в котором излагаются принципы и цели исследования, приводятся характеристика исторических и культурных предпосылок возникновения казахской фольклористики, указываются более ранние источники — тюркоязычные, а также созданные на арабском, персидском, монгольском и других языках. Раскрывается преимущес-

ность фольклорной и литературной традиций средневекового и позднейшего Казахстана.

В первой главе рецензируемой монографии систематизируются знания о казахской фольклористике поворотного в истории края отрезка времени — второй половины XVIII—начала XIX в., когда интерес к культуре, языку, этнографии обитателей степного общества значительно возрос. Первые сведения о казахском народе стали известны в Европе благодаря трудам Г. Палласа («Путешествие по разным провинциям Российской империи» — пер. с нем.), Н. Рычкова («Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи 1771 года»), И. Г. Георги и других авторов, с различными целями путешествовавших по безбрежной степи и описавших не только природу и географию, но и быт, хозяйство, нравы коренных жителей, их поэтическое и музыкальное творчество.

Особое место в ряду подобных работ занимает трехтомный труд А. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (СПб., 1832). Интересны наблюдения А. Янушкевича, пространно изложившего свои суждения об импровизации и поэзии, музыке и музыкальных инструментах, айтысах акынов, тяжбе-спорах ораторов, байге и других играх казахов. Надо отметить, что до указанного времени исследования национального духовного наследия не предпринимались.

Главу «Казахская фольклористика XVIII и первой половины XIX века» дополняет полновесный портрет одного из зачинателей казахской фольклористики — Чокана Валиханова, дающий восторженное представление о жизни и творчестве этого выдающегося ученого-этнографа. Самобытны его исследования многих литературных памятников в тесной сопряженности с эпохой, породившей их, с уровнем мышления того периода, в сопоставлении с собственным временем. Применяя комплексный подход к изучению драгоценного наследия, оставленного создателями образцов устного народного творчества, Ч. Валиханов высказал немало ценных научных идей. Первые записи казахского и киргизского фольклора (в частности эпоса «Манас») сделаны им на языке оригинала.

Замечено, что многие эпические и исторические произведения, жыры, дастаны, сказки дошли до XIX в. не замутненными ахронизмами, в относительно чистом и полном виде: «Через удивительную память импровизаторов все древние поэты, воспевшие подвиги героев, многие из них, по древности языка, по многим словам, непонятным для нового поколения, и по историческим известиям о своих героях, принадлежащие ко времени Золотой Орды, сохранились до нас без искажения... Изумительно, с какою свежестью сохранили киргизы (т. е. казахи. — А. Ж.) свои древние предания и поверья и еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сличении были буквально тождественны как списки одной рукописи. Как ни странна кажется подобная невероятная точность из устных источников кочевой безграмотной орды, тем не менее это действительный факт, не подлежащий сомнению». — писал ученый (Валиханов Ч. Сочинения. Т. I. С. 391).

Исследователь не сомневался, что произведения Бухара, последнего крупного представителя подлинной поэзии жырау, творчество которого питалось древней поэзией кочевников, записанные им, сохранились в первоначальном виде. Тайна столь удивительного явления — в высоком художественном уровне произведений устного творчества, обилии крылатых слов, пословиц, мудрых изречений. В середине прошлого века Ч. Валиханов с сожалением писал о том, как быстро стали исчезать из народной памяти древние стихи и жыры. Он отмечал, что связано это с уменьшением в новой исторической обстановке числа носителей поэтического наследия народа, таких акынов, как Орынбай, Жанак, Арыстанбай, которые славятся по всей степи как истинные хранители искусства древних веков, приводя в восторг своими свободно львющимися импровизациями русских этнографов и литераторов.

И сегодня нам остается горько сожалеть, что многие эпические и исторические произведения не были вовремя записаны и сравнительно недавно бесследно исчезли.

Автор второй главы «Казахская фольклористика второй половины XIX века» С. Каскабасов раскрывает процесс формирования ее как самостоятельной науки в период после полного присоединения Казахстана к России. Сбор и изучение образцов казахского устного творчества и произведений известных акынов и жырау фактически начались в середине минувшего века. По мнению ученого, этот период делится на три этапа: до 1860 г. — собирательно-популяризаторский, следующие двадцать лет — публикация текстов на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», «Московских ведомостей», «Тобольских губернских ведомостей», «Северной пчелы», «Вестника Европы», «Туркестан-

ских ведомостей». Это и издание отдельных сборников образцов фольклорных материалов, специальных исследовательских работ, первых библиографических справочников, статей, очерков, заметок, а также научных трудов русских ученых-востоковедов В. В. Радлова, И. Н. Березина, В. В. Григорьева, П. М. Меллиоранского, А. Е. Алекторовой, Я. Лютша, собравших и опубликовавших богатые материалы в области устного творчества казахского народа, что создавало предпосылки для дальнейшего теоретического изучения фольклора.

Третий этап, 1880—1900 гг., характеризуется тем, что благодаря сравнительным фольклористическим студиям акад. А. Н. Веселовского, В. В. Стасова, В. Ф. Миллера, казахское устно-поэтическое творчество привлекло внимание российской и европейской филологической науки.

Об искусстве красноречия казахов, о ценности образцов устного творчества высказано немало глубоких, не потерявших своего научного значения мыслей русскими и западно-европейскими литературоведами и этнографами. «В духовном отношении киргизы (т. е. казахи. — А. Ж.) принадлежат к числу богатоодаренных племен. Их народная литература отличается богатством и разнообразием», — писал Д. Клеменц. «Народ... смотрит на ритмическую речь, как на высшее искусство в мире. Поэтому народная поэзия у киргизов достигла высокой степени развития», — указывал акад. В. В. Радлов. «Лишенные всякой искусственности и тех литературных эффектов, которые впоследствии непременно проникают во всякую поэзию, киргизские песни поражают действительной поэтической прелестью, соединенною с художественной простотой и правдивостью», — отмечал М. Готовицкий. Им вторил А. Е. Алекторов: «Юн и свеж казахский народ; юна, свежа и с отзвуком первобытности его поэзия — плод высшей творческой силы». Или высказывание А. Брема: «Киргиз отлично умеет владеть своим языком. Свойство это присуще одинаково всем — бедным и богатым, знатым и незнатым, образованным и необразованным».

Логическим продолжением главы предстают в книге разделы «Ибрай Алтынсарин», «Абай Кунанбаев», «В. В. Радлов», «Г. Н. Потанин», в которых дается определение принципов собирания и изучения фольклорных текстов, анализ фольклористических концепций крупнейших востоковедов и тюркологов.

Если для Ч. Валиханова фольклор — «выражение народного духа, понятий, обычаев, нравов, образа жизни», то Абай относился к образцам народного творчества как к источнику знаний. Творчески используя сюжеты и поэтику фольклорных произведений, он сопоставлял и анализировал пословицы и поговорки, отдельные предания и афоризмы. На первом месте у него —

связь фольклора с жизнью и историей народа.

Образцы устного народного творчества для первого казахского педагога и просветителя И. Алтынсарина — прежде всего средство воспитания подрастающих поколений. Именно педагогическими целями руководствовался он при составлении своей «Казахской хрестоматии» (Оренбург, 1879), отбирая для нее прекрасные образцы духовной культуры родного народа.

Исключительной интенсивностью отличалась многообразная исследовательская деятельность В. В. Радлова, чьи труды, в частности «Образцы народной литературы тюркских племен» (Пб., 1870), по сей день не утратили своей ценности. Как языковед он скрупулезно фиксировал не только сюжетные, но и словесно-фонетические особенности и отклонения в фольклорных текстах.

Свою «конспективную» методику записей, продиктованную интересом не столько к поэтике, сколько к сюжетам и их вариантам, выработал в ходе экспедиций Г. Н. Потанин, который прямо указывал, что у казахов часто встречаются разного рода рукописи с записями различных легенд, стихов и жывов. Его высказывания о сюжетах эпоса, преданий, об их типологических свойствах до сих пор находят отклик у современных фольклористов.

В эти же годы началось изучение казахского музыкального творчества, которому в монографии отведен специальный раздел, где анализируется исследовательская деятельность М. Готовицкого, А. Эйхгорна, П. Тихова, Р. Пкреннига, С. Рыбакова и др. «Киргизы на своих певцов смотрят с таким же уважением, как смотрели арабы на своих певцов-наездников, и относятся к ним почти так же, как в средние века относились к миннезингерам и менестрелям», — свидетельствует М. Готовицкий.

Создаются программы для собирателей, тексты переводятся на русский язык, отдельные фольклорные произведения печатаются на европейских языках. Богатством материала выделяется в этот период «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» А. Алекторова. Венчает заключительный этап развития казахской фольклористики XIX в. проблемная статья «Женщина в киргизской былинне „Кобланды“, подписанная псевдонимом «Туземец». Эта работа — красноречивое доказательство того, что в конце прошлого

века казахская фольклористика как наука уже вполне сложилась.

XX век — это огромные социально-экономические и общественно-культурные преобразования, в свою очередь сообщившие высокий темп, особую динамичность фольклористическим изысканиям. Образцы устно-поэтического творчества выходят в «Дала уалаятынын газети», издававшейся и на русском языке, в журнале «Айкач», в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете.

Собиратели и популяризаторы из среды коренного населения, своеобразные историки родной литературы, получившие русское образование и служившие при канцеляриях царской администрации — С. Джантюрин, Т. Сейдалин, Б. Адыков, Ж. Айманов, Д. Жетписбаев, Б. Даулбаев, М. Ибрагимов и другие, — трудятся рука об руку с крупнейшими этнографами, ориенталистами А. Белослюдовым, А. Васильевым, Р. Карутцем, Н. Катановым, И. Крафтом, Н. Пантусовым, Я. Полферовым, М. Миропиевым, Н. Ильминским, А. Ивановским, всесторонняя характеристика фольклористической деятельности которых приводится в третьей главе монографии. Здесь же в отдельные разделы выделены портреты Аубакира Диваева, оставившего заметный след в родной фольклористике, и Машхур Жусупа Копеева, чьи богатые собрания отличаются предельной точностью (его собственные поэтические творения щедро впитали в себя фольклорные традиции).

А. А. Диваев записывал тексты на казахском языке с параллельным переводом на русский. В отличие от других фольклористов, он давал краткие паспортные данные каждого текста, сообщал имена импровизаторов, места их жительства, а также снабжал публикации лаконичными пояснениями в виде заметок.

Завершают монографию «История казахской фольклористики: Досоветский период» резюме (на русском языке), исчерпывающая библиография и указатель имен.

В заключение остается поздравить научную общественность и самую широкую читательскую аудиторию с созданием подробной летописи, полного свода казахской фольклористики дореволюционного периода. Монография может быть использована и в качестве учебного пособия.

А. Жетписбаев

Н. А. БАСКАКОВ. ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

М.: НАУКА, 1988. 208 с.

Рецензируемая книга содержит результаты многолетних исследований видного советского тюрколога Н. А. Баскакова, которому принадлежат оригинальные труды по диахроническому и историко-типологическому изучению синтаксиса¹, морфологии² и фонологии тюркских языков. Н. А. Баскаков подверг глубокому анализу развитие тюркских языков — от древнего изолирующего до современного агглютинативного их строя, а также показал становление различных типов фонологической структуры слова, его составляющих элементов, т. е. корневой и аффиксальных морфем, закономерность их присоединения.

В отличие от других исследователей, работающих в области диахронической фонологии, Н. А. Баскаков опирается на установление и реконструкцию типов фонологической структуры слова, так как для него фонология слова по своему составу изоморфна морфологии слова, которая, в свою очередь, соответствует фонологии корневой морфемы, а морфология словосочетания и предложения (словоизменение) соответствует фонологии сочетаний корневой морфемы с аффиксами. Основными задачами автора данной книги являются реконструкции древних типов фонологической структуры слова и их сравнительно-типологическое исследование в современных тюркских языках. При этом слово выступает как центральная узловое единица, связывающая все уровни языка и обуславливающая историко-типологический и диахронический анализ различных фонетических и фонологических явлений, фонематическую структуру слова, ее эволюцию на различных этапах развития тюркских языков. Интересно отметить, что Н. А. Баскаков остался верен своим глубоким идеям относительно развития фонологической системы и фонематической структуры тюркских языков, о которых писал неоднократно в своих различных работах.

Хотя уже существует фундаментальная работа по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков³, в которой имеется немало предварительных фонологических изысканий, в настоящее время исследование по историко-типологической фонологии

тюркских языков находятся еще на начальной стадии. Есть, разумеется, и ценные исследования в этой области, среди которых следует выделить фундаментальную монографию А. М. Щербака⁴, написанную в духе современных фонологических идей и сочетающую диахронический и синхронный аспекты исследования тюркских языков.

Н. А. Баскаков дает краткий обзор работ по сравнительно-исторической фонетике и типологической фонологии тюркских языков, называя их двумя различными направлениями, хотя они взаимосвязаны, ибо фонетические данные, как правило, подвергаются фонологической интерпретации.

Как отмечает В. К. Журавлев, понятийный аппарат диахронической фонологии состоит из трех компонентов: 1) фундаментальные понятия, отражающие системобразующие факторы (позиция, оппозиция, корреляция, нейтрализация, фонологический признак и др.); 2) понятия, вскрывающие структуру диахронического процесса (позиционное варьирование, фонологизация и дегергенция, морфонологизация и социализация); 3) формулы, отражающие динамику системных связей и тем самым вскрывающие эволюцию фонологической системы⁵.

Близкий к этому понятийный аппарат с включением типологических методов предложен Н. А. Баскаковым во введении к его книге (с. 3—25), и, исходя из этого, автор в последующих главах рассматривает фонологическую структуру корневой морфемы, процессы развития гласных и согласных фонем, формирование составных типов фонологической структуры и взаимоотношение фонематической и просодической структур слова и слога.

Анализируя вокализм и консонантизм первого, второго и третьего периодов, Н. А. Баскаков отмечает, что этим периодам предшествовали более ранние этапы, которые могут быть прослежены только гипотетически, для чего необходимо использовать соответствующие методы, позволяющие с определенной достоверностью вскрыть закономерность развития фонологической системы древних тюркских языков. Такими методами для автора служили метод внутренней ретроспективной реконструкции и некоторые приемы сравнительно-исторического метода, надежность которых не подлежит сомнению, что доказано многими другими исследованиями по

¹ См.: Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: Словосочетание и предложение. М.: Наука, 1975.

² См.: Он же. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М.: Наука, 1979 и другие его работы.

³ См.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М.: Наука, 1984.

⁴ См.: Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970.

⁵ Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. С. 144.

диасхронической фонологии⁶. Нам уже приходилось писать⁷ об оригинальности фонологического подхода Н. А. Баскакова, который считает, что в тюркских языках определяющими фонологическую структуру слова являются согласные, обуславливающие характер не только слога, но и всего слова. В частности, слог типа СГС одновременно выступает и в значении самостоятельного слова, и такое совпадение приводит к признанию «словофонемы» (термин Н. А. Баскакова, с. 17). Что касается гласных, то все они представляются только вариантами одной гласной фонемы, имеющей всего один основной признак слога. Это особенно ясно наблюдается в сингармонических сочетаниях (словах, корневых морфемах, словах), в которых гласные выступают в полной зависимости от небного, лабиального и тембрального качества слогаобразующих согласных: либо как задних, либо как передних, либо как губных и негубных, либо как узких и широких коррелятов гласных.

Наиболее древним корневым типом фонологической структуры слова является СГС (CVC), а такие типы, как ГС, СГ, ГСГ, ГСС, СГСС и другие, представляют собой результат длительного фонетического развития либо редукции одного из консонантных элементов или фузии и наращивания аффиксальных морфем.

Как справедливо отмечает Н. А. Баскаков, в большинстве современных тюркских языков корневые морфемы в исконной лексике характеризуются довольно ограниченным набором согласных и восемью основными гласными фонемами: четырьмя нижнего подъема — *a, e, o, ö* (или *a, i, u, ü*) и четырьмя верхнего подъема — *y, i, u, ü* (в некоторых языках и долгие гласные), а аффиксальные морфемы — той же системой согласных и только двумя гласными фонемами — *a* (нижнего подъема) и *y* (верхнего подъема) с соответствующими вариантами, зависящими от сингармонизма.

²⁵ Согласно предположению автора книги, структура тюркского слова, соответствующая корневой морфеме, имела своеобразную «морфофонему» (термин Н. А. Баскакова), в которой все дифференциальные признаки, характеризующие тембровую окраску составляющих ее консонантных элементов, являются общими для всей корневой морфемы. Такая морфофонема соответ-

ствовала моновокалическому типу фонологической структуры слова, о существовании которого в древних тюркских и протондоевропейском языках писали М. Моллова⁸, ван И. Гиннекен⁹ и др. В своих прежних работах Н. А. Баскаков больше писал о существовании одной «гиперфонемы» (термин Н. А. Баскакова), реализуемой в виде восьми основных позиционных типов гласных фонем в тюркских языках¹⁰. С нашей точки зрения, в данном случае более удачным будет использование термина «морфофонема», нежели термина «гиперфонема»; последний представителями Московской фонологической школы употребляется в том случае, когда возникает фонологическая нейтрализация, — он близок к понятию «архифонемы» Н. С. Трубецкого и других представителей пражской фонологической школы. По Н. А. Баскакову, в древних тюркских языках с изолирующим строем и моновокалическим характером структуры слова дифференциальные признаки подъема, палатализации и лабиализации реализовались различными тонами, подобно тому, как это имеет место в некоторых современных языках Юго-Восточной Азии. Для доказательства этого автор приводит примеры из каракалпакского языка: *uj* 'дом', *uj* 'собирать в кучу', *sal* 'плот', *sal* 'класть, положить', *art* 'спина', *art* 'навьючить' и т. д. Эту же близость к изолирующему строю древних тюркских языков можно объяснить также наличием фиксированного ударения первоначально в первом слоге слова, т. е. в корневой морфеме, которая в этой позиции сохранялась в современных монгольских языках. И только позже, в агглютинативном строе, в слове, изоморфном словосочетанию, ударение перешло на последний слог. Эти предположения Н. А. Баскакова весьма близки к реальности, так как исследователи отмечают наличие тонового элемента даже в некоторых современных тюркских языках наряду с динамическим ударением и переход уда-

⁸ См.: Моллова М. К истории тюркского вокализма // *Вопр. языкознания*. 1966. № 2.

⁹ См.: Ginneken I. Van. Ein never Versuch zur Typologie der älteren Sprachstrukturen // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. 1939. 8. (Цит. по: Клычков Г. С. Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка // *Вопр. языкознания*. 1963. № 3. С. 3—14).

¹⁰ Гипотеза о моновокализме в протондоевропейском языке подвергается критике в современных исследованиях. См.: Клычков Г. С. Теория верификации в сравнительно-историческом языкознании // *Теория и методология языкознания: Методы исследования языка*. М.: Наука, 1989. С. 94—95.

⁶ См.: Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. 2: Фонология.
⁷ Шаабдурахманов Ш. Ш., Абдуазизов А. А. К проблеме теории и метода фонетико-фонологического анализа в исследованиях тюркских языков // *Общественные науки в Узбекистане*. 1976. № 10. С. 60—61.

рения с начального на последний слог слова¹¹.

В книге устанавливаются три основных типа фонологической структуры тюркских языков, исторически предшествующих современному тюркским языкам, которые имеют уже множество различных типов и моделей, сформировавшихся в результате как имманентного их развития, так и благодаря воздействию различных субстратных и адстратных языков. Первый тип — моновокалический, характерный для самого древнего состояния тюркских языков, когда они имели изолирующий строй и сохраняли трехзвучную основу корневой морфемы, состоящей из одной морфемы — одного гласного и двух согласных элементов СГС, в которой гласный выполнял только слогаобразующую функцию, а согласные несли смысловоразличительную функцию и имели восемь различных модификаций.

Второй тип структуры слова — более поздний — характеризуется процессами морфологического развития. Вокализм этого типа имел две основные гласные фонемы /i/, /u/ с различными модификациями, различавшимися по тембру (подъему); другие же дифференциальные признаки — лабиализация и палатализация, согласно законам сингармонизма, относились ко всему слову. Что касается согласных, то были четыре их модификации, и различались они только по признакам лабиализации и палатализации. Последний тип фонологической структуры тюркских языков имеет восемь гласных фонем и более развитую систему согласных фонем.

При этом наблюдается переход дифференциальных признаков согласных фонем на гласные фонемы, причем последние имеют симметричную противопоставленность, а также различные разновидности в зависимости от групповой классификации тюркских языков (огузские, кыпчакские, карлукские, уйгуро-огузские (сибирские), булгарские и т. д.).

В книге проводится детальный анализ фонологической структуры корневой морфемы СГС, Г, СГ, ГС, ГСС, СГСС и т. д. в различных тюркских языках. Этот анализ неопровержимо свидетельствует в пользу концепции «Древнетюркского словаря» (Л., 1969) относительно первичности типа СГС, который статистически составляет 76,3% (с. 31 рецензируемой работы); в книге приведены примеры из этого словаря с индексом корневых морфем, встречающихся в древнетюркских языках (с. 59—71). Анализ распределения фонем в различных позициях — в анлауте, ауслауте, инлауте, в начале и конце простых и производных корневых морфем — позволяет установить их

варьирование и комбинаторно-позиционные разновидности.

В книге приводится периодизация развития фонематической структуры в связи с развитием вокализма (глава II). Фонологическая эволюция тюркских языков в разные периоды (доалтайский, алтайский, хунский, древнетюркский, период формирования современных тюркских языков) происходила весьма сложно: от морфофонемы моновокалического типа к дифференциации вокализма по признаку тембра (две гласные фонемы) и далее — дифференциации восьми гласных фонем с двумя типами вокализма; этот процесс взаимосвязан с переходом изолирующего строя к агглютинативному строю языка. Что же касается эволюции согласных, то она происходила, прежде всего, в отношении фонологизации аллофонов по признакам соноризации и спирантизации и позже — по глухости и звонкости; последний не завершился в некоторых тюркских языках и в настоящее время (например в алтайском). При этом пратюркская корреляция гласных по долготе утратилась (в азербайджанском: *dxa* → *a*, *dxo* → *o*, но полезное противопоставление сохраняется соседним согласным за счет фонологизации оппозиции по звонкости: ср.: туркм. *dt* — *ot*, якут. *yot* — *ot*, азерб. *od* — *ot* 'огонь — трава'¹².

Для более поздних периодов развития фонематических систем характерными считаются частые процессы в результате влияния субстратных и адстратных языков: 1) появление специфических гласных — *ä* (*a*) и *ä* (в уйгурском, узбекском, татарском, башкирском и др.); 2) делябиализация (в якутском, тувинском, уйгурском, турецком и др.); 3) депалатализация (в турецком и др.); 4) фарингализация (в тофаларском, тувинском и др.); 5) умлаут (в уйгурском и др.) и сингармонизм (во многих тюркских языках и диалектах).

С точки зрения Н. А. Баскакова, закон редуциции гласных не связан с сингармонизмом, как предполагают некоторые исследователи, а связан со структурой ударений в слове — второстепенных и главного. Действие закона редуциции заключается в том, что широкие гласные *a* и *ä*, попадая в безударную позицию, редуцируются и переходят в узкие *i* или *ü*, например: *ketä* — *keti* — *la(r)* 'лодка — лодки'; *haŋva* — *haŋvi* — *la(r)* 'арба — арбы' (с. 97). Действительно, в агглютинативных тюркских языках многосложное слово может иметь несколько (возможно, четыре или пять) степеней ударения, в зависимости от количества слогов, а качественная и количественная редуциция гласных обуславливается различными позициями в зависимости от степени ударения.

Каждому периоду развития тюркских языков соответствует своя архитектурная

¹¹ Аракчи В. Д. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М.: Наука, 1984 (раздел «Ударение»).

¹² Журавлев В. К. Диахроническая фонология. С. 152.

распределения гласных и согласных фонем в различных позициях слова. От этого и зависит установление основных типов и моделей фонологических структур (глава III).

Как показал Н. А. Баскаков, все тюркские языки по своему общему характеру разделяются на две большие ветви — западно-хуннскую и восточно-хуннскую, каждая из которых обладает своими специфическими признаками, составляющими две связанные системные изоглоссы. В свою очередь, каждая ветвь состоит из нескольких групп и подгрупп, к которым относятся те или иные конкретные тюркские языки. В книге приведены фонетические соответствия вокализма и консонантизма в каждой из групп и подгрупп тюркских языков, а также указано отсутствие отдельных фонем (с. 112—173). Тем самым выполнена «ювелирная работа», ясно показывающая фонемный состав 21 тюркского языка и различных диалектов, а также позиционное распределение фонем, признаковый характер сингармонизма, аллофоны фонем, фонологические признаки фонем, наличие или отсутствие основных явлений (делабиализация, фарингализация и др), редукции; кроме того, анализируется связанная комплексная изоглосса каждого языка.

Рассматривая эти данные, можно установить типологические схождения и различия в фонологической структуре тюркских языков, что является большой заслугой Н. А. Баскакова.

Взаимосвязь между фонематической и просодической структурами рассматривается в IV главе книги, так как фонологическая структура слова, слога и природа тюркского ударения тесно связаны и взаимобусловлены. Древнейший тип слова и слога состоял из СГС, в которой гласный элемент не имел фонемной значимости и все гласные были вариантами одной фонемы, тогда как согласные элементы слога были носителями дифференциальных признаков, и это давало в результате «силлабофонему»¹³.

Отметим, что при аналогичном подходе к структуре корневой морфемы автор называл эту единицу морфофонемой. Любопытно, что в структуре СГС слово-фонема, слово, морфема и слог совпадали в древних тюркских языках, и, следовательно, на разных уровнях автором удачно используются термины фонема (слово-фонема), морфофонема и силлабофонема¹⁴, причем они представляются реальными по своей

природе, а не условными, чисто описательными единицами наподобие морфофемы, используемой для показа морфонологической альтернативы.

В книге анализируются в их историческом развитии все типы открытых и закрытых слогов, существующие в современных тюркских языках.

Н. А. Баскаков рассматривает ударение в двух планах — как динамическое, экспираторное внутри отдельного слова, т. е. как силовое выделение отдельных его слогов, и как логическое, смысловое в отношении фразы, отдельного высказывания, предложения, словосочетания. В соответствии с этим первое ударение называется словесным, экспираторным, силовым ударением: в слове, второе — фразовым, логическим, музыкальным ударением внутри целого высказывания (с. 186). По справедливому замечанию автора книги, интонация и фразовое ударение еще мало изучены в тюркских языках. Поэтому Н. А. Баскаков высказывает свою точку зрения относительно выделения синтагмы, грамматической и эмоциональной сторон интонации, различных типов интонации, разграничительной функции фразового ударения и паузы, ритмической группы и т. д.

Много интересного можно найти в книге касательно просодического оформления фразы в тюркских языках. Однако нельзя согласиться с утверждением автора о том, что «интонация, или логическая мелодия фразы, представляет собой музыкальное движение тона, возникающее в речевом потоке и вытекающее из смысла и содержания данной фразы» (с. 183). И далее отмечается, что логическая фраза образует вместе со смысловым содержанием ритмически организованное единство, разделяющееся логическими паузами на несколько ритмических групп единиц, каждая из которых, в зависимости от задачи высказывания, имеет главное логическое ударение для выделения основного по смыслу слова, а также дополнительное второстепенное ударение (с. 189—190). Здесь, кроме отождествления интонации и логической мелодии, все ясно и не вызывает возражений. Обычно интонация определяется как сложное единство просодических средств — мелодии, фразового ударения, тембра, паузы и ритма.

Следовательно, логическая мелодия фразы выступает в качестве одного из ведущих компонентов интонации и в тесной взаимосвязи с другими просодическими средствами оформляет фразу с точки зрения смыслового содержания, с грамматической и эмоционально-экспрессивной сторон.

Н. А. Баскаков справедливо выделяет три типа редукции: фонетическую, фонетико-морфофонетическую и синтаксическую, каждая из которых четко указывает на сферу своего возникновения. Действительно, такие типы редукции нередко встре-

¹³ О фонематической и просодической интерпретации силлабофонемы см.: Клычков Г. С. Теория верификации... С. 130—147.

¹⁴ Нам представляется возможным употребление также термина «слогоморфема», так как слог и морфема могут совпадать в тюркских языках.

чаются в тюркских языках, о чем свидетельствуют приведенные в данной книге примеры (с. 196—199).

В заключении монографии кратко изложены основные результаты исследования, проведенные на основе глубоко задуманной реконструкции процессов развития фонологической структуры тюркских языков.

Автор убедительно установил существовавшие и ныне существующие типы и модели фонологических структур слова в тюркских языках. Для Н. А. Баскакова исследование фонологической структуры слова—это своеобразный теоретический «ключ» к типологическому установлению структур древних корневых морфем, слов, слогов, словосочетаний, опираясь на архитеконику образования которых можно изучить различные фонетические и фонологические процессы и явления, переход от изолирующего строя к агглютинативному строю, а также и некоторые другие особенности лексико-семантического и грамматического порядка.

Автор скромно считает некоторые свои положения спорными, недостаточно аргументированными; с нашей же точки зрения, егг глубокие гипотезы не вызывают больших возражений. Н. А. Баскакову принадлежит своеобразная фонологическая концепция, вполне приемлемая для исследования тюркских языков, хотя в ней отсутствуют различия парадигматического и синтагматического планов, разграничение различных типов фонологических оппозиций и нейтрализаций в терминах Н. С. Трубецкого или В. К. Журавлева. Однако все это не мешает автору эффективно использовать свои понятия и термины, методы и процедуры анализа. Монография Н. А. Баскакова являет собой большой научный вклад в развитие фонологических исследований тюркских языков как в диахроническом, историко-типологическом, так и в синхронном аспектах.

А. А. Абдуазизов

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЮРКОЛОГОВ: ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

2-е ИЗД., ПЕРЕРАБ./ПОДГОТ. А. Н. КОНОНОВ. М.: НАУКА. ГЛ. РЕД. ВОСТ. ЛИНТ., 1989. 300 с.

Пятнадцать лет назад, в 1974 г., увидел свет биобиблиографический словарь отечественных тюркологов дооктябрьского периода, составление которого было предпринято и осуществлено акад. А. Н. Кононовым, успешно сочетавшим свою основную специальность тюрколога-филолога с постоянными занятиями в сфере изучения истории развития тюркологии в СССР.

В словарь вошли данные о жизни и деятельности более чем 310 тюркологов дореволюционного периода: от ученых широкой известности до тех, несправедливо забытых, чей вклад в отечественную тюркологию являлся, быть может, и не столь весомым, но тем не менее был в свое время полезным и нужным.

Появление словаря отечественных тюркологов вызвало ряд самых благоприятных отзывов о нем в советской и зарубежной литературе. Отозвался на его выход в свет и журнал «Советская тюркология» (1975. № 1), охарактеризовавший словарь как заметное событие научной жизни и как капитальное издание, которому «суждено

на многие годы стать незаменимым справочником для всех тюркологов и востоковедов».

И вот перед нами новое, увидевшее свет уже после смерти А. Н. Кононова, переработанное издание словаря отечественных тюркологов дореволюционного периода, опубликованное, как явствует из титульного листа книги, под эгидой Отделения литературы и языка и Института востоковедения АН СССР и Советского комитета тюркологов.

Судя по письмам А. Н. Кононова, он и после издания словаря в 1974 г. не прекращал работу по выявлению и накоплению дополнительных данных к нему¹, а в нача-

¹ Как явствует из предисловия А. Н. Кононова ко второму изданию, труд этот значительно облегчался тем обстоятельством, что ему сопутствовала работа по подготовке второго издания книги А. Н. Кононова «История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период» (Л., 1982).

ле 1982 г. эта работа уже вплотную была связана с желанием подготовить к печати второе, переработанное издание словаря. «Я приступил к подготовке 2-го издания „Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов. Дооктябрьский период“», — сообщил он в письме к нам от 28 сентября 1982 г. В октябре 1986 г. болезнь сердца заставила А. Н. Кононова лечь в больницу, и врачи потребовали дозировать нагрузки. Однако, писал А. Н. Кононов, «несмотря на все эти неприятности, я закончил работу над 2-м изданием словаря... На этот раз работал без помощников...² Прибавилось много имен, большинство статей 1-го издания переработал, уточнил и дополнил». Опубликованное во втором издании предисловие составителя датировано январем 1986 г., т. е. было написано за несколько месяцев до кончины А. Н. Кононова, последовавшей 30 октября 1986 г.

Следует отметить, что продолжение А. Н. Кононовым работы над словарем соответствовало и пожеланиям Советского комитета тюркологов, который, со своей стороны, обращался с просьбой ко всем тюркологам, имеющим поправки, уточнения и дополнения к «Биобиблиографическому словарю отечественных тюркологов», сообщить их составителю словаря (Сов. тюркология. 1982. № 4. С. 111).

Внимательное ознакомление с содержанием второго издания словаря убеждает в том, что выполнено оно с присущей его составителю огромной эрудицией, поразительным трудолюбием, скрупулезностью и любовью к делу.

Достаточно сказать, что в этом издании содержатся биобиблиографические данные о таких деятелях отечественной тюркологии, не фигурировавших в первом издании словаря, как М. Х. Абрамов, Алишбек Алиев, Д. Г. И. Г. и Т. Г. Багратичи, Искандер Батыршин, А. А. Боголюбов, Н. З. Бравин, Б. Я. Владимирцов, Ф. А. Волегов, А. А. Володин, В. И. Даль, А. А. Диваев, Д. Люмареск, В. М. Заварин, А. С. Зеленый, Т. А. Ивашицкий, Н. Д. Калашев, А. А. Калинин, Саид-Камалхан Каххаров, Т. Г. Кезма, В. Ф. Костромитянов, А. И. Левшин, Н. С. Лыкошин, Н. Я. Марр, Медниц (М. М. Бжешкесан), А. Ф. Милдендорф, Б. В. Миллер, С. М. Михайлов, К. Г. Моstras, М. А. Невский, А. А. Олесницкий, М. М. Оракулов, С. Орбеллани, П. И. Пашина, И. И. Редовский, А. А. Ромаскевич,

² В подготовке первого издания наряду с А. Н. Кононовым как основным автором статей принимали участие Б. Г. Гузов и Н. А. Дулина и в качестве вспомогательного сотрудника Ю. А. Ли. Работа над вторым изданием проходила при технической помощи К. А. Жукова и М. С. Фомкина (составившего и «Указатель имен» к словарю).

А. А. Семенов, Г. Суровцев, П. И. Талиев, Г. и Х. Фанзахосовы, А. А. Фукс, К. Ф. Фукс, К. А. Херман, Нико Чубанашвили, А. Ф. Шахумов, А. М. Шегрен, И. И. Эрик. Всего до 50 новых имен!

Следует также отметить, что и в отношении многих из деятелей тюркологии, которые фигурировали в первом издании словаря, А. Н. Кононовым была осуществлена большая и кропотливая работа по дополнению данных о них на основе вновь обнаруженных архивных материалов, оставшихся ранее неизвестными публикаций их и о них, а также с учетом литературы, появившейся в свет после первого издания словаря.

Значительно дополнены тексты с биографическими данными об Абдусаттархане Абдулгаффарове, Абусуфьяне Акаеве, Н. Е. Ефимове, М. И. Иванове, Т. Н. Макарове, М. Д. Мамедове, М. А. Натансоне, В. М. Писареве, Саид-Расуль Ходжаеве.

Уточнены или выявлены заново даты жизни ряда персонажей словаря, например, М. А. Гаффарова, Л. А. Зимиша, Н. А. Лебедева, М. Д. Мамедова и др.

По словам самого А. Н. Кононова, у него «накопился материал, уточняющий и дополняющий прежние сведения, а часто и представления о целом ряде деятелей отечественной тюркологии» (с. 4).

Речь идет, следовательно, о появлении в свет во многом нового варианта словаря, существенно отличающегося от его первой публикации и значительно более полного.

Как известно, вторым изданием (1982) была выпущена и работа А. Н. Кононова «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период». Во многом этот капитальный труд А. Н. Кононова образует органическое единство и являют собою достойный памятник его неутомимой, плодотворной и поистине подвижнической деятельности на поприще востоковедной историографии. Оба эти издания заслуживают глубокого уважения и признательности и по праву войдут в золотой фонд истории развития гуманитарных знаний.

Конечно, наука не стоит на месте, и, как во всякой такого рода многосложной и многотрудной работе энциклопедического характера, с течением времени и во втором издании словаря будут обнаружены те или иные отдельные пропуски и пробелы, возникнет необходимость в новых дополнениях. Некоторые из них могут быть отмечены в качестве примеров уже и сейчас.

Так, вполне вероятно, что А. Н. Кононов включил бы в словарь также данные о востоковеде И. Д. Ягелло (1865—1942)³.

³ О нем, см.: *Искандаров Б. И., Юсупов Ш. Т.* Иван Дюнисевич Ягелло // *Изв. АН ТаджССР.* 1981. № 1 (103). С. 17—22.

Иранисту по своим основным занятиям и интересам, И. Д. Ягелло, как сейчас выясняется были не чужды работы по составлению и изданию «сартовско» (узбекско)-русских разговорников. При его участии и под его редакцией вышли в свет «Сартовский переводчик» (Ташкент, 1908. 64 с.) и другие публикации такого рода.

Фигурирующему в словаре А. Е. Маджи (с. 149) принадлежит также не указанный в словаре «Самоучитель узбекского языка (для русских)» в восьми выпусках (Ташкент, 1908—1912). Видимо, заслуживает внимания и следующая публикация: Исхак-хан-Тюрк Ходжа Джунаидулла Ишанов. Словарь на сартовском языке с объяснением русских, арабских, персидских, тюркских и индийских слов в мусульманской транскрипции (Ташкент, 1901).

Данные о публикациях З. А. Алексеева — автора самоучителя «сартовского» (узбекского) языка и «сартовско-русского разговорника» могут быть дополнены теперь указаниями еще на такую работу автора, как «Этимология сартовского языка для курсов при Ташкентском отделении Общества востоковедов» (1910).

В списке публикаций, посвященных Саттархану Абдулгаффарову, в словаре фигурирует статья его биографа А. П. Савицкого в журнале «Звезда Востока» (1960. № 11), но осталась вне поля зрения составителя ее отдельное, более полное издание в виде брошюры «Саттархан Абдулгаффаров — просветитель-демократ» (Ташкент, 1965. 48 с.), а также статья Салиха Усманова «Саттархан» (Шарк Юлдузи. Ташкент. 1962. № 7. С. 122—135).

Отмеченное А. Н. Кононовым расхождение между указаниями в литературе на дату рождения Абдулгаффарова (1843 или 1846) очевидно устраняется после по-

явления в свет не отмеченной в словаре публикации с воспроизведением текста надписи надгробной плиты на могиле Абдулгаффарова в Чимкенте⁴. Надпись точно фиксирует год его рождения (1262 г. х., или 1846 год европейского летосчисления).

Все это, конечно, не более чем отдельные детали, напоминающие о желательности того, чтобы уже в ближайшем будущем кто-либо из учеников и последователей Андрея Николаевича Кононова взял на себя систематический сбор дополнительных, постепенно накапливающихся данных к третьему изданию словаря, потребность в котором, несомненно, возникнет с течением времени как в одном из этапных изданий по истории отечественного востоковедения.

В заключение нельзя не коснуться еще одного аспекта рецензируемого издания. Каждый, кто пользуется книгами, выпускаемыми в свет московским Издательством восточной литературы, привык по достоинству оценивать их высокое полиграфическое качество. Тем досадней, что и второе издание «Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов» выпущено в свет на «бумаге типографской № 2», оставляющей желать лучшего. А ведь именно издания словарного типа, рассчитанные на многократное использование и долгую книжную жизнь, требуют и заслуживают выпуска их на бумаге наибольшей прочности и добротности.

Б. В. Лукин

⁴ Крачковский И. Ю., Крачковская В. А. Надгробная плита Абд ас-Саттар-хана // Эпиграфика Востока. Л., 1969. С. 59—63.

PERSONALIA

ФУАТ АШРАФОВИЧ ГАНИЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения заслуженного деятеля науки ТАССР, заведующего отделом языкознания Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского научного центра АН СССР, доктора филологических наук, профессора Фуата Ашрафовича Ганиева.

Ф. А. Ганиев родился в с. Насибаш Салаватского района Башкирской АССР в семье колхозника. В 1954 г. он окончил с отличием отделение татарского языка и литературы историко-филологического факультета Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, затем работал в средней школе, в научной редакции Таткиноиздата. В 1959 г. Ф. А. Ганиев поступает в аспирантуру при ИЯЛИ Казанского филиала Академии наук СССР. В 1963 г. он защищает кандидатскую, в 1977 г. — докторскую диссертацию.

Перу Ф. А. Ганиева принадлежит ряд монографических исследований: «Видовая характеристика глаголов татарского языка» (1963), «Фонетическое словообразование в

татарском языке» (1973), «Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке» (1974), «Суффиксальное глаголообразование в современном татарском литературном языке» (1976), «Вопросы морфологии татарского языка» (1980), «Образование сложных слов в татарском языке» (1982), «Конверсия в татарском языке» (1985).

Много труда вложил ученый в развитие татарской лексикографии. Он является одним из основных составителей трехтомного «Толкового словаря татарского литературного языка» (Казань, 1977—1981), участвовал также в составлении и научном редактировании русско-татарских и татарско-русских словарей.

Ф. А. Ганиевым опубликовано около ста статей по различным проблемам тюркских языков, что свидетельствует о широте научных интересов автора. В числе наиболее значительных следует отметить такие работы, как «Языковые основы передачи значения вида русского глагола в татарском языке» (1965), «Функции и диалектика развития национальных языков» (1967), «О синтетических и аналитических падежах татарского языка» (1970), «Проблема классификации частей речи в современном татарском языке» (1971), «К вопросу о морфологическом типе тюркских языков» (1976), «Методы и принципы изучения сложных слов» (1977), «Аналитическая морфология тюркских языков: проблемы и задачи» (1977), «Об орфографии сложных слов в тюркских языках» (1979) и др.

Вслед за А. Г. Коноваловым и Б. А. Сербренинниковым Ф. А. Ганиев пришел к выводу о том, что в тюркских языках нет категории совершенного и несовершенного вида, а имеется лексико-грамматическая категория характера протекания действия («способы действия», «видовые значения»), которая принципиально отличается от категории вида. В связи с этим он дал обстоятельный научный анализ категории

характера протекания действия глаголов татарского языка и ее детальную классификацию. Ученый впервые в тюркологии установил, что значения категории совершенного вида и несовершенного вида русских глаголов передаются формами времени тюркских языков в зависимости от их определенности и неопределенности.

Новым в исследованиях Ф. А. Ганиева является также то, что словообразование им выделяется как особая лингвистическая дисциплина, имеющая свою четко очерченную проблематику. Ученый проводит границу между морфологической и словообразовательной структурами слова, что, по нашему мнению, дает возможность полнее и глубже раскрыть как явления словообразования, так и морфологию.

Исследует Ф. А. Ганиев и полную систему суффиксального словообразования в татарском языке. Ученым выявлены и изучены новые суффиксальные комплексы, до сих пор не отмеченные ни в одной из работ по татарскому языку. Так, у существительных им выделено 100 суффиксов, у глаголов — свыше 60, у прилагательных — 50, у наречий — 25, что в 1,5—2 раза превышает общее количество суффиксов, известных в науке ранее. У большого числа суффиксов обнаружены прежде не указанные значения. Так, например, у суффикса *-ла/-лэ* ученым установлено 30 значений, у суффикса *-чы/-че* — 22 значения, у суффикса *-лык/-лек* — 20 значений и т. д.

Следует отметить и то, что Ф. А. Ганиев проводит структурно-функциональное и системное изучение словообразующих суффиксов в зависимости и в связи с производящими основами.

Ученый одним из первых в тюркологии развил идею конверсии как способа словообразования (в том числе функциональных прилагательных, функциональных наречий и др.) в тюркских языках. Им же исследованы основные вопросы фонетического словообразования в татарском языке.

По мнению Ф. А. Ганиева, образование сложных слов в татарском языке представ-

лено не одним, а тремя способами: 1) словосложением, 2) лексикализацией словосочетания, 3) переходом свободного синтаксического словосочетания при его суффиксации в сложное слово.

В настоящее время в институте подготовлена к печати академическая грамматика татарского языка в трех томах, одним из основных составителей и членом редколлегии которой является Ф. А. Ганиев.

В своих трудах ученый поднимает общетюркологические, а также общелингвистические вопросы. Так, морфология тюркских языков, по утверждению Ф. А. Ганиева, является сложной, неоднотиповой с точки зрения характера грамматических средств, и в выражении грамматических значений в этих языках участвуют как синтетические, так и аналитические средства. Следовательно, объектом исследования в тюркских языках должна быть не только синтетическая, но и аналитическая морфология. Отсюда вытекает и другое положение: тюркские языки не являются чисто агглютинативными, почти половина грамматических и словообразовательных средств в них носит аналитический характер, поэтому тюркские языки следует отнести к агглютинативно-аналитическим языкам.

За основу правописания сложных слов Ф. А. Ганиев предлагает взять взаимоотношение компонентов, полагая, что при предикативной, атрибутивной связи компоненты сложных слов следует писать слитно, при сочинительной связи — через дефис и т. д.

Ф. А. Ганиев — не только неутомимый труженик науки, но и активный общественник, член научного совета «Язык и общество» АН СССР, председатель республиканского Координационного совета по лингвистике и ряда республиканских комиссий.

Коллеги и друзья поздравляют Фуата Ашрафовича Ганиева с юбилеем и желают ему доброго здоровья и осуществления новых творческих замыслов.

В. Х. Хаков, М. Г. Мухамадиев

МУХТАР ГУСЕЙН ОГЛЫ ГУСЕЙНЗАДЕ

(К 90-летию со дня рождения)

21 марта 1990 г. исполнилось 90 лет со дня рождения замечательного азербайджанского ученого-лингвиста, старейшины трех поколений языковедов Азербайджана Мухтара Гусейн оглы Гусейнзаде.

М. Г. Гусейнзаде родился в Иранском Азербайджане — в сел. Зунуз. Четырнадцатилетним он приехал в Закавказье, где работал горнорабочим на медных рудниках. В Гяндже одаренный юноша окончил рабочий факультет, затем в Баку — университет и в Москве — аспирантуру. В 1946 г. М. Г. Гусейнзаде защитил кандидатскую диссертацию. Работал деканом факультета языка и литературы двухгодичного института учителей при педагогическом институте (1935), руководил кафедрой языка и литературы Азербайджанского заочного педагогического института (1936—1941).

В 1943—1948 гг., будучи преподавателем Бакинского университета, М. Г. Гусейнзаде одновременно работал и в Гянджинском педагогическом институте, где возглавлял деканат и кафедру азербайджанского языка. В течение четырех лет он заведовал отделом современного азербайджанского языка Института литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР (1953—1957).

Основным местом педагогической и научной деятельности ученого был Бакинский государственный университет, в котором он более сорока лет был деканом и около полувека заведовал кафедрой общего языкознания. В 1969 г. М. Г. Гусейнзаде был удостоен почетного звания «Заслуженный

деятель науки Азербайджанской ССР», в 1974 г. — Государственной премии республики.

М. Г. Гусейнзаде — автор многих научных трудов, отличающихся яркой самобытностью по способу изложения и научной аргументации, среди которых особо выделяется его знаменитый «Современный азербайджанский язык (фонетика, лексика, морфология)».

М. Г. Гусейнзаде был крупным специалистом в области синтаксиса азербайджанского языка. Его работа «Односоставные и сложные словосочетания в современном азербайджанском языке», объемные статьи, посвященные определительным словосочетаниям первого и второго типа в современном азербайджанском языке, отдельные главы двухтомника «Синтаксис азербайджанского языка» отличаются тонкостью наблюдения и глубиной осмысления языковых фактов. Задолго до появления трудов по семантической грамматике в указанных работах М. Г. Гусейнзаде всесторонне, комплексно и на высоком научном уровне исследовались закономерности и взаимосвязь лексико-семантической сочетаемости именных частей речи, фактически были решены многие вопросы синсемаснологии. Они отличались от других предшествующих им работ последовательностью системного анализа всего непредикативного синтагматического фонда азербайджанского языка.

Побил все рекорды долголетия учебник «Азербайджанский язык (синтаксис)», написанный М. Г. Гусейнзаде в соавторстве с академиком АН АзССР М. Ш. Ширалиевым, который с 1938 г. с успехом используется в старших классах средних школ.

Заслуживает внимания работа М. Г. Гусейнзаде (соавтор М. Ш. Ширалиев) «Знаки препинания азербайджанского языка» (1945), а также «История развития азербайджанского языкознания» (1948), «Развитие азербайджанского языкознания за годы Советской власти», «Очерк 40-летней истории азербайджанского языкознания» (1960) и др.

Велики заслуги М. Г. Гусейнзаде в деле подготовки языковедческих кадров республики, в числе которых 10 докторов и 50 кандидатов наук.

Пройдут годы, и ученики уже третьего поколения с большой благодарностью отметят 100-летие своего незабвенного учителя — одного из основоположников азербайджанской советской науки о языке.

А. Ахундов

АУЕЛБЕК КОНРАТБАЕВИЧ КОНРАТБАЕВ

(К 85-летию со дня рождения)

Исполнилось восемьдесят пять лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора Ауелбека Конратбаева — одного из виднейших ученых в области фольклористики и тюркской филологии в Казахстане (10. IX 1905—27. I 1986).

Выпускник ташкентского Казинпроса (1925) и историко-филологического факультета Казахского педагогического института им. Абая (1941), он в 1944 г. продолжает учебу в аспирантуре Казахского филиала АН СССР, специализируясь в области среднеазиатской и древнетюркской филологии. В 1945 г. под научным руководством члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского (научные оппоненты — доктора филологических наук М. О. Ауэзов и А. Х. Маргулан) он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Казахский лироэпос». Другим значительным достижением исследователя явилась основополагающая работа «Древнетюркская поэзия и казахский фольклор» (1971), выдвинутая на соискание ученой степени доктора филологических наук.

В различные годы жизни А. Конратбаев находился на партийной, советской, газетной и научно-педагогической работе.

Научная же его деятельность далеко не всегда находила понимание. Было время, когда труды А. Конратбаева оценивались однозначно отрицательно, с позиций вульгарной социологии и догматической критики. Вскоре после постановления ЦК Компартии Казахстана от 21 января 1947 г. «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы АН КазССР», принятого вслед за печальной памятью «ждаповским постановлением» (1946), он наряду со многими видными казахскими учеными-филологами был освобожден от занимаемой должности в ИЯЛ АН КазССР.

Начиная с 1948 г. А. Конратбаев последовательно исполнял обязанности заведующего кафедрой казахского языка и литературы, доцента (1955), профессора (1974), профессора-консультанта (1984) Кызыл-Ординского пединститута им. Н. В. Гоголя.

В настоящее время решением Комиссии ЦК Компартии Казахстана от 9 декабря 1989 г. вышеуказанное постановление отменено. В заключении комиссии справедливо отмечалось, что в те годы необоснованной «критике подвергались труды зачинателей казахского литературоведения М. Ауэзова, Х. Джумаалиева, Е. Исмаилова, Т. Нуртазина, А. Конратбаева, А. Маметовой, которым инкриминировались идеализация феодально-родового строя, неклассовый подход к творчеству поэтов прошлого».

Ранний период научной деятельности А. Конратбаева характеризуется особым вниманием исследователя к устному народному творчеству и этнографическим особенностям казахского народа. Еще в 20-х годах на страницах газеты «Ақ жол» (орган ЦК РКП(б) Туркестана), журнала «Жас қайрат» (орган ЦК КСМ Туркестана) публикуются его первые фольклорно-этнографические материалы, статьи, рассказы и стихотворения. Работая в редакциях журналов «Жас қайрат», «Шолпан» и газеты «Ақ жол», А. Конратбаев знакомится с корифеями казахской литературы и литературоведения — А. Байтұрсыновым, Ж. Аймауытовым, М. Жумабаевым, М. Дулатовым и другими, добрые имена и добротные труды которых в настоящее время возвращены народу.

Фольклорные интересы А. Конратбаева были связаны и с деятельностью фольклорной комиссии, созданной при Наркомпросе Туркестанской АССР (1920—1921).

Еще будучи студентом, он неоднократно участвует в экспедициях, возглавляемых известным этнографом, профессором А. Диваевым, членами фольклорной комиссии К. Бурневым, Р. Тулешевым, депутатом ТуркЦИКа Калжаном Конратбаевым и др. В состав комиссии входили видные государственные деятели, просветители, а также большие ценители устного творчества народов Средней Азии и Казахстана, в числе которых следует назвать С. Ходжа-нова, Н. Турекулова, И. Токтыбаева, Х. Досмухамедова, А. Токамбаева и др.

В середине 40-х годов ученый принимает активное участие в диалектологических экспедициях, организованных Советом Народных Комиссаров Казахской ССР (1944, 1946) и Президиумом Казахского филиала АН СССР (1944—1945), а затем АН КазССР (1946—1948): В эти годы А. Конратбаевым были записаны, собраны и пере-

даны в рукописный фонд АН КазССР многочисленные образцы устного народного творчества казахов, проживающих в республиках Средней Азии (Узбекской и Туркменской ССР), а также в различных регионах Казахстана — Акмолинской, Актюбинской, Алма-Атинской, Кызыл-Ординской и Западно-Казахстанской областях.

Научное творчество А. Конратбаева многогранно. На протяжении долгих лет он плодотворно трудился в области древнетюркской и среднеазиатской филологии, истории казахской литературы, художественной критики, методики преподавания литературы. Его фундаментальные труды, такие, как «Библиографический указатель казахской советской литературы» (в соавторстве, 1950), «Образ и его типизация» (1970), «Мастерство писателя» (1979), «Очерки по методике преподавания литературы» (1962), «Методика преподавания литературы» (1966), снискали заслуженное признание в республике.

Однако ядром научно-исследовательской деятельности А. Конратбаева всегда были фольклористика и проблемы тюркологии. Именно на этом поприще ученым были достигнуты наиболее значительные результаты. В середине 40-х годов на страницах журнала «Эдебнет жэне искусство» (1946. № 1, 2—3, 6) он публикует цикл статей о творчестве выдающихся поэтов и мыслителей Востока — Фирдоуси, Рудаки, Ибн Сины, Омара Хайяма, Хагани, Низами, Руми, Хафиза, Джами и др. Большой научный резонанс вызвала развернутая статья А. Конратбаева «Великий классик узбекской литературы Алишер Навои», опубликованная в «Вестнике» АН КазССР (1948. № 5) к 500-летию со дня рождения поэта.

Перу ученого-востоковеда принадлежат более 300 научных трудов, среди которых выделяются монографии «Поэзия Шолпан Иманбаевой» (1956), «О казахском эпосе „Козы Корпеш“» (1959), «Древнетюркская поэзия и казахский фольклор» (1971), «Эпос и его сказители» (1975), «Казахский

эпос и тюркология» (1987), высоко оцененные научной общественностью Казахстана и Узбекистана.

Интерес представляют сформулированные А. Конратбаевым гипотезы относительно генезиса ряда богатых сказаний («Коруглы», «Алпамыс», «Китаби Коркут») и типологических сходжений между ними. Оригинальны суждения ученого, высказанные им по вопросу о мифологических представлениях древнетюркских племен. Основательно проанализировав многие памятники письменности Востока, автор приходит к выводу о созвучии мифологии народов Алтая, Шумера и Индии с мифологией тюркоязычных племен, некогда обитавших на территории Средней Азии, Алтая и Казахстана.

Широтой научного видения, обилием использованных источников и продуманностью аргументации отличаются исследования, посвященные сюжетам ряда классических произведений восточной литературы — «Шах-наме», «Фархад-Шырын», «Шейбани-наме», «Огуз-наме» и др. Сравнительное изучение текстов находит в этих работах поддержку в данных, полученных в результате успешного применения историко-типологического метода изучения литературы, а также материалов из этнической истории среднеазиатских народностей.

А. Конратбаев снискал известность и на нелегком поприще переводчика древних памятников письменности. Им переведены и изданы «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу», средневековый огузский памятник «Китаби Деде Коркуд», индийский сборник сказок «Книга попугая» (в соавторстве с Т. Конратбаевым).

Научное наследие А. Конратбаева составляет важное звено в развитии фольклористики и тюркологии в Казахстане. Думается, что к трудам ученого будут вновь и вновь обращаться молодые исследователи, а значит, и память о профессоре А. Конратбаеве не потускнеет.

Р. Бердибаев

МЕФОДИЙ ФЕДОРОВИЧ ЧЕРНОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения видного чувашского языковеда, доктора филологических наук, профессора Мефодия Федоровича Чернова.

Выпускник историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева, М. Ф. Чернов ряд лет отдал работе на педагогиче-

ском поприще — сначала в качестве преподавателя, а затем и директора школы в Чебоксарском районе.

В 1959—1962 гг. М. Ф. Чернов проходил аспирантскую подготовку на кафедре чувашского языка и литературы вышеупомянутого пединститута, основное внимание уделяя анализу одной из неразработанных проблем чувашского синтаксиса — явления обособления. Результатом его упорного труда явилась монография «Обособленные члены предложения в чувашском языке» (1963), которую он в том же году представил в Институт языкознания АН СССР и успешно защитил в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В монографии автор на большом фактическом материале показал грамматическую природу и сущность обособления в чувашском языке, его отличия от синтаксических структур подобного рода в других тюркских языках.

В дальнейшем основные научные интересы исследователя были сосредоточены на вопросах чувашской фразеологии. Этот раздел чувашского языкознания в то время (60—70-е годы) не был предметом специального исследования не только в плане монографическом, но и в плане разработки каких-либо отдельных, частных тем или аспектов. Для того чтобы всецело посвятить себя изучению данной проблемы, М. Ф. Чернов в 1973 г. переходит в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, где исполняет обязанности заведующего отделом языка, а затем — старшего научного сотрудника. Этот период его научно-исследовательской деятельности является самым плодотворным: по

вопросам чувашской фразеологии ученый опубликовал ряд работ общим объемом около 100 печ. л. В 1985 г. из печати вышла его монография «Фразеология современного чувашского языка», а в 1988 г. — очередная книга под названием «Современный чувашский язык. Слово, фразеологизм и свободное сочетание слов». Оба исследования, как и многие работы автора по данной проблематике, получили высокую оценку специалистов не только в нашей стране, но и за ее пределами.

В 1988 г. в Алма-Ате на заседании специализированного совета при Институте языкознания АН Казахской ССР М. Ф. Чернов успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Фразеология современного чувашского языка». Этот фундаментальный труд ученого является итогом многолетних изысканий в области фразеологической системы чувашского языка, вкладом юбиляра не только в чувашское языкознание, но и в тюркологию в целом. Диссертация заслуженно получила высокую оценку научной общественности.

В работах М. Ф. Чернова впервые в чувашском языкознании комплексно исследуются теория и практика чувашской фразеологии, анализируются фразеологические единицы языка с точки зрения ее семантики и структуры, а также лексико-грамматического значения. Исследователь всесторонне проанализировал сущность свободных и несвободных сочетаний слов или фразеологизмов. Изучая особенности фразеологических единиц по степени спаянности компонентов, М. Ф. Чернов пришел к выводу о том, что в чувашском языке выделяются два семантических типа фразеологизмов — фразеологические сочетания и идиоматические сочетания. Ученый добивается внедрения своих теоретических положений и установок в практику лексикографии и фразеологии: в 1975 г. он опубликовал «Краткий русско-чувашский фразеологический словарь», а в 1982 г. увидел свет «Чувашско-русский фразеологический словарь. Глагольно-именные фразеологизмы». На стадии завершения находится работа над большим «Русско-чувашским фразеологическим словарем» объемом 50 авт. л.

М. Ф. Чернова по праву можно назвать основателем целого раздела чувашского языкознания — фразеологии. Ряд его работ опубликован в журнале «Советская тюркология», в различного рода сборниках, изданных в ряде научных центров страны. С результатами своих изысканий ученый выступал на конференциях, совещаниях и научных сессиях в Москве, Алма-Ате, Ташкенте, Уфе, Казани.

Весомы заслуги юбиляра в области изучения чувашского языка. Круг его научных интересов широк: это, помимо проблем чувашской фразеологии, вопросы историографии чувашского языка, проблемы лексикологии и лексикографии, вопросы синтаксиса, языка художественной литературы.

М. Ф. Чернов является автором ряда разделов I тома коллективного труда «Современный чувашский литературный язык», сданного в печать. В настоящее время ученый плодотворно разрабатывает вопросы синтаксиса простого предложения чувашского языка.

Много времени и труда вложил М. Ф. Чернов в подготовку тематических языковедческих сборников, которые на протяжении вот уже 15 лет выходят из печати под его редакцией.

Сейчас ученый работает на кафедре чувашского и русского языков Чувашского государственного пединститута им. И. Я. Яков-

лева; активно участвует он в общественной жизни, выступает с лекциями.

М. Ф. Чернов пользуется заслуженным авторитетом как среди лингвистов-чувашеведов, так и среди ученых-тюркологов страны. Коллеги и ученики знают юбиляра как человека доброго и отзывчивого, всегда готового поделиться своими знаниями и опытом работы не только с профессиональными учеными, но и с учителями школ и студентами.

Друзья и ученики желают юбиляру крепкого здоровья и новых успехов на научном и педагогическом поприще.

Л. П. Сергеев

МАГОМЕТ АХИЯЕВИЧ ХАБИЧЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет известному карачаевскому тюркологу и русисту, профессору Карачаево-Черкесского госпединститута, доктору филологических наук Магомету Ахияевичу Хабичеву.

Четырнадцатилетним подростком М. А. Хабичев начал работать на льняных полях совхоза Джанги-Пахта Сукулского района Фрунзенской области Киргизской ССР (в период культа личности карачаевцы наряду с некоторыми другими народами были высланы в Среднюю Азию и Казахстан). В 1950 г. он окончил Джанги-Пахтинскую среднюю школу и в том же году прошел по конкурсу на филологический факультет Киргизского государственного университета, который успешно окончил в 1954 г. В 1958 г. М. А. Хабичев стал аспирантом

сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР и в 1962 г. защитил в Институте народов Азии и Африки АН СССР кандидатскую диссертацию на тему: «Местоимение в карачаево-балкарском языке».

В 1972 г. на ученом совете Азербайджанского государственного университета М. А. Хабичев защитил докторскую диссертацию на тему: «Именное словообразование и формобразование в карачаево-балкарском языке (опыт сравнительно-исторического изучения)».

Почти вся научно-педагогическая деятельность ученого связана с Карачаево-Черкесским госпединститутом, в котором он работает уже 33 года. Основные научные интересы М. А. Хабичева сосредоточены в области сравнительно-исторического изучения тюркского именного словообразования, формобразования и словозменения. Он занимается также вопросами общего языкознания, исследует актуальные научные проблемы тюркологии и русистики, в том числе характер тюркской и русской морфемки, взаимовлияние языков народов западного Кавказа, принципы и методы социолингвистических исследований, дальнейшее развитие национально-русского двуязычия в современных условиях, особенности западно-тюркских рунических памятников, иноязычную лексику в «Слове о полку Игореве», грамматический строй «Кодекс Куманикус», карачаево-балкарский нартский эпос и историко-героические песни карачаевцев и балкарцев.

В монографиях и книгах М. А. Хабичева — «Местоимение в карачаево-балкарском языке» (1961), «Карачаево-балкарское именное словообразование» (1971), «Вза-

имовляющие языков народов западного Кавказа» (1980), «Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение» (1977), «К гидронимике Карачая и Балкарии» (1982), «Именное словообразование и формообразование в куманских языках» (1989), «Бийнгер» (1984), «Касбот Кочкаров — старейшина народных певцов» (1986) и других — исследуются приоритетные вопросы карачаево-балкарской филологии. Им написаны также учебники и хрестоматия родного языка, раздел «Грамматики карачаево-балкарского языка», составлен свод правил по орфографии и пунктуации родного языка. Перу ученого принадлежит около 120 научных статей.

За время работы в КЧГПИ проф. М. А. Хабичев разработал оригинальные курсы лекций по всем разделам современного русского и карачаево-балкарского языков, общему языкознанию, тюркологии; он организовал на факультете научно-студенческую лабораторию «Узловые вопросы современного русского языка и национально-русского двуязычия», подключив к ее работе способную вузовскую молодежь.

На протяжении вот уже 45 лет М. А. Хабичев собирает материалы, связанные с карачаевским и балкарским нарским эпо-

сом, историческим эпосом, фольклорные тексты, созданные народом за годы Советской власти. Ученым подготовлен к печати 1-й том карачаево-балкарских поэм (нарских и исторических).

М. А. Хабичев — участник многих всесоюзных и региональных научных конференций, форумов, пленумов. Немало сил он отдает подготовке научных кадров. Им написано множество отзывов на докторские и кандидатские диссертации и авторефераты, не раз выступал ученый в роли научного руководителя и оппонента.

М. А. Хабичев ведет значительную общественную работу; он является председателем авторского коллектива орфографической комиссии при облисполкоме, членом научного совета «Язык и общество» АН СССР, председателем комиссии по охране материальной и духовной культуры карачаевского народа.

Многочисленные друзья, коллеги и ученики Магомета Ахияевича Хабичева горячо поздравляют его с юбилеем и желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в научно-педагогической деятельности.

М. З. Улаков

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ф. А. Ганиев (Казань). Конверсия в тагарском языке	3
О. Т. Молчанова (Львов). Типология тюркских географических имен	9

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

К. Н. Велиев (Баку). Эпический текст как предмет лингвистической поэтики	23
Э. Сейтжанов (Алма-Ата). Казахский реально-исторический эпос	33
А. М. Бушуй, Р. Д. Журакулов (Самарканд). Фразеология узбекских народных сказок	40

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Л. Р. Кызласов (Москва). Этнонимы хаас и хасха в хакасском	49
Р. А. Юналева (Казань). Об исследовании ареального функционирования тюркизмов	52

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. Н. Наджип (Москва). Старотурецкий поэт XIV—XV вв. Ахмеди и его поэтический роман «Искендер-наме»	61
М. С. Фомкин (Ленинград). О суфийских мотивах в «Благодатном знании» Юсуфа Баласагуни	68

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ирэн Меликофф (Франция). Кызылбашская проблема	75
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Жетписбаева (Алма-Ата). Путь через вска	92
А. А. Абдуазизов (Ташкент). Н. А. Баскаков. Историко-типологическая фонология тюркских языков	95
Б. В. Лукин (Ташкент). Библиографический словарь отечественных тюркологов: дооктябрьский период	99

PERSONALIA

В. Х. Хаков, М. Г. Мухамадиев (Казань). Фуат Ашрафович Ганиев	102
А. Ахундов (Баку). Мухтар Гусейн оглы Гусейнзаде	104

<i>P. Berdibaev</i> (Alma-Ata). Ayelbek Konratbaevich Konratbaev	105
<i>L. P. Sergeev</i> (Cheboksary). Mefodiy Fedorovich Chernov	106
<i>M. Z. Ulafov</i> (Nalchik). Magomet Akhievich Khabichev	108

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>F. A. Ganiyev</i> (Kazan). Conversion in the Tatar language	3
<i>O. T. Molchanova</i> (Lvov). Typology of the Turkic geographical names	9

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE

<i>K. N. Veliyev</i> (Baku). Epic text as the subject of the linguistic poetry	23
<i>Z. Seitzhanov</i> (Alma-Ata). Kazakh real historical epos	33
<i>A. M. Bushui, R. D. Zhurakulov</i> (Samarkand). Phraseology of the Uzbek popular tales	40

ETHNOLINGUISTIC RELATIONS

<i>L. R. Kyzlasov</i> (Moscow). <i>Khaas</i> and <i>khaskha</i> in the Khakass language	49
<i>K. A. Yunaleyeva</i> (Kazan). About the research of the areal function of Turkisms	52

MATERIALS AND REPORTS

<i>E. N. Nadzhip</i> (Moscow). Old-turkish poet of XIV—XV c. Akhmedi and his poetic novel «Iskander-name»	61
<i>M. S. Fomkin</i> (Leningrad). About the sufi motives in the «Kutadgu bilig» by Yusif Balasaguni	68

DISCUSSIONS

<i>Iren Melikoff</i> (France). The Kyzylbash problem	75
--	----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>A. Zhetpisbayeva</i> (Alma-Ata). Путь через века	92
<i>A. A. Abduazizov</i> (Tashkent). Н. А. Баскаков. Историко-типологическая фонология тюркских языков	95
<i>B. V. Lunin</i> (Tashkent). Библиографический словарь отечественных тюркологов: дооктябрьский период	99

PERSONALIA

<i>V. Kh. Khakov, M. G. Mukhamadiyev</i> (Kazan). Fuat Ashrafovich Ganiyev	102
<i>A. Akhundov</i> (Baku). Mukhtar Guseyn ogly Guseynzade	104
<i>R. Berdibayev</i> (Alma-Ata). Ayelbek Konratbayevich Konratbayev	105
<i>L. P. Sergeev</i> (Cheboksary). Mefodiy Fedorovich Chernov	106
<i>M. Z. Ulafov</i> (Nalchik). Magomet Akhivaevich Khabichev	108

© «Советская тюркология», 1990 г.

Технический редактор *Б. М. Абдуллаев*.
Корректор *С. Д. Эфендиева*.

Сдано в набор 16.08.90 г. Подписано к печати 29.04.91.   Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 5646. Тираж 2150. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал.

Индекс - 70927

1 р. 10 к.